

Фёдор Чудаков

«ЧАША СТРАДАНИЯ ДОПИТА ДО ДНА!..»

Из творческого наследия выдающегося сатирика
начала XX века

Владивосток
2016

ББК 84(2)

Ч84

Чудаков, Фёдор

Ч84 «Чаша страдания допита до дна!..» Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Составление, предисловие, подготовка текста, комментарии Александра Урманова. – Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. – 716 с.

ISBN 978-5-85538-112-2

Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918) – один из самых талантливых российских сатириков начала XX века, поэт, прозаик, журналист, сотрудник и редактор благовещенских газет и журналов, печатавшийся под псевдонимами *Амурец*, *Босяк*, *Гусляр*, *Кузьма Резниченко*, *Язва* и др. Самый яркий литератор Приамурья дореволюционного времени, трагически ушедший из жизни во время подавления т.н. Гамовского мятежа, в советскую эпоху по идеологическим причинам – из-за неприятия большевистской власти (и самоубийства на этой почве) – был предан полному забвению. Данная книга – первое за столетие издание его произведений, призванное вернуть фактически из небытия масштабную творческую личность, сопоставимую с первыми сатириками Серебряного века. Помимо сатиры, в книге представлены лирика, художественная, очерковая и мемуарная проза, драматургия Чудакова, а также уникальные материалы, связанные с его гибелью, отклики на смерть писателя и воспоминания его современников.

Вошедшие в книгу произведения публиковались, в основном, на страницах ставших библиографической редкостью периодических изданий Приамурья 1910-х годов и с тех пор не издавались.

Книга готовилась в рамках государственного задания № 1344 «Художественные миры русских писателей XIX–XXI веков: проблема взаимодействия общенационального и регионального культурного пространства»

В оформлении книги использовано произведение художника Василия Кандинского из фондов Приморской государственной картинной галереи.

Автор и издательство выражают благодарность Игорю Геннадьевичу Горевому и Владимиру Викторовичу Глазунову за помощь в издании книги

ISBN 978-5-85538-112-2

© А. Урманов, 2016

© «Рубеж», 2016

АМУРСКИЙ САША ЧЁРНЫЙ

В предреволюционное десятилетие самым ярким и самым значительным литератором Приамурья был Фёдор Иванович Чудаков – сатирик, поэт, прозаик, журналист, сотрудник (и редактор) ряда благовещенских газет и журналов, печатавшийся под псевдонимами *Амурец*, *Босяк*, *Гусяр*, *Кузьма Резниченко*, *Фёдор Ч.*, *Язва* или (реже) *Блинохват*, *Гражданин Уклекин*, *Г-ръ*, *Г-ъ*, *К. Рез.*, *Мисс Нелли*, *Соловей Разбойник*, *Ф. Ч.*, *Чижик*, *Эс-эр, Я.*, *Я-а*, *Jasva*, *Proletaire* (установить все псевдонимы писателя не представляется возможным, так как нередко они использовались лишь однократно – для какого-то конкретного случая)... Его острые стихотворные фельетоны на темы общероссийской и местной жизни увеличивали число подписчиков и пользовались огромным успехом у читателей, но при этом вызывали недовольство властей. Как автор и редактор Чудаков подвергался цензурному давлению, судебным преследованиям, арестам, много месяцев провёл «на горке» – в благовещенской тюрьме.

Известность его в то время выходила за пределы Приамурья и распространялась, прежде всего, на обширный сибирско-дальневосточный регион. Автор вышедшего в 1916 году в Иркутске «Словаря сибирских писателей, поэтов и учёных» Михаил Стож писал (имея в виду лишь малую часть сатирических произведений Чудакова): «Я з в а псевдоним – талантливый поэт-фельетонист дальневосточных газет, прекрасно владеет стихом, остроумен. Дарование его широко выбивается из рамок газетного фельетона»¹. А в 1922-м, уже после смерти Чудакова, очень лестную оценку его творчеству дал видный сибирский критик и организатор издательского дела, один из редакторов журнала «Сибирские огни» Михаил Басов. Чу-

¹ *Стаж М.Е.* Словарь сибирских писателей, поэтов и учёных. – Иркутск, 1916. – С. 40.

даков был назван им «талантливым сатириком и поэтом», «несомненно крупным поэтом», в стихах которого можно найти «ценные отзвуки целой эпохи и жизни Приамурья»¹. Более высоко оценивая лирический талант Чудакова, Басов, тем не менее, признавал, что рассыпанные по многочисленным газетным номерам «сатирические блёстки» *Амурца* «являлись шедеврами творений подобного рода. Незначительный сам по себе факт он умел так осветить, что читатель получал целую картину, огромный вопрос далеко не амурского значения».

Сатирик ушёл из жизни в самом расцвете, когда ему едва исполнилось тридцать, но к этому моменту это уже была по-настоящему масштабная творческая фигура, явление общенационального, а не «местного», не регионального характера. По мнению многих знакомых с творчеством Чудакова современников, его фельетоны, печатавшиеся в малотиражной амурской периодике, ничем не уступали сатире Саши Чёрного, Аркадия Аверченко, Аркадия Бухова, Тэффи (Надежды Лохвицкой) и других прославленных современников, авторов популярных в начале XX века столичных журналов «Сатирикон» (1908–1914) и «Новый Сатирикон» (1913–1918). Так, откликаясь на выход из печати первого номера издаваемого и редактируемого Ф. Чудаковым сатирического журнала «Дятел, беспартийный», почти на сто процентов заполненного его собственными произведениями разных жанров, самая авторитетная газета Приамурья «Амурское эхо» писала: «Мы с интересом ожидали его выхода, и он более чем оправдал наши ожидания. Номер редкостно интересный, полный весёлого блестящего остроумия. Ряд вещей “Дятла” украсил бы страницы знаменитого “Нового Сатирикона” с той лишь разницей, что для нас, благовещенцев, “Дятел” интереснее, так как персонажи “Дятла”, его темы – наши знакомые, наши благовещенские лица и думы». Разобрав и процитировав опубликованные в «Дятле, беспартийном» произведения Чудакова, рецензент «Амурского эха» делал вывод, что «новый журнал – явление выдающееся».

Общественная реакция на трагический уход писателя была для Приамурья беспрецедентной: никогда прежде и никогда в последующем смерть местного автора не вызывала такого потрясения, такого мощного и продолжительного резонанса. Никакая другая утрата подобного рода не воспринималась так болезненно и не казалась настолько непоправимой для литературы. Даже трагическая гибель во время российско-китайского вооружённого конфликта

¹ Басов М. Ф.И. Чудаков // Сибирские огни. – 1922. – № 1. – С. 158–161.

в июле 1900 года первого амурского поэта, любимого и высоко ценимого благовещенцами тридцатилетнего казачьего офицера Леонида Волкова не потрясла читателей так сильно, как самоубийство Фёдора Чудакова. Интерес к личности и творчеству сатирика настолько обострился, что, откликаясь на этот общественный запрос, через два месяца после смерти *Амурца* в Благовещенске с периодичностью раз в две недели стал выходить литературный журнал «Чайка», провозгласивший одной из главных своих программных задач оценку личности и творчества безвременно ушедшего автора. Выбор нечастого в русской журналистике и литературе «орнитологического» названия объясняется желанием «Чайки» обозначить преемственную связь с журналом Чудакова «Дятел, беспартийный». Идеолог и редактор-издатель «Чайки» – Михаил Катаев, прежде, в 1916–1917 гг. редактировавший газету «Амурское эхо» (наиболее известным автором которой был *Амурец*), а в 1917–1918 гг., как и Чудаков, являвшийся сотрудником эсеровской газеты «Народное дело». Очевидно, совместная работа сблизила Катаева с Чудаковым, внушив глубокое уважение к его личности и творчеству. Значительное место в «Чайке» занимали произведения Фёдора Чудакова, а также статьи и воспоминания о нём. Два номера журнала (2-й и 5-й) были почти целиком посвящены Чудакову. «Чайка» стала печатным органом, который координировал усилия амурской общественности по увековечиванию памяти *Амурца*, по сохранению его творческого наследия. В 3-м номере, датированном 16 июня 1918 г., «Чайка» сообщала о подготовке к изданию первой серии избранных произведений Чудакова: пьесы «Изгнанники», поэмы в стихах «Очарованный леший», приключенческой повести «Диана Кедровская», рассказа «Татьяна» и т.д. На титульном листе того же номера было помещено объявление о подготовке внеочередного, посвящённого Чудакову выпуска «Чайки», средства от которого должны были пойти «в пользу фонда на сооружение памятника безвременно сошедшему в могилу амурскому поэту». Редакция журнала приглашала всех, «кто может что-либо посвятить дорогой памяти поэта, прислать свои статьи, стихи и пр.». Несмотря на противодействие «властьсоветских» (как иронично именовал большевиков редактор «Дятла, беспартийного»), ровно через два года после его гибели амурская литературная общественность сумела осуществить специальный, разовый выпуск газеты, посвящённой печальной дате¹.

¹ Светлой памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых: Однодневная газета, выпускаемая комитетом по увековечиванию памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых. – 1920. – 28 февраля (ст. ст.).

Но в целом, создание комитета по увековечиванию памяти сатирика, активная, особенно на первых порах, деятельность читателей его таланта из числа амурских журналистов и писателей, не привели к тому, на что были направлены усилия многих людей: памятник Чудакову, посмертное издание его сочинений (исключение – пьеса «Изгнанники», напечатанная братом покойного в конце 1918 г.), сохранение его архива – всё это осталось лишь благими намерениями. Главная причина, увы, банальна: укрепившие свою власть большевики воспринимали (и не без веских на то оснований) Чудакова как своего принципиального и крайне опасного идейного противника, изнутри, из революционного лагеря, подрывавшего их авторитет, ставившего под сомнение их притязания быть законными наследниками российской социал-демократии.

Как уже отмечалось, в силу известных политических и идеологических причин, а отчасти, видимо, из-за недостаточной настойчивости друзей ушедшего, общественному комитету мало что удалось сделать для увековечивания памяти сатирика. Впрочем, удивляться не приходится: в ту пору сама личность Фёдора Ивановича, а тем более его произведения, вряд ли, с точки зрения новых хозяев русской земли, были достойны «светлой памяти». Тех же, кто вопреки политической конъюнктуре настаивал бы, что *Амурец* заслуживает такой памяти, очевидно, не нашлось или было слишком мало, чтобы их голос был услышан. Самое же печальное для потомков обстоятельство – комитет ничего не сделал для сохранения архива Ф.И. Чудакова. После того как 12 февраля 1920 г. скончался его родной брат Дмитрий, которому накануне самоубийства Фёдор Иванович по завещанию передал авторские права на свои сочинения, архив *Амурца*, хранившийся на квартире брата по адресу Графская (ныне улица Калинина), 85, бесследно исчез.

Будь Чудаков менее одарён литературно, память о нём, возможно, не выкорчёвывалась бы новой властью столь беспощадно – до полного, абсолютного забвения. 1922-й – это, очевидно, последний год, когда в печати ещё можно было упоминать *Амурца*. В последующие семь десятилетий о самом талантливом амурском писателе дореволюционной и революционной эпохи никто печатно не вспоминал, а его творчество полностью было вытеснено из культурного пространства. А ведь Ф. Чудаков являлся, возможно, единственным писателем Приамурья, известность которого могла бы при определённых условиях стать всероссийской.

Какая-то доля ответственности за случившееся лежит и на друзьях-журналистах, на политических союзниках *Амурца*, главный

акцент делавших на трагическом уходе писателя, привлекавших внимание к общественно-политическому смыслу самоубийства и тем вольно или невольно переключавших внимание с литературы на политику. Тот же М. Катаев, отмечавший, что в лице Чудакова «угасло недюжинное поэтическое дарование, умер в самом расцвете крупный талант», основной упор в целом ряде статей делал не на значимости творчества, а на том, что имя Чудакова останется в памяти будущих поколений в силу потрясшего Приамурье самоубийства семьи Чудаковых. Он, в частности, писал: «Гражданская война в Благовещенске унесла тысячи жертв. Их оплачут и забудут. Но трагический конец поэта будет долго жить в памяти народной. Сказание об этом ужасном конце передаётся из поколения в поколение. И личность поэта делается легендарной, символической, олицетворяющей великую скорбь, муку и боль за поруганную родину, за оплётанный идеал народного счастья, за всё то, во что верили, за что боролись, страдали и гибли, отдавая все свои силы и жизнь, многие поколения лучших русских людей – рыцарей идеи, мысли и чувства». Мёртвый Чудаков нередко использовался противниками большевиков из социалистического, социал-демократического лагеря как укор, как разоблачительный аргумент в идейном противостоянии с ними, что не могло не усиливать у сторонников советской власти неприязни ко всему, что связано с сатириком.

По контрасту с печатными выступлениями некоторых амурских политически ангажированных «оплакивателей», главный смысл и пафос упомянутой выше статьи новосибирца М. Басова – призыв сохранить то, что было создано Ф. Чудаковым-писателем: «Надо собрать воедино всё, начиная с его мелких творений и кончая более крупными: пьесой “Изгнанники”, повестью “Дочь шамана”, очерком “Из детства Ивана Грязнова”, поэмой “Очарованный леший” и рядом незаконченных произведений. В них <...> такая груда великолепных образов, сочных выражений, такое богатство языка, что оставить это затерянным нельзя. <...> Сохраните поэта!» Эмоциональный призыв этот, однако, остался гласом вопиющего в пустыне: действенных шагов по сохранению наследия Чудакова предпринято не было.

С начала 1920-х гг. и вплоть до недавнего времени имя *Амульца* не фигурировало ни в одном не только общероссийском, но даже региональном – сибирском или дальневосточном – литературном справочнике. Многие поколения читателей даже не подозревали о существовании одного из немногих подлинных мастеров художественного слова Приамурья. Возможно, по этой причине литературная жизнь предреволюционного Благовещенска и всего региона

даже искушённым людям казалась пустынной и малоинтересной, а произведения типа бульварного романа «Амурские волки» (1912), в создании которого активное участие принимал скандально известный журналист Александр Матюшенский (Седой), – «бестселлерами начала века».

Судьба весьма обширного (и, разумеется, неравноценного) литературного наследия Чудакова долгое время оставалась незавидной: бо́льшая часть произведений, в том числе и весьма талантливых, актуальных и поныне, оставалась рассеянной по страницам малоизвестной амурской периодики начала XX века. Печально, но факт: ни в одной из библиотек Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв (равно как в краеведческих музеях и архивах Сибири и Дальнего Востока) нет более-менее полных комплектов амурских периодических изданий дореволюционного и революционного времени. Но и в центральных российских архивах и библиотеках ситуация ненамного лучше. Разрозненные, часто существенно неполные комплекты (или даже отдельные, чудом уцелевшие номера), хранящиеся в разных библиотеках, музеях и архивах, давно уже стали раритетами, библиографической редкостью. В результате, бо́льшая часть художественного наследия Ф. Чудакова по-прежнему остаётся чем-то вроде *terra incognita*: кто-то что-то, возможно, и слышал, но почти никто не видел и достоверно ничего не знает.

Первым спустя более полувека после самоубийства Ф. Чудакова о нём вспомнил Анатолий Васильевич Лосев (1927–2002): в 2007-м в архиве основателя литературного краеведения Приамурья была найдена папка с набросками относящейся к 1980-м гг. неоконченной статьи о сатирике. В результате кропотливой текстологической работы автору данных строк удалось «склеить», реконструировать её¹.

Однако в подлинном своём масштабе и полноте личность и творчество Чудакова стали открываться лишь в последнее десятилетие – в ходе осуществления масштабного исследовательского проекта, одним из результатов которого стало издание энциклопедии литературной жизни Амурского региона². Именно в этот период были найдены считавшиеся утраченными сборник лирики «Пережитое» (1909) и сборник фельетонов и сатирических стихотворений

¹ См.: Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / Публикация и коммент. А. Урманова // Амур: Литературный альманах БГПУ. – № 7. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. – С. 47–54.

² Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – 484 с.

«Шпильки» (1909), буквально по крупицам собраны многие лирические и сатирические стихотворения, фельетоны, легенды и сказки, очерки, рассказы, повести, воспоминания Чудакова, печатавшиеся век назад в газетах «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», в журналах «Колючки», «Зея», «Дятел, беспартийный». В энциклопедии Ф. Чудакову посвящено в общей сложности более десяти словарных статей, в которых представлены разные грани и периоды его творчества. Небольшая часть разысканных произведений Амульца была перепечатана в издающемся в Благовещенском государственном педагогическом университете литературном альманахе «Амур» (см. выпуски за 2008, 2009, 2013 и 2015 гг.).

* * *

Фёдор Иванович Чудаков родился в первой половине февраля 1888 года (по другой версии – в 1887 г.)¹ в городе Чембаре (ныне г. Белинский) Пензенской губернии в семье сапожника-ремесленника. О том, какими событиями и впечатлениями было наполнено детство писателя, дают представление главы неоконченной автобиографической повести «Из детства Ивана Грязнова» (см. раздел IV), печатавшиеся незадолго до смерти Чудакова в журнале «Дятел, беспартийный». По ним, этим главам, можно судить о некоторых чертах характера и наклонностях, проявившихся и сформировавшихся в детские годы. В их числе жажда острых впечатлений и приключений, бурное воображение, стихийная порывистость природы, вольнолюбие, своеволие, дерзость, бунтарство, весёлость, склонность к шалостям и проказам, выводящим устойчивый мир из равновесия. Но это лишь одна сторона природы будущего писателя. Другая открывается в лирических произведениях Чудакова, тематически обращённых к детству и юности и проникнутых духом ностальгии по *утраченному раю*. Один из самых характерных примеров – стихотворение «Степная сказка», в котором на первый план выходят мечтательность, созерцательность, консерватизм, склонность к рефлексии, повышенная эмоциональная ранимость, сердечная отзывчивость на человеческие страдания, тяготение к гармонии как бытийному идеалу.

¹ О дате рождения писателя см. комментарии к его фельетону «Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!» (раздел I), а также к «биографическим штрихам» М. Катаева «Фёдор Иванович Чудаков» (раздел VI).

Учился Фёдор в местной церковно-приходской школе, а затем в городском четырёхклассном училище, которое с отличием окончил в 1903 году. Несмотря на незаурядные способности и блестящие знания по всем предметам, поступить, как он хотел, в Пензенскую учительскую семинарию не удалось. Виной тому «буйный, строптивый, упрямый и непокладистый нрав», о котором пишет Михаил Катаев. Уже в годы учёбы в Чембарском училище Чудаков сочинял остроумно-едкие эпиграммы, в которых высмеивал не только своих ровесников, но и учителей-рутинёров, в том числе учителя Закона Божьего отца Ивана.

Мечта продолжить образование осталась неосуществлённой, стремящегося к знаниям молодого человека ждали иные уроки и иные университеты: арест, тюремная камера, этап, ссылка, побег, вновь арест, вновь тюрьма, статус поднадзорного, снова шестимесячный тюремный срок, снова изнурительная газетная подёнщина... Между тем, забегая вперёд, нужно отметить: воспоминания о писателе его современников, само его творчество ярко свидетельствуют, что Чудаков, вопреки всему перечисленному, сумел приобрести обширные познания в разных сферах жизни и культуры, был чрезвычайно начитанным человеком, обладал развитым эстетическим вкусом и богатым словарным запасом. Его произведения густо насыщены литературными аллюзиями и реминисценциями, содержат явные и скрытые параллели и цитаты, обнаруживающие великолепное знание им греческой, римской, восточной и славянской мифологии, фольклора, мировой, русской классической и современной литературы, театра... О своих детских читательских увлечениях (приключенческие романы Ж. Верна) Чудаков поведал в стихотворении «В библиотеке». О круге чтения в зрелые годы можно судить по многим сатирическим, лирическим, прозаическим, драматическим произведениям, в которых он и его герои постоянно апеллируют к зарубежным авторам (Эсхилу, Данте, Шекспиру, Гейне, Беранже), русским классикам (Жуковскому, Пушкину, Гоголю, Некрасову, Толстым – Алексею Константиновичу и Льву Николаевичу, Чернышевскому, Чехову, Глебу Успенскому), к своим современникам (Саше Чёрному, Аркадию Аверченко, Леониду Андрееву, Михаилу Арцыбашеву, Евгению Чирикову, Владимиру Соловьёву, Дмитрию Мережковскому, Семёну Подъячеву, Степану Петрову-Скитальцу) и многим другим...

Вернувшись из Пензы на родину, Фёдор попытался было получить место учителя в церковно-приходской школе, но не преуспел и в этом, и вновь из-за противодействия затаившего обиду законоучи-

теля. Служба писарем при городском полицейском управлении длилась недолго: получившее хождение в рукописном виде обличительное стихотворение о местном исправнике привело к увольнению и постановке незадачливого автора под негласный надзор полиции. Должность письмоводителя при окружном суде привлекала Фёдора тем, что не мешала ни его самообразованию, бурному «поглощению» книг («А мне что нужно? С аппетитом волка / Я проглотил бы тысячу томов!» – «*В библиотеке*»), ни участию в революционной деятельности, которой он увлёкся в годы первой русской революции, вступив в партию социалистов-революционеров и вскоре став самой авторитетной фигурой среди чембарских эсеров. Об этом периоде жизни Чудакова (очевидно, со слов его брата Дмитрия) сравнительно подробно рассказывает посмертный биограф сатирика М.Х. Катаев (см. раздел VI).

Закончилось это тем, чем и должно было рано или поздно закончиться: двумя арестами, следственными камерами пензенской губернской тюрьмы, судом. Чудакова, обвинённого в революционной пропаганде, приговорили по статьям 128 и 129 Уголовного Уложения к трём годам ссылки, которую ему пришлось отбывать в глухой таёжной деревне Червянка далёкой от родных мест Енисейской губернии (ныне Чунский район Иркутской области). Пребывание в пензенской тюрьме нашло отражение в двух прозаических произведениях автобиографического характера: *тюремном очерке* «Редакционное собрание» и рассказе «Шамиль»; об этапе – «путешествии к чёрту на кулички» – он рассказал в очерках «Навстречу тучам» (см. раздел IV). Тюремные мотивы отразились также в стихотворении «Ночью» (см. раздел III).

О трудностях, которые довелось испытать Чудакову в сибирской ссылке, дают представление автобиографическая драма «Изгнанники: Картины из жизни в ссылке» и приключенческая повесть «Диана Кедровская», главный герой которой, политический ссыльный Кузьма Иванович (под этим именем Чудаков некоторое время жил по подложному паспорту), размышляет о своей незавидной участи: «Значит, снова предо мной голодная зима, скитанья по селу в поисках работы, возня с детишками, которых отцы желали выучить грамоте, но забывали за это платить. Опять унижения, выклянчивания, опять попрёки долгами...» В биографии, составленной после смерти Чудакова М. Катаевым, енисейская ссылка – это исключительно отрицательная школа жизни, имеющий только негативные последствия опыт: «Полтора года он прожил тут в чрезвычайно тяжких условиях, терпя голод и холод. Тамошние крестьяне, для ко-

торых ссыльные рубили, пилили, кололи и вывозили из леса дрова, платили всего по 10 копеек в день за каторжный труд. Более слабые умирали. Ф.И. тоже едва не умер от тифа...» Можно добавить к этому, что в начале 1909 г., уже в Благовещенске, во время допроса в жандармском розыскном пункте, отвечая на вопрос о причинах бегства с места ссылки, Чудаков заявил, что единственной причиной было «абсолютное неимение средств к жизни».

Всё это так, однако Сибирь для него стала не только местом физических лишений и моральных страданий: она была суровой, но много давшей ему жизненной школой: закалившей его характер, проверившей на прочность и укрепившей его мировоззрение. Об этом, в частности, свидетельствуют слова автобиографического персонажа повести «Диана Кедровская»: «Я прошёл суровую школу испытаний. Я закалил свою волю, как стальную пластинку; её можно было сломать, но её нельзя было согнуть без того, чтобы она не выпрямилась снова». В этом отношении от енисейского ссыльного Кузьмы Ивановича мало чем отличается автобиографический персонаж пьесы «Изгнанники» Бродяга (это прозвище явно перекликается с одним из самых известных литературных псевдонимов сатирика – *Босяк*). В отличие от большинства товарищей по ссылке, он никогда не унывает и не жалуется, во всех сценах демонстрируя бодрость духа и уверенность в собственных силах. «Ссылка? Велика важность! – заявляет он. – ...Не хвастаясь, скажу, что о самоубийстве не помышляю. Да и что такое жизнь? Жизнь – это я! А я сам себе хозяин. Значит, плюю я на какую-то там отвлечённую, выдуманную, злобную старушонку, именуемую в философии жизнью. Я – как гоголевский Каленик – сам себе голова!»

Помимо прочего, ссылка дала Чудакову поистине бесценный запас жизненных впечатлений, питавших его творчество. Ссылка, возможно, и сделала его писателем, предопределила дальнейший путь. Именно в ссылке он стал посвящать буквально каждую свободную минуту сочинительству. Именно в этот период литературное творчество стало осознаваться как призвание. Один из персонажей «Изгнанников» Антон читает вслух присланное из Червянки письмо Бродяги, из которого товарищи по ссылке узнают о главном его увлечении: «...Я ведь литератором стал, леший меня задави! Братцы вы мои милые, простите ли вы меня? Смертный грех принял я на душу: послал в “Радугу” стишонки и – увы! – их напечатали! Думали ли вы, читая вдохновенные вирши некоего Мильтиада в № 54, что сие изобразил аз многогрешный?.. Теперь могу я сказать про себя словами пушкинского героя: “Участь моя решена – я женюсь”. Женюсь на

музе и в приданое беру славу... Теперь каждый вечер ловлю за хвост рифмы и распиная их на бумаге... А рифмы, братцы, из меня так и лезут, так и прут...» Судя по этому признанию автобиографического персонажа, в период енисейской ссылки какие-то из произведений Чудакова стали печататься, очевидно, под псевдонимами, в эсеровской периодике. Но где, какие и под какими псевдонимами – пока установить не удалось.

Отбыв в Червянке примерно половину срока, Чудаков бежал в Красноярск, где сблизился с ещё одним беглым политическим ссыльным – Дмитрием Чернышёвым, а также с его гражданской женой Варварой Ипполитовной Протопоповой, приехавшей в Сибирь из городка Малмыж Вятской губернии для того, чтобы ухаживать за любимым человеком, заболевшим чахоткой. Опасаясь ареста, все трое жили в какой-то лесной заимке неподалёку от Красноярска. А в сентябре 1908 г. отправились в Приамурье, в далёкий и потому, видимо, казавшийся спасительным Благовещенск, куда добрались в начале октября. Поселились тоже вместе, на одной квартире, в доме по Амурской улице.

Фёдор Чудаков, живший в городе по подложному паспорту, выписанному на имя крестьянина Енисейской губернии Кузьмы Ивановича Резниченко, начал сотрудничать в газетах «Амурский край» и «Торгово-промышленный листок объявлений», опубликовав там несколько стихотворений, рассказов и очерков за подписями *К. Рез.* и *К. Резниченко*. Варвара Протопопова, которая на родине была учительницей женской гимназии, стала зарабатывать частными уроками. А вот Дмитрий Чернышёв вскоре после приезда в Благовещенск покончил жизнь самоубийством, потеряв надежду на излечение и не желая быть обузой для близких людей. Варвара Ипполитовна стала женой Фёдора Ивановича. В биографии сатирика, напечатанной в «посмертном» выпуске журнала «Дятел, беспартийный» 14 (27) марта 1918 г., Дмитрий Чернышёв вообще не упоминается. Вот как рассказывает там о встрече Чудакова и Протопоповой М. Катаев: «В Красноярске он познакомился со своей будущей супругой Варварой Ипполитовной, в обществе которой <...> и переселился благополучно в Благовещенск». Догадаться, почему биограф скуп на подробности при описании столь важного события, несложно: дело, очевидно, не в деликатности (ведь не постеснялся же М. Катаев в статье «Как умерли Чудаковы», опубликованной чуть позже в журнале «Чайка», бездоказательно заявить, что накануне самоубийства супруги якобы употребили «какое-то наркотическое вещество»): скорее всего, Фёдор Иванович и Варвара Ипполитовна никому ничего на такую

чувствительную для них тему не говорили. Так что, скорее всего, Катаев о Чернышёве, об обстоятельствах, которые свели Чудакова и Протопопову, ничего не знал. Иначе не преминул бы, наверное, поделиться сенсацией с читателями если и не «Дятла...», то «Чайки».

В конце декабря жандармское ведомство вышло на след беглеца, а первого января 1909 г. он был арестован и препровождён в Благовещенскую тюрьму. Задержана была (как свидетельствовал А.В. Лосев, видевший жандармские протоколы) и Варвара Ипполитовна, однако после допроса она была отпущена на свободу. При обыске в квартире были найдены нелегальные брошюры, а также письма от товарищей по ссылке.

Дело Чудакова, совершившего побег из ссылки и проживавшего в Приамурье по подложному паспорту, было передано прокурору Благовещенского окружного суда, в результате чего первое полугодие 1909-го сатирик провёл в политическом корпусе благовещенской тюрьмы, фигурирующей во многих его сатирических произведениях, а также в «арестном доме» при полиции. Он оказался «на горке», когда там уже почти год томилась и успела перессориться между собой вся амурская ячейка эсеров численностью в двенадцать человек. Чудакову удалось примирить их, сплотив товарищей по партии общим делом – изданием рукописного сатирического журнала «Арестант». Об этой истории не без юмора Фёдор Иванович рассказал в 1918 г. на страницах журнала «Дятел, беспартийный» (см. воспоминания «Арестант» в разделе IV). Спустя несколько месяцев, уже после гибели сатирика, в «Чайке» о тех же событиях вспоминал один из «сотрудников» «Арестанта» Иван Сивков (см. в разделе VI). По словам последнего, душой редакции «капризно-периодического издания» и основным его автором был Фёдор Чудаков, который «работал... для журнала, можно сказать, и день и ночь». Изучение амурской периодики первой половины 1909 г. (всё это время сатирик, как известно, находился в заключении) позволило сделать поразительный, почти невероятный вывод: оказывается, Чудаков, находясь в тюрьме, «писал и день и ночь» не только для «Арестанта». Половину тюремного срока он каким-то образом умудрялся передавать на волю и под псевдонимами *Амурец*, *Босьяк* и *Язва* публиковать свои произведения в благовещенских газетах «Амурский край» и «Эхо», а также в юмористическом журнале «Бузуй». Помимо этого, скрываясь под разными псевдонимами, он вводил в заблуждение читателей, полемизируя сам с собой (см. в разделе I «Письмо в редакцию» и комментарий к нему). Подоплёка этой поражающей воображение мистификации, судя по всему, была неведома не только

тюремщикам и жандармам (им, по крайней мере, до поры), но и товарищам по неволе. Возможно, Чудаков в 1918 г. рассказал бы о том, как ему удалось совершить почти невозможное, но смерть оборвала работу над воспоминаниями, как принято говорить, на самом интересном – на разоблачении: «Уже вышел № 4, как вдруг разразилась катастрофа, в результате которой было неожиданное прекращение журнала и высылка редактора из тюрьмы в... арестный дом при полиции...» К сожалению, об обстоятельствах, причинах и последствиях этой «катастрофы» уже никогда не узнать...

После освобождения Чудаков жил в Благовещенске под гласным надзором полиции, печатался в газетах «Амурский край» и «Эхо». Положение его было шатким: от его поведения, от того, что он писал и публиковал, напрямую зависела его свобода, зависело благополучие семьи – в 1909-м у Фёдора Ивановича и Варвары Ипполитовны родилась дочь Наташа. А он в том же году, словно дразня жандармов, выпустил две небольшие книжки, явственно демонстрирующие, что автор не отказывается от революционно-демократических взглядов, от критического отношения к действиям властей, к политике царского правительства. В пронизанном автобиографическими мотивами лирическом сборнике «Пережитое» (см. раздел III), тут же изъятом властями из обращения, *Босьяк* почти открыто декларирует свою принадлежность к революционному лагерю. Сборник фельетонов и сатирических стихотворений *Язвы* «Шпильки» (см. раздел I) – ещё более дерзкий вызов, брошенный властям. Издание этого, тоже изъятого из обращения, сборника обернулось для автора и издателя печальными последствиями. На титульном листе «Шпилек», помимо указания на типографию, выпустившую книгу («Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко»), значится: «Издан Д. Челеби». Д. Челеби – это Даниил Абрамович Челеби. Под такой фамилией (с паспортом на это имя) в Благовещенске с 1907 г. жил ровесник Чудакова Иосиф Александрович Постернак, уроженец города Очакова Николаевской области Украины. Челеби позже являлся сотрудником ряда периодических изданий Приамурья, редактором-издателем газет «Амурский телеграф» (1913–1914), «Амурский листок» (1913–1914), «Алексеевская жизнь» (1915), журнала «Амурские волны» (1914). А в 1909-м Челеби (Постернак) выступил в явно рискованной роли издателя антиправительственного по духу сборника «Шпильки», за что, как и автор, подвергся судебным преследованиям. Правда, ему, в отличие от автора, удалось избежать тюрьмы, а вот Чудаков после изнурительно долгой судебно-следственной волокиты в 1913 г. вновь на несколько месяцев угодил «на горку» – в благовещенскую тюрьму.

Период с 1909 по 1918 – время напряжённого творческого труда, время стремительного роста художественного мастерства. Чудаков в эти годы являлся одним из самых продуктивных и самых популярных сотрудников газет «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», был фактическим редактором и основным автором сатирических журналов «Колючки» и «Зая», редактором-издателем и почти единственным автором журнала «Дятел, беспартийный». Основной массив созданных им произведений – фельетоны (преимущественно стихотворные), сатирические стихотворения. А ещё Ф. Чудаков создал целую россыпь блестящих стихотворных легенд и сказок сатирической направленности, которые он, кстати, собирався выпустить в отдельной книжке, но не успел. Сатира Чудакова, особенно последних трёх-четырёх лет жизни – вершина творчества, самое значительное из того, что вышло из-под его пера. Чудаков-сатирик удивительно разнообразен в проблемно-тематическом, жанрово-стилевом, изобразительно-выразительном, ритмико-интонационном и всех иных отношениях. Лучшие из его стихотворных фельетонов заслуживают того, чтобы стать классикой жанра. Место Амурца – среди самых известных российских сатириков начала XX столетия.

Спустя век можно в полной мере оценить остроумие, меткость, художественную выразительность, а главное, неувядающую актуальность сатиры амурского Саши Чёрного. Она выдержала самое трудное испытание – временем. А всё потому, что писатель никогда не потрафлял неразвитым вкусам и особенно низменным запросам части мещанской публики, не угождал нуворишам, новоявленным «хозяевам жизни» – разбогатевшим на жульничестве амурским толстосумам, жаждавшим чаще всего «клубнички», пошлой «юмористики». Не поддался он и диктату большевиков, подмявших свободное слово, добивавшихся того, чтобы писатели были у них на побегушках. Перо сатирика служило народу и России, отстаивало подлинные демократические, нравственные и культурные ценности, нацелено было не на бытовое мелкотемье, а на явления масштабные, государственно, национально и социально значимые.

Но Чудаков был не только выдающимся сатириком, но и талантливым, во многих отношениях оригинальным лириком, прозаиком, драматургом, публицистом. Эти важные сферы его творческого наследия, практически неизвестные современным читателям (в том числе, и профессиональным – историкам литературы), тоже включены в книгу, ибо без них невозможно получить целостное представление о поэтике и эстетике писателя. Составитель в данном

случае стремился не к исчерпанию (ибо в одну книгу в принципе невозможно впрессовать все произведения Чудакова), а к тому, чтобы представить основные жанровые и тематические группы его произведений. Все они в совокупности образуют некое органическое единство – проблемно-тематическое, идейно-смысловое, эстетическое. В книгу вошли, помимо лирики и драмы «Изгнанники», приключенческие повести «Диана Кедровская» и «Дочь шамана» (первая на енисейском, вторая на амурском материале), серии пронизанных тонким юмором рассказов о детстве, увлекательных рыбацких и охотничьих историй, насыщенных любопытными подробностями автобиографических повествований (в том числе, о тюремно-ссылном периоде), чрезвычайно интересных очерков, посвящённых поездкам автора по Приамурью...

Анализ вошедших в данную книгу многочисленных произведений Ф. Чудакова, печатавшихся на протяжении почти десяти лет в разных периодических изданиях Приамурья, невозможен в ограниченных пределах предисловия, по этой причине он вынесен в комментарии – к разделам, подразделам, конкретным текстам.

Здесь же уместно высказать лишь несколько самых общих замечаний.

Первое состоит в том, что произведения Чудакова являются ценнейшим художественным документом эпохи, в котором максимально честно, без всякой казённости и официоза, без псевдопатриотического пафоса или, наоборот, без лицемерной либеральной слащавости отражается – последовательно, буквально день за днём – динамика российской действительности предреволюционного десятилетия, сам ход российской истории, её поступь.

Второе – творческое наследие Амурца представляет собой колоссальную познавательную ценность в том смысле, что позволяет в новом свете и беспрецедентно полно, в живой последовательности увидеть жизнь Приамурья начала XX века: почти во всех её ключевых событиях, фактах, именах, выразительных подробностях. Ни одного другого художественного явления, столь талантливо, полно, глубоко, всесторонне и достоверно воссоздающего подлинные реалии амурской жизни целой эпохи, не существует.

Третье – произведения Чудакова, представленные в хронологическом порядке, позволяют проследить за образом мыслей, за переменами в сознании, за изменениями в мировоззрении человека из демократического лагеря, проходящего через драматические и трагические события революционной эпохи, избавляющегося от многих заблуждений и либеральных иллюзий, прозревающего, но, к

сожалению, слишком поздно. И в этом отношении наследие Фёдора Чудакова – уникальный феномен, требующий осмысления в свете событий сегодняшнего дня.

В заключение несколько слов о последнем годе жизни Ф. Чудакова. После Февральской революции он сотрудничал в эсеровской газете «Народное дело», а в начале 1918 г., незадолго до смерти, стал издавать еженедельный сатирический журнал «Дятел, беспартийный» (всего вышло семь номеров), в котором с позиций «беспартийного» демократа подверг жёсткой критике большевиков. 28 февраля (13 марта по новому стилю) 1918 г. Ф.И. Чудаков покончил жизнь самоубийством. Приняв совместное решение уйти из жизни, Фёдор Иванович и его жена Варвара Ипполитовна взяли на себя тяжкую ответственность – насильственно оборвали жизнь своей единственной дочери Наташи. Чтобы читатели смогли понять и самостоятельно оценить причины этой ужасной трагедии, составитель счёл необходимым включить в книгу сопровождаемые комментариями уникальные материалы, связанные с гибелью Ф. Чудакова и его семьи, а также отклики на смерть писателя и воспоминания его современников.

Мне остаётся поблагодарить тех, кто оказывал содействие в поиске амурской периодики начала XX века: Е.И. Пастухову, директора Амурского областного краеведческого музея им. Г.С. Новикова-Даурского; Е.В. Иванову, заместителя директора этого же музея; И.В. Васину, учёного секретаря музея; Н.В. Берестенко, хранителя музейных фондов; О.С. Праскову, заместителя директора Амурской областной научной библиотеки им. Н.Н. Муравьёва-Амурского; С.И. Красовскую, доктора филологических наук, профессора; А.А. Хитрую, кандидата филологических наук; А.Е. Аркатову, доктора философии (Doctor of Philosophy in Slavic Languages and Literatures). Выражаю также признательность историкам В.Н. Абеленцеву и А.А. Гаршину, авторам электронного справочника «Благовещенцы. 1856–1920-е гг.», который использовался при составлении комментариев к произведениям Ф. Чудакова.

Александр Урманов

РАЗДЕЛ I

САТИРА

1. «ШПИЛЬКИ»

СКАЗАНИЕ ОБ ИСААКИИ-ВИТЯЗЕ

*Итак, за кем же пойдёт русская интеллигенция?
(Из газетной передовицы)*

Скакал Исаакий сквозь тьму и туман.
Богато одет он и важен.
Был конь под ним чёрен, как сам Крушеван [1],
Как сам Пуришкевич [2], – отважен.
Несутся конь с витязем ночи и дни,
Споткнутся и мчатся сугубо,
И вот, наконец, подъезжают они
Ко пнищу столетнего дуба.
От этого пнища, среди голых полян,
Легли три большие дороги.
Затпрукал наш витязь и вмиг из стремян
На резвые вскакивал ноги.
На пнище прибита большая доска,
Покрытая илом и грязью,
И чья-то на ней начертала рука
Узорной славянскою вязью:
«Коль скоро налево пойдёшь, молодец,
По самой кремнистой дороге,
Обрящешь колючий терновый венец

И звонкие кольца на ноги.
Трудна та дорога и муки полна,
Найдёшь на ней радости мало,
И только на кончике самом видна
Златая заря идеала.
А если средней дорогой пойдёшь,
Иную судьбу испытаешь:
Хорошего мало на ней ты найдёшь
И мало на ней потеряешь.
В огромное царство она приведёт,
Где правит Царица Рутина!
В том царстве обрящешь довольство, почёт
И сытый покой мещанина.
Послушай же, витязь, мой добрый совет:
Смелее пускайся по правой.
И будешь не только обут и одет,
Но также вернёшься со славой,
Научишься светлые грёзы глушить,
Идти против правды и света
И будешь в сердцах православных ты жить
На многие, многие лета!»
Опешил наш витязь, когда прочитал
Такие с доски наставленья
И долго в раздумье затылок чесал:
Какое же взять направленьё?
Конечные пункты различных дорог
Мешались и путались вместе.
К чему же стремиться? решить он не мог
И начал топтаться на месте.
За месяцем месяц летит и летит,
Один, три, десяток... сто... двести...
А он на распутье, как прежде, стоит
И топчется, бедный, на месте.

СПЯЩИЙ КРАСАВЕЦ

Оперетка в 1 действии

Сцена представляет глухой, непроходимый лес. Огромные деревья, ботанические названия коих: «Усиленная Охрана», «Чрезвычайная Охрана», «Военное Положение» и пр., закрывают собой всё видимое пространство. Между их стволами много древесных пней другой породы и на каждом пне написано: «срублено 1905 года». Среди леса избушка на курьих ножках и в ней сном праведника почивает ОБЫВАТЕЛЬ.

Из-за деревьев показывается тень прекрасной женщины и стучит в дверь.

Обыватель (сквозь сон):

Кого там чёрт принёс?

Тень:

Пусти! Я – тень Культуры!

Я светом знания твой хочу нарушить сон!

Я принесла тебе сокровища скульптуры,

Науки, зодчества, литературы...

Обыватель:

Вон!

Не надо твоего заморского подарка!

Уйди! А то проснусь, так небу будет жарко!

(Тень культуры с плачем уходит. Обыватель снова сладко засыпает.)

Из-за деревьев показывается тень другой женщины, ещё прекраснее первой, и стучится в дверь.

Обыватель (злобно):

Опять стучат! Кто там?

Тень:

Скорей пусти меня!

Я гордая прекрасная Идея!

Тебя я поведу в волшебные края,

Где так светло, где дышится вольнее.

Где Братство, Равенство...

Обыватель:

Гони её по шее!

Ишь, принесла богатый клад!
Впусти тебя – тотчас велят
Пасти Макаровых телят!
Шалишь! Повёртывай назад!
(Тень исчезает. Обыватель храпит.)

Целым роем налетают другие тени. Бесстыдные, циничные женщины и мужчины, грубо-обнажённые, с нескромными жёстами, начинают стучать в дверь.

Обыватель (гневно):
Ну, что за чёрт! Вновь застучали!
Кто там, чтоб черти вас побрали?!
Голоса за дверью:

Первый:
Милый, добрый Обыватель!
Отвори, ты будешь рад!
Я – старинный твой приятель –
Необузданный Разврат!

Второй:
Отвори ты нам, не труся,
Сон нарушить не жалеи!
Порнографией зовуся
Я издавна у людей!

Третий:
Я заморская принцесса,
Кем прославлен Холмс Шерлок,
Пинкертоновская пресса!

Отвори же, ангелок!
Остальные голоса:
Мы – клубничное искусство,
Наслажденье – наша цель!
Мы в тебе разбудим чувство,
Незнакомое досель!

Обыватель (с распростёртыми объятиями):
Скорей же, милые друзья!
Забудем мы и сон и горе!
Забуду с вами страхи я
И... запируем на просторе!
(Начинается пир.)

СКОЛЬКО ИХ!..

Из тюремных мотивов

Окружённый цепью палей [3],
Неприступен и высок,
Предо мною дом печалей –
Грозный высится острог.

С визгом двери расперлися,
Взвыли цепи на ногах.
«Вы откуда собралися,
Люди в серых армяках?» [4]

«Я оттуда, где когда-то
Раздалось на белый свет,
Что “земля у нас богата,
Только в ней порядка нет” [5].

Но теперь – теперь порядок,
А богатства – ни-ни-ни!
Тот порядок хоть не сладок,
Но начальства не вини».

«Я простой рабочий сельский
Из баронских батраков.
Там, где Меллер-Закомельский [6],
Я оставил отчий кров!»

«Я из рижского музея
С божьей помощью утёк.
У меня свихнута шея
И исчезли ступни ног!»

«Генерала Толмачёва
Верноподданным я был!» [7]
«Я у князя Горчакова
Задом подати платил!» [8]

«Я Думбадзии счастливой
Горемычный гражданин!»
«Я угрюмый, молчаливый,
Гельсингфорса вольный сын!» [9]

«Я – дитя крамольной Польши!»
«Я – полтавский малорус!»
«Я оттоль, где гор всех больше
Седовласый Эльборус!» [10]

«Я из Пензы толстопятой!» [11]
«Я пермяк – сосновый лоб!» [12]
«Я на шутки тароватый [13]
Ярославский водохлёб» [14].

«Я рязанский толоконник!» [15]
«Я – суздальский богомаз!» [16]
«Пошехонский балахонник [17],
Я – коров на бане пас!»

«Я – таёжный медвежатник,
Енисейский гробовоз!»
«Я тамбовский саламатник!» [18]
«Я – амурский спиртонос!»

Чёрт возьми, да разве можно
Всех запомнить, записать!
Трудно прать противу рожна,
Но трудней «шпану» считать.

Ты скажи, каких губерний
Представителей здесь нет? –
Но... сгустился мрак вечерний
И – не слышен был ответ.

ЭСТЕТЫ

По заключению городского врача Т. [19], перелом носа и оторвание ушной раковины у потерпевшей ввиду социального её положения (крестьянка) нельзя признать безобидными её лицом.

(Из обвинительного акта по делу об истязании крестьянки Ив-ой свекровью и мужем)

В наш век правды и гуманности,
Торжества святых идей,
Удивительные странности
Мы встречали у людей.

Если личико смазливое
Милой барыньки – о, стыд!
Бородавка некрасивая,
Вдруг вскочивши, осквернит, –

Мы кричим: Природа дерзкая!
Как ты смела сей алмаз
Бородавкой этой мерзкою
Осквернить хотя на час!

Гей, на помощь парфюмерия!
Медицина! Марш сюда!
Уничтожь сию «материю»,
Чтобы не было следа!

Увенчались старания...
Мы ликуем без конца:
Вновь прекрасное создание
Услаждает нам сердца!

Ну, а если злообычная
Баба – дикая свекровь,
Над невесткой горемычною
Издеваясь, «пустит кровь»,

Вырвет ухо, вырвет волосы,
Переломит палкой нос
И кнутом ременным полосы
Нанесёт, куда пришлось.

Мы смеёмся: «Вот умора-то!
Полюбуйтесь, господа:
Рожа надвое распорота,
И от уха нет следа!

Тут увидеть преступленье
Могут только простак:
Ведь в крестьянском положении
Это, право, пустяки!

Говорят, что безобразие,
Что она теперь глуха!
Ну, и что же? Вот оказия!
Ловко, право, ха-ха-ха!»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Спи, младенец мой печальный,
Баюшки-баю!
Строго смотрит сам квартальный [20]
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки
Про судьбу твою,
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю!

Твой отец для чёрной сотни [21]
Много бед принёс.
На него из подворотни
Лаял всякий пёс.

А теперь он в Турухане [22]
Чашу пьёт свою.

Не дрожи, дитя, заране,
Баюшки-баю!

Скоро сам на свет привольный
Выйдешь на простор
И тотчас же под внешкольный
Попадёшь надзор.

Скрутят вмиг благопристойно
Волюшку твою!
Спи же, спи пока спокойно!
Баюшки-баю!

Будешь ты невзрачен с виду,
Но горяч душой.
«Не давать себя в обиду» –
Будет лозунг твой.

Я намордничек шелковый
Для тебя сошью.
Спи, крикун мой бестолковый,
Баюшки-баю!

Дам тебе я на дорогу
Паспорт годовой
С ним ты будешь понемногу
Делать путь земной.

Без него ж не будешь прочный
Ты в родном краю!
Спи, мой ангел непорочный,
Баюшки-баю!

Будешь ты известный номер
Иль известный чин.
Наконец, напишут: умер
Русский гражданин!

Скроет холмик погребальный
Долюшку твою!
Спи, а то возьмёт квартальный!
Баюшки-баю!

ГОГОЛЕВСКИЙ ЮБИЛЕЙ [23]

Есть у русских обычай прекрасный:
Если в ком искра Божья горит,
Кто о нашей рутине ужасной
И невежестве сердцем болит,
Кто страдает за наши пороки,
К идеалу святому ведёт
И горчайшие сыплет упрёки
Всем, кто в пропасть толкает народ, –
Мы того отвратительно травим,
Гоним в ссылку, в могилу, в тюрьму,
А по смерти торжественно ставим
Мавзолей из гранита ему.
Нашей русской натуре богатой
На течение веков наплевать.
Мы стараемся, хоть поздновато,
Мертвецу по заслугам воздать.
И горят юбилейные плошки...
С умиленным, елейным лицом,
Наподобье ошпаренной кошки,
Мы хвалебные гимны поём.
Сливки общества (жирные сливки)
«Младших братьев» любезно зовут
И читают умильно «отрывки»,
И умильные речи ведут.
Раздают пятаковые книжки,
Безвозмездно портреты дарят,
В промежутке зевка и отрывки
«На-ка, вот почитай!» говорят.
Всё, что выше простого понятия,
Им стараются растолковать.
Ухмыляются младшие братья,
Ухмыляются: как не понять!
И когда, получивши подарки,
По нетопленным хатам идут –
Мастерят из брошюрок сигарки,
А портрет на божницу кладут.

Вы в восторге от вашей комедии!
Да и как не куражиться вам:
Вы искусств вековое наследие
Разделили и тёмным умам.
Манной кашкой кривляния скучного
Вы помазали алчущий рот
Тем, кто хочет лишь хлеба насущного,
А для вас пироги отдаёт.
Вы хвалиться торжественно станете,
Что исполнили долг пред страной.
Но, скажите, кого вы обманете
Этой жалкой, ненужной игрой?
Эту вашу шумиху уродскую
Понимает рабочий и в ней
Видит только затею господскую
И затрату ненужных рублей.
Ждёте вы, что на шею повесится
Вам рабочий за этот трезвон?
Нет: «От жиру... мы знаем, кто бесится»,
Рассуждает скептически он.
«Красноречья не надо елейного!
Для чего огород городить,
Коль, придя с торжества юбилейного,
Мы не знаем, чем брюхо набить!»

ПОДВИГ

Раз в Таврических хоромах [24]
Депутаты заседали,
Обсудив мужичью долю,
Ей сюрприз приготавлили:
«Наш мужик и наг и беден, –
Говорили депутаты, –
И ему ужасно вреден
Призрак общины проклятой.
Этот голод, недороды,
И прикладыванье к чарке,
И искание свободы, –
Всё лишь общины подарки.

С давних пор мужик бунтует,
Полон злобы беспричинной.
Этот бунт ему диктует
Тот же старый дух общинный.
Ведь недаром эту “гадость”
Защищают так эсеры.
(Чтоб они, стране на радость,
Все пропали от холеры!)
Так давайте дружным взмахом
Уничтожим Минотавра [25] –
“Им” главу покроем прахом,
А себе – венком из лавра».
И, воспрянув с буйным жаром,
Размахнулись депутаты
И снесли одним ударом
Призрак общины проклятой.

— — —
А мужик пустил меж уха
Депутатские подарки,
И, стянув покрепче брюхо,
Снова топит горе в чарке.
А кулак, весьма довольный,
В мутной речке рыбу удит...
Уничтожен дух крамольный...
Что-то будет, что-то будет?

ЗАКРЫТИЕ ПОРТО-ФРАНКО

Финансовая комиссия:
От всего мы сердца хотим,
Чтобы всем чернорабочим
Лучше прежнего жилось!

Скептический голос:
Ну, а как же, между прочим,
Вы решите сей вопрос?

Комиссия:

Фортель мы такой устроим:
Порто-франко призакроем
В приамурской стороне.
Этим цены мы устроим
На изделия извне.
Ведь без пошлин и таможен,
Всем понятно, невозможен
Быт российских мужиков.
К чёрту импорт безвозмездный,
Иностранцам лишь полезный!
К чёрту немцев-маклаков [26]!
Нас китайцы обижают
И работу отбивают
У российских христиан.
Нашим потом набивают
Азиатский свой карман.
Как подымутся расходы,
Так китайцы – ходу-ходу –
Так и бросятся бежать!

Скептический голос:

Ну, а русскому народу
От чрезмерного расходу
Не придётся... подыхать?

Комиссия:

О, не верьте диким слухам,
Будто голоден мужик:
Ведь питаться святым духом
Он давным-давно привык.
Значит, будет всё так гладко,
Без войны, без громких слов!

Голос:

Преклоняюсь пред догадкой
Государственных умов!

СВЕТЛАНА

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
Крепко-крепко на крючок
Двери запирали.
На валета да туза,
Широко раскрыв глаза,
Взглядывали в страхе...
За окошком ветер выл,
И урядник [27] проходил
В бурке и папахе.

Светит бледная луна
В сумраке тумана.
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
Смех подружек, их задор,
Их трескучий разговор
Не милы Светлане.
Ей веселье в ум нейдёт:
Милый друг её живёт
В диком Турухане [28].

Что, красавица, с тобой?
Вымолви «словечко»,
И от милого с зарёй
Будешь недалечко!
Пой, красавица: «Кузнец!
Скуй браслетку в шесть колец,
Крепкую, стальную!
В той браслетке дорогой
Поведёт меня конвой
Прямо к Акатую!» [29]

Вот под пение подруг
Снится сон Светлане:
На почтовой тройке вдруг
Прикатили сани.

И откуда ни возьмись –
Милый друг её явился
В армяке острожном.
Потихоньку подошёл,
Взял за ручку и повёл
Шагом осторожным.

Сели в сани – и взвилась
Удалая тройка!
Словно вихорь понеслась
Дико, рьяно, бойко.
Только гул шёл от саней,
Только ветер меж ушей
Заунывно плакал,
Да ямщик на облучке,
Подскочив на бугорке,
Вдохновенно крикал.

Через реки и поля,
Через буераки,
Мчались, душу веселя,
Добрые коняки.
Час ли, год ли промелькнул –
Неизвестно... Только гул
Слышался Светлане.
И у низенькой юрты,
Средь кромешной темноты,
Осадили сани.

Из саней Светлана – скок!
И подходит к двери.
Мрак загадочно глубок,
Близко рыщут звери.
Оглянулась – друга нет.
И забитый снегом след
Чуть заметен рядом.
Вот вошла она в юрту,
Озирая темноту
Любопытным взглядом.

Посредине камелёк
Гаснет, догорает...
На полу лежит дружок,
Стонет... умирает...
Запеклись его уста,
Окружила чернота
Бархатные брови.
Грудь колеблет тихий стон...
«Милый, ты ли?» Вздрыгнул он
При знакомом слове.

Приоткрыл глаза, узнал,
Протянул к ней руки
И протяжно застонал
От глубокой муки.
Приподняться захотел...
И упал... Едва белел
Лик его туманный...
Вот её за руку взял,
Тихо жаловаться стал
Он перед Светланой.

Он сказал, что много дней
И ночей суровых
Тосковал он здесь по ней
В неисходных думках.
Как её он призывал,
Как томился и рыдал
В ожиданьи встречи.
Всюду думал лишь о ней
И во сне шептал он ей
Ласковые речи.

А теперь вконец его
Покидает сила:
Назади – нет ничего,
Впереди – могила!
Приподнялся, стихнул вдруг...

Руку девушки из рук
Выронил, слабя...
Ветер выл, свиреп и груб,
И лежал холодный труп,
Тихо коченя...
.....
.....
.....
.....
Вся в поту, дрожа слегка,
Девушка проснулась,
И тяжёлая рука
До неё коснулась.
«Ну, чего ты дрыхнешь? Встань!»
И Светлана, точно лань,
Задрожала в страхе.
Перед ней стоял гигант:
То жандармский был сержант,
В бурке и папахе...

(Прод. известное)

2. «КОЛЮЧКИ»

ДЕЯТЕЛЬ

Я всегда принципиален
И за принцип – хоть в огонь.
Бескорыстно-идеален,
Педантически-морален,
Я, хоть в лужу буду свален,
Крикну: «Принципа не трронь!»

Пусть меня толкают: «Встаньте!»
Ни за что не подымусь:
Это принцип! перестаньте,
Репортёры, tutti quanti! [30]
Пусть я в луже – но отстаньте:
Я ведь принципа держусь!

«ПРИНЦИПЫ ФИРМЫ»

Находя, что занятие посторонними делами противоречит принципам фирмы, представитель торгового дома «Кунст и Альберс» [31] запретил своему служащему издавать профессиональный журнал «Торговый служащий».
(Хроника)

«Надрывается сердце от боли,
Плохо верится в силу добра...» [32]
Но... к чему эти старые роли?
Не видали их прежде мы, что ли?
Сдать в архив их давно уж пора!
Не к лицу мне гражданская тога,
Не по силе карающий меч!
Я хочу посмеяться немного
И читателей милых развлечь!
Для любителей лёгкого чтенья,
Для улыбки коралловых уст
Я стараюсь... А нравоученья
Положу под «ракитовый куст».
Интересов общественных ширмы
Нам не нужны. Тишком да ладком
Потолкуем о «принципах фирмы»
И попутно ещё кой о чём!
«Принцип фирмы!» Не правда ли, ново?
Остроумно! На шик так и бьёт!
Удивительно меткое слово
«Кунст и Альберс» пустил в оборот.
Значит, наши понятия лживы,
Что сей «принцип» – набить бы кису [33]!
Принцип фирмы – не принцип наживы,
Зарубите себе на носу!
Ха-ха-ха! Как же детски наивен
Этот маленький, служащий люд,
Получающий рубль восемь гривен
За пустяшный, полсуточный труд!
Нужно быть бесконечно отсталым,
Гимназистом в одиннадцать лет,

Чтоб носиться с каким-то журналом
Этим «принципам» явно во вред!
Ведь приказчик обязан всецело
Погрузиться в обмер и обвес,
И забыть «постороннее дело»
И какой-то такой интерес!
Если каждый свои интересы
Будет стойко и рьяно блюсти
При посредстве услужливой прессы –
Это может к убыткам вести!
Так наденем же синий мундир [34] мы
И начнём всё сплеча запрещать:
При наличности «принципов фирмы»
Ты не смей о себе заявлять!

КОЛДУНЯ

*Фантастическая пьеса в шести картинах,
из коих четыре только подразумеваются.
Наше с Чириковым сочинение [35]*

Картина первая

Сцена: болото русской действительности.

На сцене разная нечисть, вроде октябристов [36], умеренно-правых и т.п., которая под видом кочек густо рассыпалась по болоту. Густые сумерки и скверный запах. В отдалении хохочет Дубровин [37]. Ноет выпью Илиодор [38]. Квакает «Русское знамя» [39]. Для вящего устрашения зрителей на пень можно посадить Толмачёва [40], но не всякому антрепренёру это по карману.

Старая мельница кряхтит и кашляет, видимо тоже трусит. Жуть.

Современная пресса под видом Амфеи сидит и плачет:

Ох, родимая моя матушка!
За кого меня замуж выдала?
За немилого ли да за идола...
За постылого за уродушку!
Ему соску сосать,

Да затылок чесать,
 А не нежить-лелеять молодушку!
 Пропадает краса моя девичья...
 Угасают от слёз мои оченьки!..

Алексей, в рабочей блузе и с кипой книг под мышкой. Парень с головой:

Погляди на меня! Королевич я!
 Много есть у меня силы-моченьки!
 Ты поди ко мне, моя сужена!
 Насладимся ночными мы чарами!

Амфея:

Я не сужена, я обужена,
 Укорочена я циркулярами.
 Не могу пойти, Алексеюшка!
 Не сойдёт эта с рук мне затеюшка!
 Муженёк-урод забранит меня!
 Свёкор-батюшка уморит меня!

Алексей:

Полно, Феюшка, быть трусихую!
 Полно корчить тебе девку тихую!
 Помнишь пятый год [41]? Ну же, будь смелей!
 Погуляем-ка мы среди полей!

Амфея:

Нет, Алёшенька! Не пойду с тобой!
 Пусть одна в слезах изойду тоской!

Алексей, пожимая плечами, уходит. *Амфея* хнычет.

Мельник, в красной рубашке, с большим брюхом, только что вернувшийся с 4-го торгово-промышленного съезда:

Ну, Амфея, руки в боки!
 Топни о землю ногой!
 И в весёлом кек-уоке [42]
 Загарцуем мы с тобой!

Полно плакать! Не пристала
Ясным глазкам мокрота!
Плюнь на Ваньку – толку мало
Тра-та-та! та-та! та-та!

(Хочет обнять)

Амфея:

Убирайся! Как не стыдно
Лезть к невестке каждый день!
Из ума ты выжил, видно,
Безобразный старый пень!

Мельник:

Хоть и старый, да дубовый,
И упругий, точно кряж!
Будешь душой бестолковой,
Коль на Ваньку променяшь!
Дай вlepить в лебяжью шею
Мне безешку [43] хоть одну!

(Хочет вlepить)

Амфея:

Уходи! А то огрею
Вот поленом, только ну!

Ваня, в лодке, смастерённой из листов «Речи» [44], трусливо плывёт по болоту. К Амфее:

Препочтенная супруга!
Вынь из лодочки меня!
Нынче лов удался туго:
Окунь, ёрш и два линя!

Водяные булацели [45]
Морды [46] илом занесли
И четыре дня в неделе
Просидел я на мели!

Мельник, к публике:

Он – Кикимора! Уверю я
В этом русских мужиков:

Его матушка «Доверие»,
А папаша Милюков! [47]

Ваня, со слезами:

Рок меня тиранит вечно!
Глянь, вода-то как чиста.
Уж в такой воде, конечно,
Не поймаешь ни черта!

Если б малость помутнее –
Наловил бы через край!

Мельник:

Полно хныкать! Эй, Амфея!
Ужин живо собирай!

Перед порогом избушки на курьих ножках запоздалая семья совершает свой поздний ужин. *Мельник* пьёт что-то из бутылки. Наливает чарку, подносит Амфее:

Накось, выпей чарку зелия,
Для забавы, для веселия!
Это зельице – субсидия...
Пей!.. Иль сделаюсь в обиде я!

Амфея:

Не пивала я от роду
И не буду николи!

Мельник:

Ну, а я глушу, как воду!
Ай, лю-ли, лю-ли, лю-ли!

Ваня, трясясь в лихорадке:

Ой, опять пришла трясучка!
Видно, снова компромисс!

Мельник:

Ну, тебе такая штучка
Не впервые! Не журишь!

Ваня, вставая:

Эй, Амфея! Дай водицы!
Не придётся и поспать:
Надо две передовицы
Мне для «Речи» написать.

Уходит.

Мельник, ущипнув Амфею:

Ой, не баба – право слово!
Ядрениста, как орех!

Амфея:

Что ты, свёкор, лезешь снова?
Безобразник, как на грех!

Идёт колдунья. Занавес в ужасе падает.

Картина последняя

Старый лес. Ни зги не видно. Темно, как в душе союзника.
Входит с заступом Мережковский [48] и ищет клад, но, конечно, не находит. Ворчит, плюётся, уходит.

Колдунья вводит за руки Алексея и Амфею:

Ну-с, теперь на этом камне
Посидим часок-другой...
Я же – скроюся. Пора мне
Убираться на покой!

Сажает молодых людей на могильный камень, под которым погребено Свободное Слово. Алексей вздрагивает.

Амфея:

Алёша, что такой печальный?
Чего боишься ты? Не трус!

Колдунья:

Друзья мои! Совет прощальный
Я вам подам и уберусь:

Амфея, ты бойка не в меру!
Хоть часик смирно посиди
И здесь сидящему эсеру [49]
Ты отдаваться погоди!

Когда Володя [50] на трибуне
Три раза крикнет петухом –
Вы не пугайтесь – это втуне!
Он в этом деле ни при чём!

Когда елейным октябристом
Пред вами некто заюлит –
Вы знайте: с форменным нечистым
Вам увидаться предстоит!

Но не робейте! Ждите: скоро
Цветок распустится, тогда...
Ну, да довольно разговора –
Моё почтение, господа!

Уходит. В отдаленье слышится печальное пение:
Со святыми упокой...
Рабу твою конституцию...
Идеже несть болезни...

Проводив колдунью глазами, Алексей и Амфея прыскают со смеху и убегают.

Выбегает *Мельник*. У него в руках Гололобовский законопроект о неприкосновенности личности [51]. Кричит:

Ну, где они? Давай скорее!
Рука зудит! Рука зудит!
Единый взмах – у Алексея
Башка слетит... слетит... слетит!

Бежит в лес. Входит Мережковский с заступом. Только что он копнул землю под камнем – расцветает папоротник, гремит

гром, сверху на верёвке спускается удавившаяся Свобода Слова.
Мережковский удирает.

Крик *Мельника* за сценой:

Ура! Убил! Одним субъектом
Крамольным меньше на Руси!
О, с Гололобовским проектом
Шутить вас Боже упаси!

Амфея падает в обморок. Хохочет *Дубровин*. Ноет выпью *Илиодор*. Квакает «Русское знамя». Жуть...

НА ТЕМУ ДНЯ

Господин *Андриенко* надумал
Стать творцом символической пьесы,
И решил он: А ну-ка, сведу, мол,
Двух заядлых врагов интересы.

Господин *Андриенко* с натуры
Рисовал беспристрастно и строго,
И из тощей кадетской брошюры
Натаскал парадоксов премного.

И облёк господин *Андриенко*
Парадоксы в певучую прозу,
И припрятала каждая сценка
Для сердец роковую занозу.

Господин *Андриенко*! Напрасно
Вы лишь «енко», не просто – *Андреев*!
Ваша новая пьеса ужасно
Обличает холодных злодеев.

Господин *Андриенко* уверен,
Что не боги горшки обжигают...
В результате успех беспримерен,
А «Листок объявлений» ругает!

Господин Андриенко! Нахчайте
Вы на ругань «Листка объявлений» [52].
В сей газете не сыщите – знайте! –
В двух строках одинаковых мнений!

Господин Андриенко! Поэтом
Вы со временем станете – верьте!
Но с условием: не будьте кадетом
И пред тем, как отрезать – примерьте!

ПРИМЕР

«Трудись!» Ивану говорит
Хозяин в назиданье:
«Трудиться вечно нам велит
Священное писанье.

Ведь сам Господь шесть дней творил
С великою охотой
И на седьмой лишь день почил,
Покончивши с работой!»

Иван утёрся рукавом
И ляпнул: «Что ж такое!
Одно – работать языком,
А плуг таскать – другое.

Его примеру рад бы был
Последовать я свято...
Но ты скажи, что он творил
В восьмой день и девятый?»

ПАТРИОТ

Желчные песни

Я похвал не ищу! Хоть и лестно порой
Быть воспетым в торжественной оде,
Но – я предан идее и всею душой
Бескорыстно пекусь о народе.

О, народ! это очень приятный сюжет
Для беседы за чашкою чая!
А коль есть под рукой неразвитый сосед,
По-отцовски его поучая, –

Я готов позабыть и подагру, и чин,
И, мешая лениво в стакане,
Разбираю детально причину причин,
Отчего голодают крестьяне.

У меня на груди – дорогой амулет:
Небольшая аптечная склянка,
Украшала она у жены туалет –
Наливалась в неё валерьянка.

Как святыню, храню я её на груди,
На нервующемся шёлковом шнуре –
И – хоть статский советник [53] ко мне приходи –
Не отдам! Я упряма по натуре!

И когда, размечтавшись на тему о том,
Что хворает в деревне скотинка,
Я в душе умилюсь, и в изгибе глазном
У меня выползает слезинка, –

Осторожно тогда я флакон достаю,
Открываю его осторожно
И пускаю в него я слезинку мою
Потихоньку елико возможно [54].

И одну за одной за немалый свой век
Накопил я тех слёз полфлакона...
Но – не надо похвал! Я простой человек!
Мне не надо людского трезвона,

Эти слёзы я пролил за русский народ!
Эти слёзы – печаль мировая!
Бескорыстные слёзы! Их лил патриот
За дымящейся чашкою чая!

Только жаль одного: беспощаден закон
Равнодушной и глупой природы:
Испаряются слёзы... пустеет флакон...
Словно лужа от жаркой погоды.

Но его прикажу я мастикой залить,
Запаяю в стальную коробку
И в аптеку Ивана сгоняю – купить
Для флакона притёртую пробку.

ЮНОШЕ

Цветущий юноша! Цветущий: на ланитах [55]
Цветут прыщи, и плешь на голове,
А в голове – десяток фраз избитых
И анекдотов сотни две!

Наивный юноша! Ты до сих пор беззубый!
Иль зубы выпали? Иль выбить кто успел?
Зато – усы! Копьём они над губой
Торчат – как пара острых стрел.

Прекрасный юноша! Тебе работать вредно,
Напрасно только силы надорвёшь.
Ведь ты свой век привольно и безбедно
На средства папы проведёшь!

О, милый юноша! Расти на утешенье
Своей семье – паршивенький росток.
А от меня прими одно лишь приношенье:
Плевков!

ДУЭЛЬ

Фантазия

Редактор «Благовещенска» вызывает трёх других редакторов местных изданий на дуэль через платок.

(Хроника)

Вызов всё-таки был принят. В одно скверное морозное утро дуэлянты двинулись за город. Местом дуэли было выбрано свадебное место.

За дуэлянтами ехал на осле доктор с чемоданом, в котором, кроме ножей и ланцетов, было четыре пары свежих... кальсон.

Дуэлянты двигались молча. Редактор «Эхо» [56] на ходу писал отношения Биржевому комитету о том, что сданные ему для продажи товары он уже продал.

Редактор «Листка» стриг овечьими ножницами номер «Русского слова» [57].

Редактор «Колючек» [58] набрасывал какую-то карикатуру.

А шагов на сорок впереди прыгал редактор «Благовещенска», поклёвывая по дороге конопляное семя, рассыпанное проезжими молоканами [59].

Вышли за город. Редактор «Благовещенска» вспорхнул на навозную кучу и сказал:

– Ну, здесь начнём!

Остальные поморщились.

– Охота вам и перед лицом смерти в навозе копать? – сказал редактор «Колючек».

Отошли от кучи шагов на двадцать пять и стали снаряжаться.

Редактор «Благовещенска» вынул из кармана четыре носовых платка и предложил каждому по штуке.

Но внешний вид этих платков заставил остальных отойти в сторону и захворать морской болезнью. Каждый вынул свой, и все завязали глаза.

Как только завязали глаза и вынули пистолеты – редактор «Благовещенска» крикнул:

– Начинаем!

И юркнул за навозную кучу.

Поднялась пальба.

Первым был убит редактор «Листка» как человек горячий и неосторожный. Убит он был шальной пулей, предназначенной для редактора «Благовещенска».

Вторым пал редактор «Эха», хоть и был весьма осторожным человеком.

Редактор «Благовещенска», радуясь, что уже двое пали, выскочил из-за кучи и хотел выстрелить в редактора «Колючек», но тому в это время попался под ногу ком чего-то замёрзшего. Редактор «Колючек» злобно швырнул его ногой и нечаянно попал прямо в лоб редактору «Благовещенска».

Тот испустил дух.

А редактор «Колючек», услышав падение третьего тела, развязал платок, оглянул поле битвы и пошёл домой.

ПАПА И МАМА

Поругались папа с мамой,
Папа с мамой – шум и крик!
Папа толстый и упрямый,
И упрямый – точно бык.

Мама папу укоряет.
Укоряет: «Ты тюфяк!»
Сам Куртеев [60] рассуждает,
Рассуждает точно так.

Мы с Куртеевым покажем,
Мы покажем вам трамвай:
Поперёк дороги ляжем,
Так и ляжем – не замай!

Ну-ка, если не рехнулся,
Не рехнулся – прокатись!»
Папа молча усмехнулся,
Усмехнулся, молвил: «Брысь!

Вы с Куртеевым! Да надо ль,
Надо ль вам и возражать?
Ведь Ваулин любит падаль,
Падаль в яму зарывать».

ТИПЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

В президиуме 2-го общества избирателей и обывателей есть очень любопытный тип идеалиста-коммерсанта.

Это Фёдор Коротаев [61]. Тот Фёдор Коротаев, который пишет стишки на тему о вреде пьянства, о народном невежестве, о том, что вот, мол, скоро придёт время, когда все люди будут братьями, не будет на свете разных неприятных вещей, вроде городских, кутузок и тому подобного.

Стишки Фёдора Коротаева показывают, что у него есть кое-какие убеждения, кое-какие стремления, кое-какие надежды.

А вот общественная деятельность этого идеалиста – уже дистанция огромного размера в сторону не очень хорошую...

Именно в сторону довольно некрасивой игры на народной темноте, против которой он борется в стихах.

Причём – и это самое главное и самое интересное – игра эта ведётся сознательно. Как человек более или менее умный, Фёдор Коротаев это понимает и поэтому всячески старается замаскировать свою неискренность.

Ухватив слепого избирателя за нос, Фёдор Коротаев знает, что ведёт его в канаву, но об этом ни гу-гу.

Обыватель слышит от него умильные рифмы, как «братя» и «объятя» и слепо вручает ему свой нос: разве такой милый парень заведёт в канаву!

А милый парень ведёт себе да приговаривает:
– Не бойся, брат мой, уж я тебя доведу.

На общем собрании 24 января Фёдор Коротаев говорил о проектируемом первым обществом обывателей и избирателей водопроводе:

– Я не знаю, во что обойдётся водопровод. Я в этом деле некомпетентен. Но думаю, что он обойдётся в полтора миллиона.

Он думает... А почему он, некомпетентный человек, думает, что в полтора миллиона? Да потому, что его противники, компетентные люди, думают, что водопровод обойдётся в полмиллиона. И не только думают, но даже и расчёт сделали, и цифры поставили, и итог подвели.

Безусловно, Фёдор Коротаяев, хотя и не компетентен в этом деле, но сознаёт, что, по правде-то сказать, конечно, полмиллиона надо, да чёрт его знает, обывателя-то: как услышит, что первое общество право, так повалит туда, и останется бедный стихотворец только с Власовым, Щегловым, Залетаевым и иже с ними. А уж это чепуха. Это совсем не того...

На том же собрании, когда зашёл вопрос о проектируемом первым обществом мощении улиц, Фёдор Коротаяев говорил так:

– Улицы мостить совершенно не к чему! Нам надо школы строить, у нас школ нет, а они улицы мостить хотят. Надо сперва умы мостить, а не улицы.

Это уже не более, не менее как передёргивание. Всё равно как на углу Зейской и Торговой [62] у ренского погреба [63] некоторые тёмные господа делают.

Как грамотный человек, Фёдор Коротаяев превосходно понимал, что он передёргивает.

Он с умыслом выбрал только 4-й пункт программы первого общества, трактующий о городском благоустройстве. Само собою разумеется, в этом пункте насчёт «мощения умов» не могло быть и речи, ибо речь об этом шла в пункте первом, и речь довольно обстоятельная.

Но ведь обыватель прост: не может же он знать, что кроме пункта 4-го имеется ещё и пункт первый, ибо программы-то этой он по безграмотству и прочитать-то не мог.

А идеалисту этого только и надо:

– К чёрту первое общество! Надо умы мостить, а не улицы!

И Фёдор Коротаяев мостит умы. Да так мостит, что и любой инженер позавидует. Ловкий парень, этот настельщик мостов! Впору хоть к Маркову 2-му [64] для довершения этого похвального мастерства посылать.

ПАРОДИЯ

Дети Бурхановки! [65] Вечные странники!
По льду Амура на сторону правую
Тихо бредёте вы, словно изгнанники,
Чтоб околпачить таможенную лукавую...

Что же вас гонит: прельстила ли свинская
Пьяная жизнь? Голова ли с похмелия
Вечно трещит? Или водка харбинская
Лучше Лукинского с Бутинским [66] зелия?

Или завет, от прадедов положенный,
Вы исполняете... волюшку русскую?..
Иль полюбился кулак вам таможенный?
Или прельстились родною кутузкою?

КУСКИ ЖИЗНИ ГРУБОЙ И БЕДНОЙ

Скверные иногда штуки откальвают редакторы либеральных газет. Такие скверные штуки, что даже участковый пристав [67] приходит в недоумение: кем это сделано? Хулиганом Баскаковым или редактором либеральной газеты? По внешнему виду между двумя этими представителями российской фауны лежит глубочайшая, кажется, пропасть: хулиган и грязен, и неопрятен, и не причесан, и неприличными словами выражается. А редактор умыт, причесан «пробором», надушен чертовски крепкими духами и выражается очень деликатно. Выражается, например, так:

«В душной атмосфере тяжёлого морального безвременья, когда человеческая мысль растворяется в тягучей, вязкой массе общей апатии и интеллектуального обнищания, когда творческий гений человека похож на скучный, осенний дождливый день, – нам особенно должно быть ценно всякое проявление живой силы, стремящейся прорвать эту завесу могильной тьмы» («Торгово-промышленный листок объявлений» [68]. № 491).

А? Как вам это понравится?! Ведь это же не речь, а малина? «Творческий гений похож... на скучный... дождливый день...» Чёрт возьми! Как это пронзительно сказано! Сколько здесь гражданских слёз... И подписано это: «А. Константинов» [69].

И всякий скажет: «Какой малиновый человек этот г. Константинов! Какая смелость мысли!

И вдруг!

Кучер Константинова, редактора «Торгово-промышленного листка», Масленников, 24 января явился в первый полицейский участок с разбитым лицом и объявил, что разбил ему физиономию г. Константинов при выталкивании из помещения за то, что он не согласился при расчёте признать штраф в три рубля, которому тот хотел его подвергнуть за медленную запряжку лошади. Из участка Масленников направлен к доктору для освидетельствования. После чего он хочет перенести дело в суд («Эхо». № 394).

Есть над чем стать в тупик. Рука, писавшая вышеприведённые малиновые слова, – эта рука заушает кучера за то, что сей последний не хочет признать, что он медленно запрягал лошадь.

Это уже почище хулигана Баскакова. Тот, по крайней мере, только с тротуара дам сталкивает и до физиономии ещё не дерзал...

Впрочем, большому кораблю большое и плавание.

Хотя этот рейс г. Константинова, по всем видимостям, кончится в камере мирового судьи.

У нас есть множество семей...
Они, как будто, добры,
Но им у крепостных людей
Считать не стыдно рёбра [70].

Их «творческий гений» похож не на «скучный осенний день», а скорее на бурный летний...

Эх, господа, скверно всё-таки быть кучером у либерального человека.

Когда я склеивал эти куски жизни, наш хроникёр принёс известие, что в камере мирового судьи разбиралось дело домовладелицы Бусыгиной [71], обвинявшейся в нанесении побоев своей

кухарке. Дело, к несчастью, отложено, и я не могу констатировать факта, что иногда и домовладельцы попадают в кутузку.

Слава Богу, у нас есть неприкосновенность личности, хотя и в уродливой форме: обнаруживается она только тогда, когда уже синяки на личности выцветут, и личность готова к новым.

«Ташкент – это место, где бьют», – говорил М.Е. Салтыков [72].

«Дом на углу Зейской и Никольской [73] – это место, где ставят синяки», – могу сказать и я.

И разве можно поставит в вину нашему художнику, что, вдохновившись подвигами обитателей этого дома, он нарисовал картину, на стр. 13 помещённую [74].

Как человек легкомысленный, он приплёл к чему-то слова: «Новый Иллюзион»...

Какой же это иллюзион, когда из него прямая дорога в клоповник?!

Впрочем, пусть будет иллюзион.

Иногда и в иллюстрациях бывают патриоты.

Например:

«В одном из харбинских иллюзионов двое детей подошли к кассе и просили пропустить их, предлагая 35 копеек. На это им ответили: “За эти деньги нельзя пропустить даже русских, а не только жидов”» («Новый край». № 1).

Вот ответ, достойный патриота!

Вы представьте себе эту картину:

У кассы стоит восьмилетний карапузик Яша Штейн... Ему хочется посмотреть «Вид берегов Средиземного моря». Кладёт на стол 15 копеек.

Кассирша, как истая патриотка, уже наметавшая глаз на иногородцах, сейчас же берёт его за шиворот и:

«За эту цену жида нельзя пустить! Выметайся! Чтoб твоим духом не пахло!»

Карапузик удивлённо таращит на неё глазёнки, а извозчики, толпящиеся в фойе, кричат:

– Bravo! Ура! Бей его!

И пойдёт карапузик домой и заплачет. И спросит его папа:

– О чём, Яша, плачешь?

И расскажет Яша. И умилится папа сердцем и скажет:

– О, великий русский народ! Как велик ты в своём патриотизме!
А извозчики выйдут из иллюзиона и пошлют Дубровину [75]
телеграмму: «Поздравьте нас с победой над Яшей Штейном!»
А кассирше нацепят значок...
<...>

НА ЧУЖОЙ МОТИВ

Я над берегом утречком рано
Любовался красою полей,
И в моём кошельке из сафьяна
Было целых пятнадцать рублей.
Я смотрел с умилением на воду,
С умилением смотрел на луга,
И мечтал про людскую породу,
Как она для земли дорога...
Я мечтал: «Человек не напрасно
Есть венец остального всего:
Его сердце отменно прекрасно,
И прекрасна моральность его!»
И задавшись темой такою,
Я не мог удержаться от слёз
И в карман потянулся рукою
За платком, чтобы вычистить нос.
Но... скандал! Кошелька я лишился!
И сильнее я слёзы пустил,
Головою на руки склонился
И печально я так говорил:
«Хоть людская моральность прекрасна,
И воришка – творенья венец...
Но зачем же меня так ужасно
Подкузьмил неизвестный... подлец!»

ОПЫТ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

А

Абсурд – 1) политико-экономические статьи «Листка объявлений» [76]; 2) утверждение, что Благовещенск – культурный город.

«**Амурская газета объявлений**» – смотри слово «Недоразумение».

Арнольдов – артист на роли «пшютов»; 2) антрепренёр без «Идеи» [77].

Аква – лат. вода, то же – статья г. Куртеева 1-го [78].

Аферист – самый распространённый тип Благовещенского коммерсанта.

Б

Баба базарная – разновидность Благовещенской прессы.

Биржа – 1) самый популярный среди хроникёров пивной зал; 2) что-то бессмысленное.

Бутин [79] – средство против меланхолии.

Бессмыслица – см. слово «Абсурд» в первом его значении.

«**Браво!**» – любимое слово: 1) у райка в идейной пьесе; 2) у партера в фарсе.

«**Бр...**» – междометие, вырывающееся при виде булки из «Киевской хлебопекарни».

В

Воскресенье – день выхода «Колючек».

Вексель – один из трёх китов городского хозяйства.

Водевиль – думское заседание.

Г

«**Голос Востока**» – лишнее доказательство свободы печати.

Гласный – в большинстве случаев существо безгласное, когда речь идёт о правах бедноты, и громогласное, когда речь заходит о собственных интересах.

Грамотность – самая непопулярная женщина нашего времени.

«**Горка**» – гм. н-да... [80]

Д

Драка – специальность таможенных стражников.

Даром – рассылается «Благовещенск», только бери, ради Бога [81].

Е

Ерунда – слово, невольно напрашивающееся при чтении газетных статей о прогрессе нашего города.

Европа – нам не указ.

Ж

Жирок – результат заведования чем-нибудь «общественным».

Жвачка – передовица «газеты» «Благовещенск».

Журналист – человек, про которого сказано: не так живи, как хочется, а как жандарм велит.

З

Заткнуть рот – репортёру невозможно; – личному секретарю можно известным процентом; – собаке – костью.

Зубы – часть тела, моментально вылетающая изо рта у дерзнувшего перейти за Бурхановку [82].

Завидовать – положению редактора «Колючек» не приходится.

Заартачиться – будучи русским писателем, не хотеть в тюрьму.

Завтра – любимый срок, к которому в учреждениях исполняются просьбы частных лиц.

3. «АМУРСКИЙ КРАЙ»

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Фантазия

Под ударом банды правой
Пали левые ряды.
Награждён лучистой славой
Всяк «союзник» за труды.
Груды трупов ломовые
Отвозили на погост,
А вояки удалые
Пить сошлись победный тост.
Вот, могуч и многокровен,
Крепок, словно монумент,
Дик и страшен встал Дубровин [83],
Вновь избранный президент:
«К вам моё, о, други, слово:
Режь, коли, руби и жарь!
Первым делом Милюкова [84]
Надо вздёрнуть на фонарь!
Колесован Гегечкори [85],
Что на нас рычал, как зверь,
И в родную Думу вскоре
Мы раскроем настезь дверь».
Мощный глас Илиодора [86]

Речь Дубровина сменил:
 «Уж теперь не встанет скоро
 Архимандрит Михаил! [87]
 Надо вздёрнуть Льва Толстого,
 Мережковского [88] сослать,
 А Григория Петрова [89]
 В сумасшедший дом отдать!»
 «Пусть же грянут звуки маршей!
 Для жидов – и плач, и стон! –
 Загремел Суворин-старший [90],
 Современный Пальмерстон [91]. –
 Не опасен жид, покуда
 Жив я, старый патриот!
 В этом Меньшиков-иуда [92]
 Вам присягу принесёт!»
 «Как ужасен жребий строгий!
 Как жесток коварный рок! –
 Прошипел отец Евлогий [93],
 Орошая свой платок, –
 Много выбыло из стана,
 Многих гадин терпит свет:
 Нет надежи – Крушевана [94],
 Жив презрительный кадет!»
 «Для Гучкова Александра [95]
 Мы настроим кораблей! –
 Современная Кассандра [96] –
 Прокричал Шульгин Андрей [97]. –
 Путь для нас открыт просторный...
 Вижу: день уж недалёк –
 Покорённый сотней чёрной [98],
 Целый мир у наших ног!»

ЧТО ДУМАЕТ АНТРЕПРЕНЁР, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ

В тёмную ночь, что нависла над городом
 Будто бы траурный флёр,
 В мягкой постели, с разорванным воротом
 Мечется антрепенёр.
 Мечется бедный, кряхтит, чертыхается,

Ждёт – не поют петухи.
Всё-то бедняге грехи представляются,
Против искусства грехи.
«Охти [99], мне грешному, ох, окаянному,
Стыд мне уделом и срам!
К фарсу и шаржу я свёл балаганному
Светлой эстетики храм!
В жадной погоне за лишней копеейкой
Я не гнушался ничем!
И с порнографией, этой злодейкой,
Чуть не связался совсем!
Черти грозят мне жестокою банею,
Быть мне в ответе большом.
Как-то я ставил “Амур и компанию”,
Там ведь почти нагишом!
Часто в спектаклях давал комбинацию
Сала и грязи иной [100].
Ох, и влетит же мне за профанацию
От Мельпомены [101], ой-ой!
Охти мне, грешнику, охти мне, цинику!
Кожу мне черти сдерут!
Чую, уж скоро сvezут меня в клинику,
Там уж мне, значит, капут!»

ЖЕРЕБЦЫ

Куплеты

В краткой речи закавказский
Вдохновенный депутат
Сочной кистью, яркой краской
Очертил наш русский лад,
«Балалайка – что такое?» –
Он с трибуны спросил.
Мигом здание большое
Громкий хохот огласил,
Но Тимошкин [102] рек собранью,
Покрутив усов концы:

«Тут совсем не место ржанию,
Чай, ведь вы не жеребцы!»

Из партийной неприязни
Октябристов [103] дружный хор
Об отмене смертной казни
Оставляет разговор.
Каждый день идёт расправа,
Гибнут старцы и юнцы.
Депутаты – центр и справа –
Только ржут, как жеребцы.

Пуришкевич [104] бесшабашный
Под «союза» дружный гул
С откровенностью кабацкой
Матерщинщину загнул.
По России возмущенье
Облетело все концы.
Свора правых в восхищенье,
Дико ржут, как жеребцы.

Порто-франко [105] для Востока
Закатилось навсегда,
И к рабочему жестоко
Подбирается нужда.
Цены страшно возрастают,
А столичные купцы
Только руки потирают,
Только ржут, как жеребцы.

РАЗВЕ НЕ ПАКОСТЬ?

Рассказал бы – да боюся,
Не дадите веры,
Как устроили нам летом
Пакость землемеры.

Из Ивановки в Петровку,
Когда живы были,
Наши деды-то и в церковь,
И в шинок ходили.

И казалось – недалечко:
Восемь вёрст – не дале...
Так считали деды наши,
Так и мы считали.

Для чего – ей-ей, не знаю! –
Начальство прислало
Землемера. Как намерил,
То... двенадцать стало!

Это ль нам ещё не пакость?
Как не обозлиться:
Ведь попробуй-ка двенадцать
Вёрст к шинку тащиться!

ТОЖЕ НАГРАДА

Служащие городской микроскопической станции за сверхурочную работу получили к празднику Пасхи по два рубля наградных.

(Хроника)

Там, где ищут сильной лупой
Смертоносные микробы,
Там народ совсем неглупый!
– Ну, ещё бы! Ну, ещё бы!

Батраков хоть утомляют
Сверхурочною работой,
Но за это награждают
Их с охотой, их с охотой!

Хоть не банк у них, поди-ка,
Где на дело смотрят строже,
Где своя рука владыка,
Ну, а всё же! Ну, а всё же!

Чем богаты, тем и рады!
И награды там не скупы,
Коль глядеть на те награды
Тоже в лупы, тоже в лупы!

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый государь господин редактор!

Прошу Вас дать в Вашей уважаемой газете место следующим строкам:

В № 163 газеты «Эхо» напечатана такая злобная и, с точки зрения литературной этики, неприличная выходка против юристического журнала «Бузуй», что я счёл бы ниже своего достоинства отвечать на неё, не будь в ней грубых инсинуаций по адресу г. Босяка, который, как может быть известно и автору статьи в «Эхо» г. Амурцу, в силу обстоятельств защититься от этих инсинуаций не может [106].

Не останавливаясь на взглядах г. Амурца на сатиру вообще, так как из того набора трескучих и шаблонных фраз, которые он предпосылает разбору «Бузуя», эти взгляды в какой-либо степени их ясности установить невозможно, и даже является опасение – ясны ли они для самого автора, считая, кроме того, что все нападки г. Амурца на низкий слог «Бузуя» предательски разрушены сотоварищем почтенного критика по газете г. Фых, фельетон коего (помещён непосредственно за статьёй г. Амурца) трактует о тех же предметах – лужи, грязь, навоз (мусор) и т.д., которые так возмутили критикана в «Бузие», я только хочу уверить г. Амурца (хотя всякому другому, прочитавшему № 1 «Бузуя», это и без уверений видно), что ни в стихотворении г. Босяка «В поезде», ни в обоих моих стихотворениях – «Русский гражданин» и «Гоголевский юбилей», затрагивающих темы общественные, нигде не трактуется о «местных сплетнях».

Поэтому следующие слова г. Амурца: «Авторы – Язва, Скоморох... и Босяк, кажется, уверены в том, что местные затасканные сплетни могут заменить сатиру широкого характера», – я в отношении себя и г. Босяка *считаю грубой инсинуацией*, недостойной уважающего себя литератора.

Не видя никакой возможности относиться к статье г. Амурца, как к рассуждениям и мыслям вполне нормального человека (сомневающимся в правильности моего заключения советую вновь прочитать статью Амурца, особенно абзац девятый, и рассматривая её как плод скверного настроения автора, действовавшего в «запальчивости и раздражении» а-ля [107] В.П. Буренин [108], – я могу только посоветовать г. Амурцу не писать больше «критических статей», не ставить себя и свою газету в смешное положение и... не говорить неправды хотя бы там, где возможно обойтись без неё.

Мне за вас стыдно, г. Амурец! И дёрнула же вас нелёгкая писать критику. Бросьте это. Не ваше это дело, г. Амурец [109].

МИНИСТЕРСКИЙ НЕДОСМОТР

В министерстве народного просвещения разработан законопроект о недопущении незамужних учительниц в те школы, где преподают неженатые учителя.

(Хроника)

Министерство просвещенья
С краской лёгкого смущенья
Порешило – в недрах школ
От мужского обольщенья
Оградить прекрасный пол.

В интересах «младших братий»
Против «красных предприятий»
Новый тормоз в ход введён:
Увеличен ряд «изъятий»,
Им же имя – легион!

Ведь в погоне за крамолой
Поступиться можно школой!
Неженатый педагог
И девица с шейкой голой –
Ведь соблазн, помилуй Бог!

Но... и тут мы пропуск встретим,
Ведь бывает в классе третьем
Пара рослых «старичин».
Как же быть с дефектом этим?
Вот причина всех причин!

Как же быть тогда с камчаткой [110]?
Не глядеть туда украдкой,
В этот тёмный уголок,
И, закрыв лицо перчаткой,
Быстро спрашивать урок?

Прозевало министерство!
Ведь опаснее эсерства [111]
Эта новая напасть!
От такого изуверства
Можно в обморок упасть!

Я секретец вам открою:
Надо жить по «Домострою» [112],
Он совсем не так уж строг,
И девице с головою
Закрывать лицо чадрую,
Собираясь на урок.

БАСТА ХОДИТЬ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ!

Издатели некоторых провинциальных газет намерены ходатайствовать о возобновлении предварительной цензуры.

(Из газет)

«Баста ходить по цензуре!
Ослобонилась печать!
Авторы наши в натуре
Стали статейки пущать!»

Это отрадное слово
Мы повторяли в бреду
Вслед за Некрасовым снова
В памятном пятом году [113].

Всякий, имеющий голос,
Долгом считал закричать,
Что скорлупа раскололась,
Освободилась печать.

Вольное слово гремело,
Гневом и скорбью полно,
Но – непонятное дело! –
Скоро замолкло оно!

Снова, унылы и хмуры,
Стали мы ждать и молчать,
Хоть и не стало цензуры,
Но – не свободна печать!

Каждая к свету потуга
(Хоть и бессильна была)
В дебри полярного круга
Неотразимо вела [114].

Штрафы дополнили дело...
Цензоров нет, но опять,

Как при цензуре, не смела
Пикнуть родная печать!

Зубы на полочку ложит
Ныне издатель. Беда!
Каждая строчка ведь может
Выкинуть прямо «туда!» [115]

Ради спасения шкуры
Как же ему не кричать:
«Баста ходить без цензуры!
Вольную к чёрту печать!»

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ

Во внесённой в Государственную думу смете министерства финансов констатируется убыточность «С.П. телеграфного агентства» Москвы [116] – уменьшение во внутренней жизни событий, дающих темы для телеграфных сообщений.

(Из газет)

Ну, конечно, безусловно,
Жизнь притихла, в самом деле,
Как наивная поповна
В четверток страстной недели.

Ей папаша – добрый пастырь,
Преподавал азы приличий,
И похож на свежий пластырь
Стал унылый лик девичий.

Ни улыбки, ни гримаски
На устах, безмолвьем сшитых...
Только слой дешёвой краски
Ярко рдеет на ланитах.

Так и наша Русь святая,
Претерпев мытарства мнози,
Слову пастыря внимая,
Замерла в наивной позе.

Телеграфное агентство,
Заходя и так, и эдак,
Всюду видит совершенство
И образчик для соседок.

Нет ни тени беспокойства,
Всё стоит во фрунт – на мере, –
А приличье – это свойство
Есть везде в большом размере.

Жизнь шагает тихо, вяло,
Наподобье полной дамы...
Не найти материала
Для пустяшной телеграммы.

Там кого-то расстреляли –
Для кого же это повод?..
Там кого-то усмиряли –
Что же тут найти «такого»?..

Тиф по тюрьмам... Но кому же
Это раньше неизвестно?
Чахнут ссыльные от стужи...
Фи, совсем неинтересно!

Недород – к нему привыкли,
Он у нас детишек херит!
Урожай – но мы отвыкли,
Да и кто тому поверит?

Найден новый провокатор –
Этот тип нам бесполезен:
Ну, какой же он новатор,
Коль Азеф [117] есть и Ландезен [118].

Про еврейские погромы
Ничего пока не слышно,
А с холерой мы знакомы
И её встречаем пышно!

Интенданты, казнокрады,
Ультра-воры, просто воры –
Но знакомству с ними рады
Разве только ревизоры!

Вообще, куда ни глянешь –
Всё вокруг благопристойно.
Ну, зевнёшь, рубашку стянешь
Да и спишь себе спокойно!

ОСМЕЯНА-ЦАРЕВНА

Лиро-эпическая драма с фантастическими превращениями

К читателям

Про царевну-недотрогу,
Про Амурскую дорогу
Приготовил я для вас
Занимательный рассказ.
Только чур – сидеть и слушать,
Всякой гадости не кушать:
Дамам – серку [119] не жевать
И на шлейфы не плевать.
Гимназистам не буянить,
Вообще, не хулиганить.
Не держать в руках резин
И не строить «образин».
Ну-с, итак, начну я с вами
Растабарывать стихами,
Надлежащий взяв размер.
Ну, хоть дактиль [120], например.

Глава первая***Две песни и их моральное значение***

Спит непробудно Амурская прерия [121],
Нежась в таинственной мгле.
Ласковых звёздочек целая серия
С неба мигает земле.
Как конституция, бледный, расплывчатый,
Землю окутал туман.
С речки доносится шорох отрывчатый,
Бьётся в Амуре сазан.
Тихо... лишь изредка ласковым шорохом
Шепчется ветер с травой.
В воздухе пахнет таможней и порохом,
Кровью и рыбой гнилой.
Вдруг – приготовьтесь, друзья, к ледящему
Зрелищу – вдруг на поверхности вод
Волны поднялись, и, к ужасу вящему,
Вышел оттоль пароход.
Всё настоящее: трубы огромные,
Толсты, как дутый пузырь.
Люки раскрытые, грозные, тёмные,
Сбоку похож на «Сибирь» [122].
Выполз он на берег, сел на муравушку,
Жалобно так прогудел,
Брызнул слезинку на влажную травушку,
Грустную песню запел.
Песнь эта, други, была лебединая,
С вами нам так не певать...
Жалобным стилем для вас не премину я
Грустную песнь передать.

Песня парохода

«Осыпаются пышные розы,
Умолкают в садах соловьи...
На Джалинде [123] свистят паровозы,
Надрываючи нервы мои!

Навигация! Чудная дева!
От меня отвернулся твой взгляд!
Погляжу ли с тоской я налево –
Там сосновые шпалы лежат!

Навигация! С каждой весною
Ты рожала субсидию мне!
Ах, зачем же коварной судьбою
Я оставлен теперь в стороне?

Мне теперь не дадут и окурка
И ни пуда солёной кеты.
Подорвёт меня в корне “Амурка” [124],
Улетят золотые мечты!

И сижу я ночью порою,
И клянущу я злодейку судьбу,
И готовлюсь я с ранней зарёю
Улететь в дымовую трубу!»

Так, надрываясь, с тоскою мучительной,
Пел на траве пароход.
Кто же беднягу улыбкой язвительной,
Други, обидеть дерзнёт?
Вдруг, словно в сказке, походкой виляющей
Входит синьор-инженер,
С физиономией, ярко сияющей,
Молвит: «Здорово, мон шер!» [125]
– Наше почтение! Рад познакомиться, –
Хмуρο бедняга сказал.
(Ну, не придётся ему оскоромиться,
Не на такого напал!)
«Слышал я ваше унылое пение! –
Молвил пришедший, смеясь. –
Но не робейте, имейте терпение,
Будьте смелее, судьбы не боясь».

Песня инженера

«Тяжёлый крест достался вам на долю,
Совсем от вас откочевал народ.
Но слова два сказать себе позволю
Я вам, мой друг, любезный пароход!
Не говори, что дни твои унылы,
Не говори, что слёзы – твой удел,
Я поддержу тебя по мере силы,
Ведь наш пострел везде поспел!

Аппетит большой имея,
Я скажу вам, не краснея:
Вся амурская затея –
Дельная идея.

Я амурскую дорожку
Буду строить понемножку,
Я клюю за крошкой крошку
Кой с кем вперемешку.

Милый пароходик!
Ты ещё не годик
Плавать на Амуре
Будешь, отдуваясь,
Нашей авантюре
Только улыбаясь!»

Тут прослезилась друзья-пролетарии...
Сели в слезах на траву...
Други, коль нужны для вас комментарии,
Ждите вторую главу...

которая появится, конечно, только в том случае, если Бог не вы-
даст и инженер не съест [126].

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

Трагикомедия современности

Сочинение Е. Чирикова и моё

Действующие лица:

Сократ Петрович – *ошалевший обыватель.*

Сонная Одурь – *его законная жена.*

Глафира Андреевна – *её родная мать, октябристка [127].*

Степан Никифорович – *её супруг, кадет [128].*

Людмила Васильевна – *бойкая дама.*

Исправник – *так и есть исправник [129].*

М-Пе Глюк [130] – *конституция.*

Воздушный Шар – *существо бессловесное, но по желанию авторов может говорить.*

Остальных лиц – *не надо.*

Место действия – *одно из мест действия исключительных положений.*

По открытию сцены видны *Глафира Андреевна* и её дочка – *Сонная Одурь.*

Глафира Андреевна дочери:

Я материнскою утробой
Тебя на свет произвела,
Но твой папаша узколобый
В тебе посеял корни зла.
Была от детской колыбели
Ты призвана к высокой цели –
Чтоб охранять глубокий сон
Сократ Петровича. Ведь он,
Назад тому четыре года [131],
Был очень боек и влюблён
В девицу, что звалась Свобода.
Любить подобного уroda
Не позволял хороший тон,
И вот, чтоб избежать скандала,
Тебя ему я навязала
И, как всегда, предполагала,

Что этот рыхленький тюфяк
Враз попадёт под твой башмак.

Сонная Одузь:

О, мама! Редкостной женою
Была для мужа я, и ты
Была всегда довольна мною!

Глафира Андреевна:

Ну, да, была! Для полноты
Дремоты вашей обоюдной
Я всё свершила, что могла,
Но твой папаша безрассудный
Испортил дело... Как смола
Пристал к Сократу, улещает,
Английским пивом угощает,
И как последний демократ,
Раскис бесстыдный твой Сократ!
Разиня рот, внимает «Речи» [132]
Пройдохи-тестя. Спрыгнул с печи,
Где много лет с тобой лежал,
И вот – куда-то убежал.

Сонная Одузь:

Придёт, небось...

Глафира Андреевна:

Придёт ли, дочка?

Сонная Одузь:

А к чёрту ль денется?

Глафира Андреевна:

Смотри
Не проморгай... Сидишь, как кочка –
Поди-ка, ужин собери!
Не век же будет по бульварам
Ходить он за воздушным шаром
Да за поганой этой Глюк?

(Внезапно):

А что ты скажешь, если вдруг
Сократ Петрович, твой супруг,
Да влюбится вот в эту... Глюк?
Ведь говорят, она красива
И говорлива – просто диво!
И вдруг Сократ...

Людмила Васильевна, быстро вбегая:
Ура! Виват!
Летит Сократ! Летит Сократ!

Глафира Андреевна:
Куда летит? на чём?

Людмила Васильевна:
На шаре!
Сейчас встречаюсь на бульваре,
А он кричит: Лечу! Лечу!

Глафира Андреевна:
Молчи! И слышать не хочу,
Что он летал! Да как он смеет!
Да он и править не умеет!

Людмила Васильевна:
Не бойтесь, он с отважной Глюк!

Глафира Андреевна:
Ах, он, разиня! Ах, индюк!
Да я ему... Бежим скорее!
(Бегут на улицу)
Давай сюда его, злодея!

Сократ Петрович:
Назад! Долой! Отстаньте! Брысь!
Я сам большой! Как ветер вольный,
Я понесусь далёко ввысь,
Отважный, гордый, вседозволенный!
Давайте шар! Впускайте газ!

Степан Никифорович, кадет:
Да он и вправду! Вот те раз!
А я опять останусь с носом?
Ведь перед ним, молокососом,
Я перспективы развивал
Работы мирной, а полёты
Я не включал в свои расчёты!

М-Пе Глюк:
Ура! Виват! Ура! Виват!
Летим, Сократ! Летим, Сократ!

Глафира Андреевна:
У, ты, полегче там, бродяжка!
Ведь недалёко каталажка!

М-Пе Глюк:

Чем я виновата,
Что люблю Сократа?
Как во дни свободы,
Он царём природы
Стал в мгновение ока!
С ним под небосводы
Полетим высоко!

Сократ Петрович:

Давайте шар! Летим с тобой,
О, Глюк, мой ангел дорогой!

(Садится в шар)

Исправник, вбегая вовремя:

Эй, расходись, пока не поздно!!
А ты, Сократ, скажи серьёзно:
Летишь?!

Сократ:

Лечу!!

Исправник, схватив его за ногу:

Ах, ты, пострел!

Стаскивая на землю:

Ну что, любезный, полетел?!

(Показывая на шар):

Сию пузатую крамолу
Пришить сейчас же к протоколу,
А Глюк немедля, в полчаса,
Этапом выслать в небеса...

М-Пе Глюк, улетаая, Сократу:

Прощай, Сократушка! прощай!
А коль захочешь – навещай!!

Занавес, красный от стыда, опускается.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ

Владивостокское переселенческое управление получило от главного переселенческого управления предписание возможно скорее представить фотографические снимки различных моментов переселенческой жизни. Снимки нужны для изучения быта переселенцев.

(«Океанский вестник»)

Средь тягучего томленья
Петербургских канцелярий
Уж сложилось представленьё,
Что такое «пролетарий».

Иногда страницы «Нивы» [133]
Вместе с грёзовской головкой [134]
Иль с портретом новой дивы,
В рассуждении «ножек» ловкой, –

Помещают для контраста,
Для читательской гримасы
Или просто для балласта
Человека «тёмной массы».

У него причёска – стогом,
У него во взорах – бомбы,
А уста – клянуса Богом! –
Так и просят гекатомбы! [135]

Он работать не желает,
Постоянно жаждет крови
И Плеханова читает
Нараспев и сдвинув брови.

Он всегда готов для боя
Ради денег и наживы, –
Словом, ужас что такое
Говорят страницы «Нивы».

И держась такого взгляда
И такой научной школы, –
Разве мыслима пощада
В отношении крамолы?

Из таких-то вот картинок
Быт народа изучая,
Много радостных новинок
Мы настряпали для края.

О, к искусству очень чутки
Наши лысые младенцы, –
Но клянут ребячьи шутки
Дураки переселенцы!

Хоть оно, конечно, лестно,
Что мужицкие портреты
Почему-то – неизвестно,
Включены начальством в сметы.

И, конечно, всем приятно
Пред начальством на портрете
Фигурировать приватно
В самом лучшем, ярком свете.

По капризу объектива
Неприличная заплатка
Оказаться может живо
В виде «внешнего придатка».

Так сказать – игра миража,
Плод борьбы луча и мрака,
Или просто – села сажа
От костра, – бывает всяко.

А изба на курьих ножках –
Декорация, не боле...
Так... шалаш на крепких сошках,
Вроде дачи в чистом поле.

А мучицы ни крупинки
И голодные желудки, –
Но ведь к этому пластинки
В аппарате-то не чутки!

Правда, цифрами отчёта
Подчеркнуть возможно тени, –
Но кому придёт охота
Рыться в этой дребедени?!

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ

Служащие конторы П.В. Мордина [136] жалуется на чересчур тяжёлые условия труда. Им приходится работать с 9 часов утра и до 7 часов вечера, то есть 10 часов в сутки.

(«Амурский край», № 259)

Я служу в конторе Мордина,
Значит, я двухжильный,
И заслуживает ордена
Труд мой непосильный.

Я – эфирное создание,
Тонок – точно спичка,
И такое состояние
Мне дала привычка!

Вопреки законам физики
И иным законам,
Каждый день дарю сюрпризики
Я людям учёным.

Будут все они сконфужены,
Если пожелаю...
Ведь обеды я и ужины
Прихотьёю считаю.

Ведь я сыт конторским воздухом,
Стуком «Ундервуда» [137],
И воспользоваться роздыхом –
Для меня – причуда!

Коль устал – расправлю плечи я
И опять корпенье,
Таковы противоречия
Моего сложенья!

КУПЛЕТНЫЕ ВИРШИ,

на предмет прославления российского кулака составленные

*Аджемов [138] вступает в рукопашную
с Тимошкиным [139].*

(Из думского отчёта)

*Раздавайся, гром победы!
Пойте песни старины!
Храбро бились наши деды,
Но сыны – ещё храбрее!*

(Кажется, из Жуковского) [140]

I

Бросив скучные дебаты
И обычную зевоту,
Наконец-то депутаты
Принялись за работу.
Позабыты словопренья
И партийные интриги,
Депутаты без смущенья
Кажут «дули», кажут «фиги».
Раз-два-три! – как лани прытки,
Закружились в дикой схватке:
Бьёт Аджемов «под микитки»,
А Тимошкин – «под лопатки»...

II

Что же? Спор пустопорожний
Сильным людям непристоен,

Благовещенской таможенной
Этот взгляд давно усвоен.
На кулак ужасно прыток
Там народ подчас бывает,
И живительный напиток [141]
В город грудью «не пущает».
Наказуются попытки
Смертным боем без оглядки:
Размахнётся – «под микитки»,
Развернётся – «под лопатки»...

III

Вообще, примеров много
Для кулачных иллюстраций...
Я слышал про педагога,
Сына старых махинаций,
Буква «ять» терзает вечно
У него больные нервы.
(В этом деле он, конечно,
Хоть последний, но не первый.)
Тех, у коих косы жидки,
Вразумляет на «прихватке»,
Иногда – и «под микитки»,
А порой – и «под лопатки».

IV

Практикует очень смело
Те приёмы также «горка» [142],
Впрочем, там другое дело:
Не битьё, а только... порка.
Начинают прививаться
Там и розги, да и плети,
Но нельзя сего касаться
В легкомысленном куплете:
Чуть не так – собирай пожитки
И «крамольствуй» на Камчатке.
Пусть уж лучше «под микитки»,
Пусть уж лучше «под лопатки».

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПАТРИОТА

Пусть я целый свой век пролежал на печи,
Но я был всегда патриотом,
И на этой печи я и днём и в ночи
Обливался... не кровью, так потом.
Эта печь не чужая, – российская печь,
В ней варятся лишь русские снеди:
Только в этой печи и «запечь», и «упечь»
Можно так, как не могут соседи.
Наши предки когда-то за матушку Русь
Тяжкий труд подымали на плечи, –
Я во славу отчизны на печке тружусь
И служу, не слезаячи с печи.
Эволюция властно порядок вещей
Изменила, и вместо былого,
Вместо сабель и пуль и булатных мечей
Мы имеем оружие – слово.
То оружие – острее прадедовских пик,
Но владеть им – плохая работа.
Услышать его может российский же шпик
И в участок возьмёт патриота.
Щеголять патриоту с бубновым тузом [143]...
Как вам опыт понравится этот?
И я долго ворочал на печке умом
И нашёл радикальнейший метод.
Я подумал: ведь есть на Руси голыши,
Что скитаются босы и сиры...
Пусть они говорят. И от доброй души
Пожелал им казённой квартиры [144].
Я же – я патриот! Неустанно мечтать
В умилении сердца я буду,
Как бы курицу в суп или пряника дать
Изморённому нашему люду.
И в мечтах я скликаю отважно на бой
Всех, кто пуль и острогов не трусит...
Но сейчас же готов затрубить и отбой,
Если клоп меня... сзади укусит.
И связал я тесёмкой свой толстый язык,

Но любя беззаветно идею,
 Не могу подавить торжествующий крик
 И мычу, и урчу, как умею:
 «Не умрёт наша Русь!» Умирать – ей же ей!
 Не имеет малейшей охоты:
 Ведь так много на ней изразцовых печей,
 И на каждой лежат патриоты.
 Если ж руки опустит бессильный народ
 С либералами рьяными вкупе, –
 Пусть он знает: на печке лежит патриот
 И мечтает о курице в супе.
 И воздвигнет народ печи новые нам,
 И воздвигнет другие палаты,
 А когда мы умрём, то на память сынам
 Приготовят из нас препараты.

ВЕСЁЛЫЙ НАРОДЕЦ!

Штрихи и контуры

Много на свете весёлых и тёплых ребят, но веселей чиновников одного синеворотничного ведомства [145] редко приходится встретить.

Острый народ и за словом в карман не лезет.

Поучительный народ!

Сижу это я в пятницу в партере [146], «Анатэму» наблюдаю [147], а позади пара чиновников.

Голоса – баритоны!..

Мундиры – блеск, сияние!

Разговоры – ума палата!..

Штиль [148] – верх изящества: видно, что люди говорят не для печати, а так, по душам, друг перед дружкой стараются: кто раньше покраснеет?

Рядом со мною барышня какая-то сидела. Так она, слушаючи этот штиль, таково-то, бедняжка, густо краснела, что прямо за сердце брало, когда я на неё подымал свои глаза.

Как только опускался занавес, и вместо «Анатэмы» глазам являлась афиша «Варьете» и Пономарёвской обуви, чиновники переглядывались, щёлкали пальцами по галстуку и тянулись в буфет.

Оттуда выгонит их второй звонок, и, усевшись на место, они начинали такой разговор:

1) – А как ты, Иван Митрич, насчёт краба?

– Какого краба?

– Кухонного, конечно.

– Вистую! [149]

2) – Понимаешь, вон та барынька...

– Ну...

– История... Прибегает ко мне в одной рубашке. «Муж, говорит, помирает».

– Ну...

– Ну, я бегом за извозчиком...

– Ну...

– Ну – и всё. Привёз на извозчике доктора...

– И всё?

– А что же ещё?

3) Раздаётся удар колокола, которым г. Арнольдов, ради торжественного случая, заменил обычный колокольчик.

Чиновники почему-то воображают себя кондукторами:

– Станция Челябинск, поезд стоит двадцать минут, – тянет во весь голос один.

– Рига – Брест... – вторит второй...

– Имя! Имя назови!.. – взывает Анатэма к Некому, хранящему заветы...

– Ку-зь-ма!.. – тянет чиновник.

– Ля-ксей, – вторит другой.

– Боже мой! вот идиоты, – нервничает барышня.

Хе-хе-хе... – думаю я. – Не идиоты, а так себе... весёлый народ...

P.S. За подлинность чиновничьих фраз – ручаюсь гонораром.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Русый Миша и Маруся
Были резвые ребята.
Миша крикнул: «Эй, Малуся!
Будем, сто ль, иглать в лосадки?»
И, надувшись свыше меры,
Стал похож на «сивку-бурку».
В это время инженеры
Строили «Амурку» [150].

Русый Миша вышел в «дэки» [151],
А Маруся – «эркой» [152] стала.
Он сказал: «Я твой навеки!»
А она ему сказала:
«Я люблю, люблю без меры
Русокудрого Мишурку!»
В это время инженеры
Строили «Амурку».

Русый Миша сгнил в остроге,
А Маруся – вышла замуж,
(К Мане мы не будем строги:
Ей пора и по годам уж.)
Влюблена она без меры
В синеглазую дочурку.
В это время инженеры
Строили «Амурку».

Раз на святочной неделе
Приключилось что-то с Машей...
Обрядили и отпели,
И заели вкусной кашей...
Горевал супруг без меры,
Схоронив свою Машурку...
В это время инженеры
Строили «Амурку».

А её дочурка Вера
Расцвела, как цветик в поле,
И потом за инженера
Вышла замуж... Что же боле?
Без ума супруг от Веры
И влюблён в её фигурку.
А другие инженеры
Строили «Амурку».

ОКАЗИЯ!

Штрихи и контуры

...было указано, что об именинах надо всегда предупреждать полицию (рукоплетскание).

(Из речи кн. Голицына [153] в Думе 18 февраля)

Участок. Обстановка, безусловно, знакомая каждому. Но в интересах будущих поколений можно нарисовать такую картину. Пристав сидит за столом и читает новый циркуляр. Столоначальник (один из 40000) правит Россией посредством скверных казённых чернил (интендантская поставка!) и толстой деревянной ручки. На столе – протоколы. Двое дежурных городских от скуки пробуют прочность шиворотов друг у дружки. Усталый шпик лежит на полу у печки, спит и во сне скулит. И прочее.

Входит человек своего сословия. Бьёт челом о среднюю половицу и ждёт. Проходит $\frac{3}{4}$ часа...

Столоначальник, переставая править:

Ну!

Человек:

К вам...

Столоначальник:

Ну!..

Человек:

К ва...

Столоначальник:

Ну, дальше!

Человек:

К вашей, значит,

Высокой милости!

Столоначальник:

В чём дело? Кто ты есть?

Человек:

Я – человек, который квачет...
Который... квачет, ваша честь!

Столоначальник:

Прекрасно! Дальше!

Человек:

Так что, дело
Моё семейное: приспело
Такое время... Я крещён
Во имя Прохора святого...

Столоначальник:

Не вижу в этом я худого...

Человек:

Так вот... известно... испокон
Веков... как, то есть, наши предки,
Уж так и мы, их, значит, детки...
А вот теперь... того... закон...

Столоначальник:

Да в чём же суть? Скажи яснее!

Человек:

Да именинник, значит, я,
Ну и пришла в башку затея
Попраздновать... Своя семья,
Да кумовья, шурья, зятя...
Так вот, чтоб, значит, без сумленья...

Столоначальник:

А... хорошо! Подай прошение,
Гербовым сбором оплати
Да, кстати, паспорт захвати.
Тогда получишь разрешение!

Человек:

Покорно вас благодарю!
(Уходя, тихо городовому)
И ты приходи! Уж ублаготворю!

Входит новый посетитель, тоже человек своего сословия.

Столоначальник, через ½ часа:

Ну!

Человек:

К ва...

Столоначальник:

Ну!

Человек:

К ва...

Столоначальник:

И ты заквакал?

Человек, робко:

Да вот, как дохтур нам калякал,

Такое дело... Как тут быть?

Моя супружница родить

Должна сегодня к ночи...

Столоначальник:

Браво!

Хоть по одной статье устава

С восьми часов воспрещено

На свет показываться, – но,

Приняв кой что в соображенье

Готов я сделать исключенье!

Человек смелее:

Ну, значит, так сказать, сынок,

Наследник, первенец... Не мог

Сдержатъ отцовских я дурачеств

И прочих столь понятных качеств:

Позвал гостей...

Столоначальник:

Гостей? А ты,

В пределах вверенной моим очам черты,

На то имеешь разрешенье?

Человек:

Вот я за ним-то и пришёл!

Столоначальник, иронически:

Скажите! Время он нашёл:

За полусутки до рожденья!

Да ты в уме? Однако, хватит!

Человек с мольбою:

О, пощадите! Виноват!

Столоначальник:

Ступай домой, пиши прошение,
Гербовым сбором оплаты
Да, кстати, паспорт прихвати –
Тогда получишь разрешение!
И прикажи своей жене,
Чтоб раньше месячного срока
Не сметь родить!
Человек, уходя, со слезами:
О, горе мне:
Быть русским – разве не жестоко!

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Отражения жизни нашей изо дня в день

1. Собака и хозяин

Сначала – обращение к Музе:
О, ты, которая! Слети
С высот, где боги, как в «союзе» [154],
Шумят и пьянствуют! Схвати
Свою божественную лиру,
Войди в убогую квартиру,
Где твой поэт с пером в руке
Сидит верхом на сундуке.
Тебя, небесного посланца,
С тоскою ждёт давно поэт!
Давай про доктора Прошьянца [155]
Споём весёленький куплет:

Хоть цепки собачьи лапы,
Хоть остры собачьи зубы, –
Но иные Эскулапы [156]
По-собачьи грубы!
От собак страдают брюки
Или икры оборванца,
Но попасть опасней в руки
Доктора Прошьянца!

О, этот доктор презабавный:
Он доктор специально «шейный».

Он не выправляет
И совсем не лечит –
Только «костыляет»
И слегка калечит.

II. Квартет с приключением

Ефимов, Власов, Залетаев [157]
Да Фёдор Коротаяев [158]
(Известный идеальный наш поэт)
Затеяли сыграть квартет.
Не для того, чтоб мог их свет послушать,
А чтоб самим, окончивши игру,
Засесть, пирог общественный покушать.
Сначала шло всё подобра
Да поздорову. Вдруг скандал:
Внезапно Федя увидал,
Что это музыка совсем плохого сорту!
«Да ну вас к чёрту! –
Кричит он Власову и прочим иже с ним. –
Из вас мне каждый очень гадок!
От вас в моей душе осадок!
И с сердцем замечательным моим
Случился чуть ли не припадок!
Я презираю вас! Долой!
Вы так противны честному поэту!»
И, написав письмо в газету,
Пошёл писать стихи домой.

Проходит час, проходят сутки...
А Федя думает: «Нет, дудки! [159]
Погорячился сдуру я,
Ну, да простят меня друзья.
Я просто сон прескверный видел
И их по глупости обидел».

И сразу на колени – бух –
 И вопит во весь дух:
 «Друзья! Простите! Я не буду!
 Теперь я даже грамоту забуду,
 Чтоб не могла смутить опять!!!»
 А Власов гаркнул: «Смирно! Встать!
 На первый раз глупцов прощаем,
 А на второй – вот *этим* угощаем!»
 Тут Власов нечто показал,
 Но я с испугу убежал!

III. Измельчание хроники. – Хабаровские шпики. – Обывательское обалдение. – Весна. – Дуэт

*О предании суду хабаровского полицмейстера Тауца [160]
 местные газеты не заикнулись ни словом.*

(Факт)

1.

Устал газетный репортаж
 От повседневных мелких краж
 И санитарных обличений...
 Ужель иссякнул русский гений?
 Ужель стотысячных хищений
 Прошла кошмарная пора?
 Иль репортёрского пера
 Сломался кончик ядовитый?
 О, репортёр! Издревле битый
 Рукой «савраса без узды» [161]
 За то, что смрадные плоды
 Его трудов, его деянья
 Ты выводил на посмеянье;
 Ты, чьи горячие писанья
 Кидались в нос, как нашатырь,
 Когда российский богатырь
 Кричал: «Громи и дебоширь!» –
 Ужель теперь с своих позиций
 Ты отступил, о, репортёр?
 За мелкой сошкой, мелкой птицей,
 Обычно ловок и хитёр,

Следишь, когда вокруг пылает,
Когда вокруг на воре вор
Сидит и воров погоняет.

2.

Провал хабаровских шпиков [162]
Всех поразил ужасным громом
(К несчастью, очень нам знакомым):
Владельцы винных погребков,
Пивных, притонов, кабаков
И прочих милых учреждений
Путём особых соглашений
Давали кругленький доход
Питомцам Тауца. Народ
Терпел, молчал, не прекословил
И мзду посильную готовил.
А надо всем, как полубог,
Царил он, Тауц... В результате,
Под суд попали эти тати.

3.

А репортёр? Он, как сверчок,
Залез на собственный шесток
И только лапками стрекочет:
N.N. быть гласным очень хочет,
А Иксов грязно держит двор...
Мельчаешь, честный репортёр!

4.

Мельчаешь!.. Время ли такое,
Иль обыватель обалдел,
И эта грязь шпиковских дел
Не задевает за живое
Его – не знаю... может быть...
Пора, конечно, позабыть,
Что мы имеем право мыслить,
Смеяться, слышать, разуметь,
Всё это – шутка! Только плеть
Нельзя в «домашность» не зачислить...

5.

Хотел весёлый фельетон
Я написать, и хмурый тон
Я взял по старческой привычке.
Ох, не к лицу теперь она:
Теперь тепло, идёт весна,
(Корректор, здесь не ставь кавычки!)
Весенний шум... зелёный шум [163] ...
Мой лоб трещит от смелых дум,
Мой дух отважен и неистов!
Но – чёрт возьми! внезапно пристав
Прошёл под окнами. Мечта
Вспорхнула – нет её... далёко!
Но вот обычного кота
На жёлобе узрело око.
Но, ба! Знакомые черты:
Куртеев! Костя!! [164] Это ты?!
А это кто с тобой – подруга?
То дума новая! [165] С испуга
Я уж собрался умереть...
Но вы, кажись, хотите петь?
Пропойте! Этого дуэта
Вы ждали уж четыре лета.
О, это долгие года!
За вами слово, господа!
Куртеев:
Умерла моя газета [166],
Как теперь я проживу?
Новая дума:
Награжу тебя за это,
Мой возлюбленный! Мяу!
Куртеев:
Я теперь к тебе на лоно
Преклоню свою главу!
Новая дума:
Ты мой щит и оборона,
Милый котик мой! Мяу!

ВЕСЕННИЙ ФЕЛЬЕТОН

Благовещение [167] – праздник весны!
Праздник солнца, мечтаний и... грязи
Наши мысли смелы и ясны,
Наши мысли блуждают в экстазе,
Но – увы! – наши ноги грязны!

Эта тема, конечно, прелестна
И за сердце хватает она,
Но у нас ведь весна не «весна»,
Без кавычек весна. А известно,
Чем *такая* весна интересна...
Аллегория здесь неуместна,
Неуместна и даже – смешна!

Бросим аллегорию:
С ней ещё в историю
Попадёшь как раз.
Тоном лёгкой шалости
Будем петь по малости
На весенний глас.

Мы не будем звучным гимном
Оглашать лазурный свод:
Безголосым и глухим нам
Этот гимн не подойдёт.

Чайной ложечкой не меряй
Глубь бездонную морей!
Лучше песню про бактерий
Грянем разом, веселей.

Вот из зимнего изгнания,
Славя русский вандализм,
Лезут знаки препинания
В наш радушный организм.

Знак вопроса, запятая,
Двоеточие, тире –
Бойко лезут, поджидая
Вас в дому и во дворе.

Лезут чёрточки, крючочки,
Час от часу всё смелей,
И над жизнью ставят точки,
Как заправский грамотей.

В корчах боли
Поневоле
Нашей скудной, серой доле
Подбиваем мы итог.

Звон печальный,
Погребальный –
Наш последний, наш прощальный
Беспристрастный монолог.

Всё дрожит от весеннего шума,
И светлеет небесная твердь,
Но, вокруг оглянувшись угрюмо,
Мы увидим – костлявую смерть.

В лужах, безбрежных, как море,
В топкой вонючей грязи
Тонут, с судьбою не споря,
Тонут извозчики, вторя:
«– Ну, вывози!»

Пыжится бедная кляча,
Тужится...
Хилый хозяин, ругаясь и плача,
Сам запрягается... Эх, незадача!
Дома детишкам недужится,
Хлеба ни корочки! Жизнь бесталаная...
«– Ну, окаянная!»

Этим скорбным, этим малым,
Этим слабым, хилым, вялым,
Всем забитым и усталым,
Задохнувшимся в чаду,

Пожелаем мы весною
..... [168]
И расчистить смело, с бою
Путь свободному труду.

4. «ЭХО»

ЛИРИКА

Гимназист с орлиным носом
И наставник – нос картошкой –
Оба в Катю Глазунову
Влюблены «от сих до сих».

Катя с первым в близкой дружбе
И зовёт его Серёжкой,
А наставника сурово
Аттестует: «этот... псих!..»

«Псих!» – заслуженный филолог,
Багровел от этой клички –
Ergo [169]: вечно вёз Серёжа
Целый транспорт единиц.

А у Кати волос долог...
Носик тонок, как у птички,
Голосок у Кати тоже,
Как у милых райских птиц.

Раз весной (да, весной!)
Вечер был волшебно тих.

На скамейке под сосною
Примостился «этот... псих».

Под сосною, иль под елью,
Иль под липой – всё равно.
Сердце вешней канителью
У него оплетено.

«Катя, Кати, Катю, Кате,
Катей, Кате...», – шепчет «псих».
Вечер – кстати иль некстати
Ароматен, свеж и тих.

Вдруг... (конечно, вдруг и сразу)
Слева шёпот... (как всегда).
«Псих» бинокль подносит к глазу,
Смотрите с ужасом туда.

Видит он четыре ока,
Пару уст и слышит – чмок!
В сердце пикою жестоко
Был контужен педагог.

Поседев за ночь, филолог
Притащился утром в класс...
Был он едок, был он колок,
Был он кисел, точно квас.

А Серёжа был рассеян,
Не ответил ни бельмеса,
Усмехался взором ясным
На филологов вопрос.

И – поруган и осмеян –
«Псих» широким стержнем пресса
Закатил в журнале классном
Кол – куда твой меринос!

НАСТРОЕНИЕ

Накипь

Возле берега маячит
Беспристрастный карантин.
В Сахаляне горько плачет
Славный спиртус-де-Харбин.
Спиртонос развесил нюни,
Он с тоски, как стелька, пьян
И глотает молча слюни,
Созерцая Сахалян.
Ой, не прыгай за границу –
Могут сразу пристрелить.
Побредём в свою столицу
Побираться и скулить.
Карантинною рогаткой,
Крепче каменной стены,
Мы тоске, безмерно гадкой,
В жертву все обречены.
Все знакомы, все угрюмы,
Беспричинно тупо злы.
Прогрессисты-тяжкодумы,
Черносотенцы-ослы.

Кто в судах о праве мямлит,
Наклоняясь взад-вперёд?
Это он – амурский Гамлет
Белоглавый В.Я. Ротг... [170]
Над обширным горизонтом
Мог бы дерзко он взлететь...
Но амурским мастодонтом [171]
Он желает умереть.

Вот покорности образчик:
Перерезав свой причал,
Буйным «Голосом» приказчик
Взвыл – и тупо замолчал...

А в театре? Яков Гордин,
Конкурс лысых... маскарад...
Гордин, орден, Павел Мордин [172]...
Всяк с тоски подохнуть рад.

Скучной жвачки пудо-фразы
Там и здесь, и здесь и там.
Дайте мне чумной заразы –
Я уйду ко всем чертям.

КОШМАР ФЕЛЬЕТОНИСТА

Он лежит на жёсткой койке,
День рождения кляня.
Перед ним, как пёс на стойке,
Зоркий сторож – Злоба Дня...
Пасть отверста, зубы скалит,
Воет, рывкает, скулит...
Одного в канаву валит,
А тому портфель сулит.
Пуришкевич в пёсией коже...
Вот Гучков ползёт, как вошь...
Рожи, рожи, рожи, рожи...
Боже! Боже! Сколько рож!!
Он лежит на старой койке,
День рождения кляня.
Перед ним, как пёс на стойке,
Верный сторож – Злоба Дня.

ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ

Девочка с газетой

Посмотри, в избе, мерцая,
Светит огонёк.
Возле девочки-малютки
Собрался кружок.
Кончив курс в церковной школе,

Братьям не в пример,
Вот малютка в той же роли,
Как её grand-mère [173].
Как и та, от слова к слову
Пальчиком водят,
От Крупенского [174] к Гучкову [175]
Чуть бредёт дитя.
Мужики клюют носами
И зевают: «йэх»!
И змеится под усами
Ядовитый смех.
«Сколь счастливы хуторяне!»
(Мямлит чтица по складам)
«Не крестьяне, а – дворяне!
Слава отрубам!» [176]
Мужичонка носом клонет,
Спросит: «Отруба?»
А сосед лениво сплюнет,
Молвит: «Да, труба!»
Даже с печи не слезавший
Целых двадцать лет,
Слово «хутор» услышавши,
Плюнул старый дед.
Бабы детям кукиш тычут,
В сосках – хлеба нет.
Ребятишки громко хнычут:
«Мамка! Что ж – обед?»
– «Пуриш-ке-вич [177] (у малютки
Искривился рот)
Крикнул с места: “Врёте! Дудки!
Эй, вы, идиот!”»
Мужики в глубокой дрёме,
Чмокая, храпят,
И во всём крестьянском доме –
Скука, дым и чад.
Что ж не слушают малютку,
Аль уж так глупа?
Нет, устала не на шутку
Серая толпа:
Пятьдесят длиннейших вёсен
Жаждет «лучших дней»

И блуждать между трёх сосен
Надоело ей.
Ну, читай, дитя, до точки
И усни скорей.
Завтра ты пойдёшь «в кусочки» [178]
С матерью своей.

ЛИРИЧЕСКИЕ БАСНИ

I. Карась и щука

Фельетонист – прожорливая щука,
А обыватель – жирненький карась,
И как карась (и в этом вся и штука)
Предпочитает тину, мох и грязь.
Окутав мохом пухленькие жабры,
Карась кейфует – чёрт ему не брат!
Не для него на небе канделябры
Весенней ночью ласково горят.
Не для него бушующий напиток
Всесильной страсти. Что ему мечта?
Карась кряхтит и лопает улиток,
Блаженствуя от жабр и до хвоста...
И вот когда в желудочной истоме
Столбом взмутит он тинистую грязь –
Из камышей, стоявшая на стрёме,
Влетает щука и – пропал карась!
И радуется этому едва ли
Кто искренней, чем братья-караси...
Читатель мой! Ты в басне сей морали
Не требуешь? Вот паинька.
Мерси!

II. Осёл и соловей

Сидели мы рядом вечерней порой
Под сводом зелёных ветвей,
И пел свои песни вечерней порой

Влюблённый, как мы, соловей.
И вторили юные наши сердца
Влюблённому сердцу певца.

И вдруг, разрывая покров темноты,
Влюблённый осёл заревел.
И уши заткнула ладонями ты,
И наш соловей улетел.
Волшебную негу любви прогнала
Волшебная песня осла!

ЛЕВОЕ ЗАСИЛЬЕ

В заседании Союза Архангела Михаила [179] заслушан доклад о засилье Сибири левыми, которые, по словам доклада, заполнили все учреждения и вытесняют правых. Доклад этот постановлено отпечатать и разослать в надлежащие ведомства.

Належащие ведомства поманили к себе пальчиком Трефа [180], ткнули его носом в доклад и сказали:

– Шерше ля крамола! [181]

Треф чихнул – Пуришкевичем в нос шибануло – и в вагоне 3-го класса экстренно выехал в Сибирь.

Когда Треф добрался до Благовещенска, мой Макс [182] отправился его интервьюировать. Плодом этого интервью было следующее сообщение, написанное на собачьем языке и переведённое на амурский диалект передовиком «Амурской волны» [183].

«– Вы, коллега, не можете себе представить, какое прочное гнездо свила крамола в Сибири! Я шпикивал во всей этой стране и, поверьте, не нашёл ни одного полицмейстера, который не был бы эсдеком. Понимаете, даже в официальных бумагах здесь пишут: его высокородию, товарищу – приставу такого-то стана! Или – товарищу – крестьянскому начальнику. Пристава почти все поголовно или эсеры или большевики. Нет ни одного городского, который не считался бы трудовиком. Крестьянские начальники рассылают по волостям программы своей партии – “народно-социалистическая” – так прямо и пишут. Среди губернаторов нередко анархисты-коммунисты.

И это ещё не всё. Например, N-ский полицмейстер завёл официальную переписку с X-ским по вопросу... о партийной тактике. Первый из них – ярый отзовист, а второй – ярый ликвидатор. Часть этой переписки опубликована уже в заграничных социал-демократических журналах! А? как вам это понравится?

И вот ещё: старший городской города А-ска – трудовик, пристав – эсер. Кажется, партии всё-таки родственные? Так нет же! В партийном ослеплении пристав уволил городского только за то, что тот неодобрительно отозвался о Викторе Чернове[184]! А? Можете вы это представить?

И не в одной полиции так. Все сибирские лорд-мэры [185] – социалисты».

– А наш? – спросил Макс.

«– Ваш – убеждённый ликвидатор! Что, разве не так? Или возьмём переселенческое управление. Разве это не анархия, а? А почтовое ведомство – найдёте вы хоть одного почтовика, который не был бы меньшевиком? Да уж на что бы казалось податные инспектора – тихий народ! И что же? Почти все в переписке с Плехановым!

И создаётся такое положение, черносотенная газета штрафует; прогрессивная – живёт.

Союз Архангела Михаила не разрешается, а социалистические митинги – каждое воскресенье!

Вот какова она, Сибирь-то ваша!

Да это ещё не всё: здесь дома у вас в красную краску красят! И какие дома, ка-зё-нны-е! Возьмите хоть ваш окружной суд, а? Что вы скажете!»

Макс ничего не сказал. Он, как бешеный, пустился домой, таща во рту свои уши, которые отвалились во время интервью.

НА ДОСУГЕ

Разминая на досуге
Орган русских октябристов [186],
Я сейчас решаю, други,
Как на свет родится пристав?

Неужели и во чреве
Он уж пишет протоколы,
Изрыгая в яром гневе
Многогранные глаголы?

Неужели в колыбели
Он уж грозен и поджарист?
Вот над ним «Усни» запели –
Он в ответ ревёт: «Под арест!»

Неужели сей ребёнок
В пору ного-рукоходья
Для братишек и сестрёнок
Уже «Ваше Благородье»?

Вот проклятые вопросы!
Отпустив шалунью-рифму
Погулять и порезвиться,
Я сию и рассуждаю.

Если б был я хиромантом,
То, вручив себе рублёвку,
Я б ответил, не стесняясь,
Как на свет родится пристав.

Я б ответил, не стесняясь,
На кого походит пристав,
Если влюбится внезапно
Между парой происшествий.

Но сейчас, ей-ей, не знаю,
Как на свет родится пристав,
И печально разминаю
Орган кислых октябристов.

2 X 2 = 4

На стене – большой портрет Толстого,
Чернышевский, Чехов и Надсон,
А под ними – полуштоф «простого»,
Окорок и прочий «закусон».
– «Ну-с, протащим?» – «Можно!»
– «Сей портретик
Сколько даден?» – «Три четвертачка!»
«Да, Надсон – приятнейший поэт...
Это – Чехов?» – «Коля, балычка!»
– «Чехов? Разве? Ах, Антоша Чехов!
Говорят, был выпить не дурак!»
– «Ну-с, желаю всяческих успехов!»
– «Вам простого?» – «Нет, мерси, – коньяк!»
– «Н-да, друзья, вот жил Толстой и помер...
Жизнь-то наша!» – «Как окорочок?»
– «Объеденье! Прямо – первый номер!»
– «Что ж... Толстой – степенный старичок!»

Пьём и жрём, и порем небылицы,
Хвалим сыр, свинину и коньяк...
Со стены задумчивые лица
Созерцают пьяный кавардак.
– «Выпьем, Коля?» – «Я, п-ризнаться, к-люнул!»
– «Господа, а вот грибки, грибки!»
Чехов, Чехов! Встал бы ты да плюнул
В наши нагло-пьяные белки!

МАЁВКА

Реалистик, тоненький, как хлыстик,
Раздувает пухлый самовар.
Пегий мерин, убеждённый мистик,
Бродит возле, тощий, как комар.
Опалив нечаянно манжеты,
Пётр Иваныч обругал костёр
И ссыпает сочные котлеты

На траву, на луговой ковёр.
Барышни щебечут о природе,
О весне, о платицах «реформ»,
А поодаль семинар-Володя
Из кульков развёртывает корм.
Все на месте. Хмурясь и чихая,
Реалистик рявкает: «Кипит!»
Аромат рябиновки вдыхая,
Пётр Иваныч ласково пыхтит.
«Марь Петровна! Вы своей булавкой
Щёку мне!..» – «Володя, откупорь!»
– «Ай, червяк!» – «А вот его мы травкой,
Так его... Ступай, ступай, не спорь!»
– «Ну-с, за ваше, Зоя Николавна!»
«Семинар! Что ноги протянул?»
Пётр Иваныч сморщился забавно
И, закрывшись шляпою, икнул.
Засмеялись. Выпили и дамы...
Повторили... Ели за двоих.
Пели. Пили. Ели. Всей программы
Не уложишь в шаловливый стих.
Пётр Иваныч уж развесил нюни,
Барышни развесили зонты...
Реалист гнусавил «Сакья-Муни» [187],
А Володя «Вешние цветы»:

«Это было, когда расцветали цветы,
На лугах расцветали фиалки...
О, скажи, дорогая, вспоминаешь ли ты,
Что нам вещи пели русалки?»

Самовар задумчиво мурлычет,
Пегий мерин дремлет под кустом.
Пётр Иваныч утомлённо хнычет,
А Володя – болен животом.
Всем противно, тошно и неловко.
Приторно и стыдно через край.
Так проходит каждая маёвка,
Так встречаем мы лазурный май.

ПРОВОДЫ ВЕСНЫ

Караул! Вот опять улетела Весна,
Отлетела, как утренний сон!
И опять призывал я весенний трезвон,
Как дурак, ни в кого не влюблён.

Господа! Неужели и вправду Весна
Приходила? Иль это обман?
Не сожрал ли Весну лиходея-великан,
Великан из заоблачных стран?

Я не верю: какая там, к чёрту, Весна,
Если живы, с упрямством быков,
И Восторгов, и Марков, Попов и Гучков [188],
И великое множество сов.

Не цветя, отцвела чародейка-Весна.
Испугалась Гучковых, ушла,
И вдали уж густеет осенняя мгла,
Как свинцовый покров, тяжела!

А ведь думал я вылепить новую жизнь
Из осколков разрушенных грёз.
И опять мою мощь буйный ветер унёс,
И опять не воскрес мой Христос!

Отцветайте ж скорей, полевые цветы,
Как мои отцветают мечты...

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Шарж

Председатель щиплет эспаньолку,
Секретарь грызёт свои усы.
Репортёр, похожий на иголку,
Утомлённо смотрит на часы.

Тучный зад навесивши над стулом,
Тусклый взгляд в подсвечник уперев,
Наполняя зал унылым гулом,
Говорит оратор нараспев.
С грацией ручного бегемота,
Шевеля распухшим языком,
Говорит о чём-то кто-то что-то,
Говорит унылым голоском...
Фразы пухнут, словно связки хлопка,
Заполняют в зале все углы,
Падают, как жёванная пробка,
С потолка на грязные полы.
Дохнут мухи в тягостном кошмаре,
Штукатурка сыплется со стен...
«Он» – ликует, «он» сейчас в ударе,
Он счастлив с затылка до колен.

ПОБОЧНЫЙ ТРУД

*На пароходе «Заря» русские избили китайцев. Китайцы
избили русских на пароходе «Север».*

(Из хроники)

Наши бьют и наших бьют,
Мы – легонько, нас – отчасти.
Развивайся, мирный труд
По фонарной части!

Обработка лбов и скул
Обеспечена соседям:
Нынче крикнем «караул»,
Завтра – в глаз заедем.

Нынче «их» тузит «Заря»,
Топчет, мнёт, как овцы клевер.
Завтра, дружбою горя,
Те калечат «Север».

Жёлтый труд и белый труд
И при них – ещё побочный
Вдруг зацвёл багровый труд,
Труд кровоподтёчный...

УТРОМ В ЛОДКЕ

Свесив ноги вдоль кормы,
Я мечтаю в меланхолии.
На кукане спят сомы,
Штуки две, никак не более.
Пароходный капитан
Что-то шепчет с пассажиркою,
Из Китая таракан
Вброд идёт, кряхтя и фыркая.
Пароходные свистки
Раздирают воздух утренний...
Вдоль реки бегут шпики,
А пред ними – «враг внутренний».
Заберут иль удерёт?
Бог, спаси эсдека длинного!
Что-то бешено клюёт –
Гоп! – тяну сома аршинного.
Надеваю на кукан,
Сом, как лошадь, упирается.
А знакомый таракан
Перебрёл и отряхается.

ЧИТАТЕЛЬ

Самому себе

Зевая, как голодный аллигатор,
Жуёт глазами полусмятый лист:
Повесили... попался провокатор...
На выборах провален октябрист.

Из года в год, от утреннего кофе
До вечера, мелькают в голове
Самоубийства, обыск в Петергофе,
Хищения и аресты в Москве.

Напрасен крик о ярой непогоде.
Застыла жизнь как жидкое желе.
И солнца нет на тусклом небосводе,
И гнева нет на сумрачной земле.

Сиди и жди... Сиди и жди и думай
О юности, безрадостно-больной,
О зрелости, безгневной и угрюмой,
О старости, слюнявой и гнилой.

Бездомным и издёрганым скитальцем
Уйдёт из жизни – без следа, умрёт...
Сидит и ждёт... И не ударит пальцем.
Чтоб двинуться хоть на вершок вперед.

ВОПЛЬ ФЕЛЬЕТОНИСТА

Светики – поэтики,
Нытики – рахитики,
Рыцари эстетики,
Чуждые политики!
О, товарищи, как тяжело для меня
Озlobляться беспричинно злобой дня,
О луне, весне и ландышах молчать
И на нашу конституцию рычать.
Конституции давно уже капут,
Конституцию гучковы продают,
Продают её и пьют могогарчи [189]

Не поможешь, хоть медведем зарычи.
А за Зеей рдеют маки,
Зреют Марьины коренья.
С пылом бешеной собаки
Я рычу в остервененье.

Хорошо теперь в палатке
Лечь без дум и без желанья
И писать во все лопатки
Сладкозвучные посланья
И сонеты «К ней» [190].
Но долг фельетониста –
О, тысяча чертей! –
Но долг фельетониста
Велит без лишних слов
Облять октябриста
На тысячу ладов.

ЗАСЕДАНИЕ В «КУРЬЕ» [191]

Проект стихотворения

Посредине – сазан, городской голова,
На шее – цепь из шелковника.
Слева – гласный, большая плотва
В чине полковника.
Справа сидит секретарь – чебачок,
Прытко-игривый, как детский волчок.
Под его плавниками
Папка с делами.
Дальше – «калуга» пузатая
В сорок пудов,
Таймень из мещанской управы,
Пара-другая сомов,
Щука зубатая,
Конёк вертлявый,
Степенный, как нотариус –
Хариус,
Юрисконсульт – пескарь,
Карась – бакалейщик,
Гольян – пономарь,
Сиг – галантерейщик,
Пароходская нельма
(Рифму любой гимназист подберёт),
Две ракушки съедобные
И – тому подобное.

На песке сидят беззвучно
И жуют – жуют прескучный,
Прененужнейший доклад.
На скандал и строчки падки,
Репортёры, как косатки [192],
Громко перьями скрипят.

БЕЗРАБОТНЫЙ

В карманах брюк – безбрежная Сахара,
И от часов остался лишь брелок.
Брожу, как волк, под соснами бульвара
И с голодом играю па мелок.

Когда-то, говорят, росли на соснах груши...
А нынче шишки жёсткие одне...
Не удавиться ль на сосне?
Иль не продать ли чёрту душу?

Почтенный чёрт! Не стойте за ценой:
В подержанной душе интеллигента
Ещё горит огонь любви святой...
(Конечно, по условиям момента).

Ещё могу я аду навредить
Порывом гордым к солнцу и свободе...
И вот вам случай дёшево купить
Такой товар, хоть он уж и не в моде.

Когда-нибудь он модным может стать
И, купленный сегодня за бесценок,
Он может вдруг ужасно вздорожать,
И снимете вы много жирных пенек.

А мне – к чему? Скорее сбыть бы с рук.
А там – пускай горю я в адской нефти.
Моя душа сильна ещё, мой друг,
Но толку в ней – как в мёртвом фармацевте.

ИЗ ДОРОЖНОГО АЛЬБОМА

В каюте

Низкий свод каюты давит,
Давит душу, как кошмар.
Возле уха банки ставит
Желчный медикус комар.
Стол тряётся, как с похмелья,
И с пера густым дождём
В вихре буйного веселья
Кляксы брызгают кругом.
Хорошо писать под качку!
Беззаботно, как на приз,
Учиняют рифмы скачку
По тетрадке вверх и вниз.

Ночлег

«Трави конец!» – рычат из душевой рубки.
«Тр-рави конец!» – на палубе визжат.
Рябой детина в рваном полушубке
Пролаял: «Есть!» и выбросил канат.
Сконфуженно уткнувшись носом в берег,
Наш пароход, как жучка – на цепи.
Тщедушный боцман, шустрый, как холерик,
Клянёт весь мир. «Крепи конец! Крепи!»
Седые волны снова входят в русло...
И – тихо вновь... густеет темнота...
Лишь ругань боцмана, густая, точно сусло,
Каскадом шумным хлещет за борта.

ИЗ «АМУРСКИХ БАСЕН»

Осёл, узрев автомобиль,
Сказал: «Не задавайся, малый!
Ты дуракам пускай, брат, пыль
В глаза, а мы народ бывалый.

Когда так здорово пыхтишь,
Так поневоле быстро покатишь.
Уж я бы показал тебе, мальчишке,
Когда бы мог реветь без передышки!»

Читателю нужна мораль?
Коль ум в других ты ценишь,
То... поумнеешь сам едва ль,
Когда цвет галстука изменишь.

НУЖДЫ КРАЯ

Говорим о нуждах края,
Чай душистый попивая.
«Н... да... – сказал NN, икая, –
Брешь весьма большая!

Нет ни школ, ни медицины...
Волком воют от ямщины [193]...
Пьянство с детства до кончины...
Грустные картины!

Господа! Ведь мы ж не слабы.
Что же трусим, точно бабы?
Наша рать, ей-ей, могла бы
Выровнять ухабы!

Ведь в подобные моменты
Стыдно спать, как монументы.
Мы ведь – знания агенты,
Мы – интеллигенты!

Позаштопать нужды края –
Это, братцы, вещь такая...»
И умолк NN, мешая
Ложкой в чашке чая.

ЗАКЛАДКА

Основанье положили
Школе для детишек...
И сейчас же «заложили»...
«За края манишек».
Так всегда на этом свете
Чтобы вышло гладко,
Ноги делают «мыслете» [194].
Крепкая закладка!

НАКИПЬ ДНЯ

1.

Расхрабрившись, точно кочет,
Сам Гучков войну пророчит:
«Разрубать узлы мечом
Нам, робята, нипочём!»
Ох, не раз рубил он узел!
Кто обузил, окургузил
Фраки новые свобод?
Октябрист и патриот!
Но... богаче мы не станем,
Если старое вспомянем.
Всё, что было, уж прошло
И шпиками поросло.
Храбро руки потирая,
Ждём мы армию Китая.
Не жалейте кулаков –
С нами храбрый наш Гучков!
Уж давно в передовицах
«Голос» [195] рубит желтолицых.
Так что, как уж ни крутись,
Хоть не хочешь, а дерись!

2.

Совершил поступок свинский
Этот гласный Алексинский [196].

Даже дружеский «Листок» [197]
Тиснул пару тёплых строк.
«Крал, – он пишет, – деньги массой
И удрал с тугою кассой».
Позабыв водопровод,
Он в Японию плывёт.
Так закончилась карьера
Кандидата на лорд-мэра [198].
И теперь гласит молва:
«Га-ла-ва!»

3.

Бьют албанцы оттоманцев,
Оттоманцы бьют албанцев,
Немцы лупят марокканцев,
Те косятся на испанцев,
А войска шальных кубанцев¹ [199]
Вновь уродуют повстанцев...
Чёрт возьми! За общей кашей
Не поспеть отчизне нашей.
Чтоб от них не отставать,
Надо... школы закрывать.

НАКИПЬ ДНЯ

1.

Мелкий дождик сеет-сеет...
Солнца с год уж не видать!
Всякий злится и не смеет
Нос наружу показать.
Хорошо сидеть под крышей,
Дуть всю горячий чай
И с беспечною мышью
Кушать сдобный каравай.
Да, прекрасное занятие –
Пить и кушать не спеша,

¹ К сведению цензуры: автор готов присягнуть, что имеет в виду жителей острова Кубы, а не Кубанской области (упаси, Господи!). – *Примеч. автора.*

Рассуждать о «младшей братье»,
Старых ран не вороша.

2.

Где-то чьи-то забастовки,
Люди травятся людьми...
(А настойка из зубровки
Превосходна, чёрт возьми!)
Там зачем-то лезет в схватку
С батраками капитал...
(А ведь яйца-то не всмятку!
Фу, ты, братец, прозевал!)
Где-то бьются за свободу...
Кто-то гибнет средь морей...
(Опусти-ка яйца в воду,
Чтоб остыли поскорей!)
Недород... Белугой воеет
Голодающий мужик.
(Ну-ка, выпьем! Иль не стоит?
Натошак-то не привык?)

3.

Мелкий дождик сеет-сеет...
Молкнут нудные слова...
Постепенно тяжелеет
Голова.

ОЧЕНЬ ПРОСТО!

Очень просто: на рассвете
Постучат, войдут, пошарят
В печке, в ящиках, в клозете,
Семерых шпиков упарят,
Улыбнутся под усами,
Пригласят: «Пойдёмте с нами –
Недалечко: сажень со сто!»
Очень просто!

Очень просто: к кассе сядет,
Вдохновенно этак крякнет,
Кассу в брюки пересадит
И рукой по днищу брякнет:
Не застрял ли где полтинник?
Выйдет прочь, как именинник,
И – лови его, прохвоста!
Очень просто!

Очень просто: «в корне» – батька, –
А пристяжкой – Акулина.
На руках у мамки – Катька,
А у Катьки – скарлатина.
До желанного «надела»
Катька выжить не сумела, –
Улеглась в тиши погоста...
Очень просто...

Очень просто! Крайне просто?
Нам-то что? Беда большая?
«Возле речки, возле моста
Росла травка шелковая...»
Гробик... аресты да кражи –
Русь всё та же, та же, та же!
Как же дальше? Вот вопрос-то!
Очень просто!

В СОБАЧЬЕЙ ЯМЕ

У Курилова

Изящный сеттер, сенбернар,
Пузатый мопс да куца дворняга
Сидят на дне оврага,
И всех бросает в жар.
Внимательно нюхнувши ветер,
Пролаял сеттер:
«Ну-с, господа, адье! Сейчас уйдём.

Мой адрес в будни: синий дом
По Графской, ход из подворотни.
А в день воскресный и субботний –
Близ Будунды, на Моховом!» [200]
Сказал, и схвачен был за шею
И из оврага извлечён
И своему хозяину вручён.
Потом пришёл лакей в ливрее
За сенбернаром. А часок
Спустя приятный голосок
Послышался: в огромной шляпке
Пришла за мопсом госпожа,
И мопс, чихая и дрожа,
Был много раз лобзаем в хвост и в лапки
И с головой закутан в тряпки.
Остался только куцый пёс
Барбос.
Вот день прошёл. Другой проходит.
Никто за куцым не приходит.
И куцый околел. С него содрали шкуру,
А голую натуру
В колбасную свезли.
И был собачий труп ошпарен
И сварен,
И «колбасой» собаку нарекли.
Потом, во времени довольно скором,
Он съеден был голодным репортёром.

НАКИПЬ ДНЯ

1.

Сколь взыскан небесами
Наш милый городок!
Хоть пруд пруди шпиками –
Что угол – то Шерлок.
Рекорд шпииковских трюков,
Своим талантом горд,
Побил учитель Стуков... [201]

Анафемский рекорд!
Вот новый Треф [202] во фраке!
Шпиковский идеал!
На чин сыскной собаки
Экзамен Стуков сдал!

2.

Ноты верхнего регистра
Я сведу в одну руладу.
Для путейского министра
Я спою сейчас балладу.
Йэх, да то не динотерии [203]
По болотам зейской прерии
Важной поступью расхаживают,
Хоботком бока поглаживают.
То зазейскими просёлками
Новосёлы, воя волками,
Потихоньку подвигаются
И в густой грязи купаются...
Ой, вы, грязи, ой, целебные!
Ой, вы, речи непотребные!
Ой, ругательства хохлацкие!
Ой, дорожки залихватские!
Не страшны для вас критерии!
Вы путейской министерии
Нежных глазок не мозолите,
Не мозолите, не колете...
Новосёлов лишь бездолите,
Да с сумой ходить неволите!
Для министра, для путейского,
Вы от норова злодейского
Неужели не откажетесь?
Неужели не окажетесь
Вы культурными, затейными,
Прямоезжими, шоссейными?

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

Утро. Инея узоры
Украшают все концы...
Помертвели помидоры,
Баклажаны, огурцы.
Вянут фрукты молчаливо,
Сжались, скорчились в дугу...
Неуютно и тоскливо
На полях и на лугу.
Только заросли бурьяна,
Да куртины лозняка,
Кверху нос задравши рьяно,
Смотрят нагло, свысока.
Ой ты, первый мороз!
Ты румянишь и жжёшь,
Молодишь истомлённые щёки!
Серебришь, в дорогие оправы куёшь
Всякой грязи вонючей потоки!
Ой, когда ж ты скуёшь, осердясь,
Нашу лужу, червями кишащую,
Нашу тину, житейскую грязь,
Нашу плесень гнилую, смердящую.
Ты одень её светлым ледком,
Разукрась изумрудными блёстками.
Чтоб с неё не тянуло мертвящим душком,
Не плескало вонючими всплесками,
И тогда б мы надели стальные коньки,
Полетели бы вольными птицами,
Полетели б вперёд: впереди – огоньки
Манят нас золотыми зарницами!

ДВЕ ТРЕТИ

*По поводу ликвидации родительского комитета
при мужской гимназии*

Днесь числом звериным, дети,
Стало новое: две трети.

Кассо [204] грозно бровь насупил,
Буен дух воительский:
В дрожь вогнал министра жупел –
Комитет родительский.
«Како школу тиху зрети,
Извлеченну из крамол?»
Думал... выдумал: «Две трети!»
И указ писать пошёл.

Чешет темечко родитель:
«Господи! Святители!»
Кукиш с маслом не хотите ль,
Господа-родители?!
Наказанье с вами, дети!
Полон рот хлопот, ей-ей!
Поумней, брат, на две трети,
И тогда – учи детей!

Собрались в условный час,
Начали скорбети:
Ой, да мало, братцы, нас,
Меньше, чем две трети!
Лопнул, треснул комитет...
Канул в тёмной Лете!
Низвели его на нет,
Слопали «две трети»!

17 ОКТЯБРЯ

...Даже рана от нагайки
Заросла...
...За стеною две хозяйки
Рассуждают про дела:
«Да, плохи теперь сена-то,
Вот бычок – и тот не ест...»
...Ах, да! Вспомнил... Был когда-то
Манифест...
Помню, было в манифесте

Что-то о... правах...
...За стеною – речь о тесте,
О свинине, о дровах...
...Занялась тогда пожаром
Вся страна и вширь и вглубь...
«...Прежде было чуть не даром,
А теперь, гляди-кось, рубь!
Да, прогневался Создатель!
Взять хоть лук – в цене и он!» –
...Ох, простите мне, читатель,
Неудачный фельетон...

НАКИПЬ ДНЯ

Стал отменно небогатым
Человеческий язык:
«Столкновенье», «ультиматум»,
«В рожу!», «в зубы!», «в жилу!», «брык!»
«Бой», «грабёж» – вот эти «корни»
Лишь в грамматике царят...
На жаргоне живодёрни
Все отныне говорят.
Бац! Ещё! Вали и в третий!
Трах! Под жабры! Караул!
Живодёрных междометий
Над землёй несётся гул.
Чёрным флагом машет Фатум
По взбесившейся земле...
«Ультиматум! Ультиматум
По скуле!»

СЛОВО О ПОЛКУ АНТРЕПРЕНЁРОВЕ

С древнетунгусского

1. Запевка

Без ненужного задора
Вам гуслир сейчас споёт
Про поход антрепренёра,
На эстетику поход.
Он споёт вам без обмана
С точки зренья... высших чувств!
С «точки зрения искусства»,
А не вашего кармана.
Всех, кто горькой желчью пьян,
Автор просит удалиться.
На стихи свои Боян [205]
Умоляет не сердиться.

2. Плач (не Ярославны)

То не горлица на зорьке
Ноет, словно ревматизм.
То Арнольдов [206] «слёзы горьки»
Плещет, впадши в истеризм.
Дань платя справедливому гневу,
Растекается мыслью по древу,
К скорбной дрожи свой голос неволит
И сице [207] глаголет:
«Рецензент! Оставь набег!
Осуши чернильный пот!
Мы в искусстве – печенег,
Ты же в фарсе – готтентот!
Вкусы публики – законы,
И поэтому, дружок,
Мы – ажурные кальсоны,
Ты же – валеный сапог!»

Не с церковного карниза
Воет ночью тёмной сыч –
То рыдает антреприза [208],

Испуская скорбный клич:
«Ой, ты, партер, чинный партер,
Парфюмерный магазин!
Не узнает сам Ник Картер [209],
От каких таких причин,
Не жалея прочной глотки,
Ты на фарс рычишь, как барс,
Но... в предчувствии щекотки
Ты... гурьбой валишь... на фарс!!»

И, отеревши платком ресницы,
Внук Мельпомены глаголет сице:
«Если ты на сало падок –
Сделай милость – получи:
Больше дюжины аркадок [210] –
Поучайся и молчи.
Я ведь, братец, не таковский,
Чтобы ежели скупой...
Вот, примерно, “Пан Твардовский” [211]...
Буйнов! Курицей пропой!
На газетные нотации,
Братцы, нечего взирать.
Вам, Каренин, “репутацию”
Надо гуще замарать...
Пусть во всём райке не будет
Ни лица унылого!
То ли будет, то ли будет
В бенефис Трефилова!»

3. Буй тур Шантан

То не пальцами по лире
Быстро бегают Боян, –
То в арнольдовском трактире
Подвизается шантан.
Храм Шекспиров и Эсхилов,
Муз и граций светлый храм
Превратил сеньор Трефилов [212]
В низкопробнейший Бедлам.
Там, где Брандты и Джульетты
Надрывали нам сердца, –

Ныне потные атлеты
 Мастерят из рож котлеты
 И потеют без конца.
 Топот, визг, крутые бёдра,
 Ноги выше головы...
 Льют на сцену грязи вёдра
 И кричат: «Довольны ль вы?»

**4. Слово к артистам,
 или Горох к стене?**

С сердечной болью спрашиваю я:
 Доступно ль вам брезгливой дрожи чувство?
 И кто же вы: Прекрасного ль друзья
 Иль жалкие подкидыши искусства?
 Любили мы ваш искренний талант,
 Любили вас, ценили вас, Каренин! [213]
 Но в грязь вы топчете свой чистый адамант!
 И вами он оплёван, обесценен!
 Дарили вы нам сладостный экстаз,
 То бурно-гневен, то тепло-любовен...
 Но и шантан – не тот же ль храм для вас?
 За вас обидно, умный наш Дубровин!
 Ужель и вас рутины ржа изъест?
 Ужель и вам не стыдно, Немезидин?
 Но где же ваш бунтующий протест?
 Как червячок, он жалок и невиден...
 Шантан... Толстой... Офелия... борцы...
 Искусства знамя – грязная подтирка...
 Но кто же вы: искусства ли жрецы
 Иль... клоуны арнольдковского цирка?

ПО БОЛЕЗНИ, С МУНДИРОМ И ПР.

Одесский кек-уок [214]

Звон несётся с колоколен,
 Всяк от пят до глаз доволен.
 Толмачёв [215] – ура! – уволен,

Потому что болен.
Отпирайся, каталажка!
Марш в ножны, казачья шашка!
Генерал наш тяжело-тяжко
Заболел, бедняжка!
Он одесским миром
Править был поставлен,
А теперь с мундиром
Тет-а-тет оставлен.
Сколько драмы, дети,
В этом тет-а-тете!
Для этапных операций,
Для острожных вариаций
У лихого генерала
Нет материала.
Сердце корчится от боли,
От тоски по протоколе.
Эх, с полком мундирной моли
Позаняться, что ли!
Выгнав моль из шкапу,
Он, как прежде, пылок,
Рявкнет: «По этапу!..
Становись в затылок!
Эй, конвойный! Не зевай!
В Турруханский крррай!»

НАКИПЬ ДНЯ

*Общество к Алексинскому [216] претензий не имеет и
объясняет поступок его легкомыслием.*

(Хроника)

Но позвольте: если этак рассуждать,
То и Каина возможно оправдать:
Легкомысленно дубину в руки сгрёб,
Легкомысленно заехал брату в лоб...
Легкомыслие! Да с таким словом
Сам Иуда не сочтётся подлецом!

Тридцать тысяч легкомысленно украл,
 Легкомысленно в Америку удрал.
 В результате, легкомысленный подлец –
 Претендент на мученический венец...
 А когда Демьян пуд сена украдёт –
 Легкомысленно на каторгу идёт.

Эх, вы, люди-человеки!
 Как себя-то вам не жаль?
 Славься ныне и во веки
 Готтентотская мораль!
 Пусть душа чернее сажи –
 Эко диво! Ну, так что ж!
 «Легкомысленные» кражи,
 «Легкомысленный» грабёж!

СЛЕЗНИЦЫ

Семиреченский губернатор объяснил участвовавшие кражи скота беспечностью обывателей и объявил постановление о привлечении потерпевших к ответственности по 29 ст. у. о н., нал. мир. с.

(Из газет)

1.

Пред Бурёнкой на колени,
 Меж копыт склонив главу,
 Обыватель встал и пени
 Горько сыплет во хлеву:

«Пощади меня во имя
 Этих крупных отрубей!
 Я тебя целую в вымя,
 В морду, в хвост и меж ушей...
 Не гляди же так сердито
 И меня не подводи.
 Я лобжу тебя в копыто –
 Видишь, в пальчик? Пощади!
 Не ходи за воров! Мне ведь
 За убыток сей прямой

Грозной цифрой “29”
Угрожает мировой...
Коль сгребут тебя за холку,
Ты мычи, мычи, мычи...
Доставайся лучше волку
Иль медведю на харчи.
Я скулю, как собачонка!
В ноги я готов упасть!
Пощади меня, Бурёнка,
Не давай себя украсть!»

2.

Перед воров с грустным взором
Обыватель предстоит
И сердечным разговором
Сердце ворово смягчит:
«Ты не вор, ты парень славный!
Ты – не крал здесь ничего!
Этот казус презабавный –
Есть не кража, а... того...
Просто отдал я в подарок,
Потому – тебя люблю:
И пятком гербовых марок
Я подарок мой скреплю.
Володей моей коровой,
И скажи пред мировым,
Что не крал, а так обновой
Награждён, мол, я вот им!
Мне же лучше и тебе ведь!
Разопьём могарычи.
А не то мне “29”
И казённые харчи!»

КОЛЁСНАЯ

Да, о ней, амурской «кравле»,
На которой много крали,
Крали, рвали, воровали,
Мы куплетцы пропоём:

Кошке – радость, мышке – слёзки.
Да, во весь размах руки
Потрудились на «колёске»
Плети, розги, кулаки.

Разукрашена в полоски
Арестантская спина.
Да, ручища на «колёске»
Энергичная видна.

На шантанные подмости
К ножкам Мэри и Лили
Инженерики с «колёски»
Ассигновки волокли.

И кипел в весёлом всплеске
Светлых вин густой янтарь,
И тонул в нём харч с «колёски»
И казённый инвентарь.

Погрузив свои присоски
В тело нищей мелкоты,
Арестантский пот с «колёски»
Пили жадные спруты.

Арестантские обноски
С плеч «преступников» стащив,
Стлали их столпы «колёски»
К голым ножкам пьяных див.

Хватки-взятки были хлёстки,
До сих пор дурман стоит.
Лихо крали на «колёске»
Те, кто в честных состоит.

5. «ЗЕЯ»

НЕГЛАСНАЯ РЕВИЗИЯ

– Нет, это величайшее заблуждение XX века, – думал депутат, возвращаясь домой с думского заседания 28-го января. – Никогда не поверю, чтобы страна не интересовалась Думой! Этого быть не может. Нет, нет и нет!

Долго ещё бормотал он себе под нос, пока не додумался до блестящей мысли: проверить самолично, как страна думает о Думе.

Подняв воротник медвежьей шубы, депутат свернул в глухой переулок и стал присматриваться к прохожим.

– Вот как раз то, что нужно депутату: двое фабричных рабочих идут по тротуару, горячо рассуждая о чём-то.

Депутат прибавил шагу и скоро нагнал говоривших.

– Без забастовки не обойтись, – говорил один. – Мало того, что расценку сбавили, они ещё и день увеличивают на полчаса. Посылали депутацию для переговоров – не приняли. Остаётся одно – пошабашить.

– Только и остаётся. Других способов нет, – согласился второй. – С нашим братом и говорить не хотят. Гнут свою линию, а ты только глазами хлопай, да смотри, как у тебя из-под носу последнее утягивают. Главное, защиты нам ни у кого нет. Будь защита...

– Позвольте, господа, – вмешался депутат. – Как защиты нет? А Дума?

Рабочие подозрительно оглянулись на депутата и перемигнулись.
– А Дума-то? – продолжал тот. – Да Господи! Разве ж...
– А она всё ещё заседает? – спросил один.
– Дума-то? Братцы! Да что с вами? Где вы живёте? Заседает, заседает, как же!

– Ишь, не надоест же им там... – флегматично произнёс рабочий.
– Да неужели вы газет не читаете? – продолжал удивляться депутат. – Господа, да как же это вы о Думе не знаете?

– А для ча?
– Да Господи! Да ведь!..
– Ни к чему нам это. Заседает, говоришь? Ну, и пусть заседает!
– Как же ни к чему? Вот вам и защитница прямая, постоянная, нелицеприятная...

– Ну, понёс! – пробормотал рабочий. – Защитница! Её саму-то в пору защищать! Защитница! А Бадаева [217] защитила? А Тулякова [218] защитила? Сама себя не умеет защитить, а туда же. Защитница! И как это у людей язык мелет, не отвалится...

Депутат поспешил отстать.

Испорченный народ, – решил он. – Забастовщики! Какой у них интерес может быть? Им только заработную плату надо! Нет, поищу-ка я настоящего народа, мужичка.

И решил депутат поехать сейчас же в глушь, в деревню. Крикнул извозчика и приказал ехать к вокзалу.

– А ведь извозчик – настоящий мужик, – подумал депутат. – Ну-ка, я его спрошу.

– Извозчик, а ты Государственную думу знаешь?
– Далеконько, барин. За полтину сvezу!
– Да я не про то. Ты скажи, что она делает.
– Дума-то? Да, поди, чего-нибудь делает.
– Ну а что, по-твоему?
– Дума-то? Думает, поди!
– Ну, а о чём думает?
– Кто ж её знает? Нам это ни к чему.
– Как ни к чему? Ты вот крестьянин, у тебя земли мало...
– Это, прямо сказать надо, правильно.
– Ну, вот. Вот Дума-то и может тебе земли дать.
– Дума-то? Дорого, чай, спросит...
– Экий ты, братец! Да она не продаёт землю-то, пойми, а так, даром, по справедливости дать может.

– И чевой-то это у меня валенок пятку колет, – бормочет мужик. – Гвоздь, што ли, али ребятишки щепок накидали! Колет, шут его бери...

Депутат уныло молчит.

– Всё это не то. Извозчик испорчен городской жизнью. Вот в деревню поеду, там узнаю.

Сел в вагон и поехал. Приехал в городишко и стал искать подводу до деревни.

На вокзале было пусто. Только какой-то молодой человек чашоточного вида, в очках, бродил вдоль перрона. Депутат обратился к нему.

– Подводу? Раньше утра не добудете. Придётся вам переночевать в гостинице.

И согласился проводить. А дорогой депутат спросил:

– Вы, молодой человек, Думой интересуетесь?

– Ну, ещё бы! – угрюмо ответил тот. – Вчера ещё на ней, на Думе-то, меня подвели.

– Подвели?

– Крупенского через «ять» набрали, а я просмотрел.

– Виноват, я немножко не понимаю.

– Я, признаться, тоже. Набирала лучшая наборщица, и вдруг. Крупенского через «ять». Да мало этого – вместо Пулина, – есть, кажется, такой депутат?

– О, да, Иван Егорович [219], беспартийный...

– Так вот, вместо Пулин Дулин поставила. Я понадеялся – лучшая наборщица, ан, гладь, нагоняй!

– Виноват, вы чем занимаетесь?

– Корректор в «Брюхановских отголосках» [220]...

– Весьма приятно. Так, значит, очень интересуетесь Думой?

– Да как же! И сейчас вот иду её править. Ох, уж и надоела мне вся эта музыка! Главное, что обидно? То обидно, что Дума-то как будто для всех, а читать о ней я один во всём городе должен. Даже редактор и тот не всегда смотрит. Вот разве скандал выйдет, ну, тогда пробежит...

– Прискорбно, – печально проговорил депутат.

– Как же не прискорбно-то! Глаза на ней испортил, а ради чего? Подписчики и то жалуются: что вы, говорят, её полностью печатаете, лучше бы о танго больше помещали.

Депутат молчал. «Уж ехать ли в деревню-то? – думал он. – Пожалуй, и там ничего не выйдет?»

– А скажите, – робко заговорил он, – как, по вашему мнению, деревня заинтересуется Думой?

– Деревня? А вот поедете в деревню, так узнаете.

– Ну, а вы как думаете, заинтересуется она?

– Вот как я думаю: Боже вас сохрани подышать в деревне речь об этом предмете...

– А что?

– Худо будет! Вот что...

– Гм... – сказал депутат и окончательно огорчился.

– Ну, вот и гостиница! – указал корректор.

– Мерси! Очень вам... А скажите, когда идёт отсюда обратный поезд в Петербург?

– Через десять минут.

– О, так я ещё успею! – крикнул депутат и бегом направился к вокзалу.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АМУРСКОГО КРАЯ

с древнейших времён до наших дней

4. КОНЕЦ ПОЯРКОВА [221]

Достойным изваянья,
 Как память старых лет,
 Рисует нам преданье
 Пояркова портрет:
 Он был мужчина видный,
 И выпить не дурак,
 Кулак имел солидный,
 Почтительный кулак.
 Чуть не по нём – на память
 Хор-рроший орден даст,
 Его переупрямить
 Не всякий был горазд.
 Карманы на тулупе
 Просторнейшие шил,
 Добром, добытым вкупе,

Делиться не спешил.
Носил простые бродни
Да красный кушачок,
Что мог добыть сегодня –
На завтра не берёт.
Под стрелами не пешил,
Под пикой не вопил,
Кого повесить – вешал,
Кого топить – топил.
Порой, разнообразя
Полночный свой привал,
Шамана али князя
Почтительно сжигал.
Короче: был он дока
Насчёт походных дел...
За то зело далёко
И слух о нём гремел.

Из ратного народа,
Измученного всласть,
Вернулась из похода
Едва шестая часть.
В подробной рапортице,
Сплеча, в один присест,
Писал Поярков сице [222]
Насчёт призейских мест:
«Изрядные покосы,
И климат там неплох:
Родит ячмень и просо,
Гречиху и горох.
Хоть малость бы посуше –
Так было б лучше тут,
Но всё ж чеснок и груши
Изрядные растут.
Изрядно есть рогатых –
Баранов и коров,
В реке ж, на перекатах,
Изрядно осетров.
Хоть серебра – не сильно,
А меди – ни шиша,
Зато весьма обильно

Родится черемша.
Живут там гунгусята
(Теперь от них лишь след),
Земля зело богата,
Порядку только нет!»

Окончив вдохновенно
Литературный труд,
Снял шубу и мгновенно
Пошёл под правый суд.
Хоть воинским талантом
Он многих затмил,
Но всё же интендантом
Недаром, видно, был.
Пошли разоблаченья.
Разоблачал, кто мог...
Героя без стеснения
Запрятали в острог.
Увы! Такая доля
Героев и вояк!
Людская злоба, что ли,
Иль просто – «как-то так»...
Иль, может быть, не беси ль
Виной тут, господа?
На что герой был – Стессель [223],
А вышла – ерунда!

ТРЕНИРОВКА

Начальник станции Бочкарёво [224] запрещает пассажирам ждать поезда в вокзальном помещении. Пассажиры вынуждены часами мёрзнуть на перроне.

(Факт)

Он – угрюмый мизантроп...
Похудел и измотался,
Наблюдая строго, «штов
Пассажир не баловался!»
«Пассажир – ничто и мразь,
А начальство есть начальство.

Ишь, ведь, лезут, не спросясь!
Это прямо верх нахальства!
Эй, почтенный! Осади!
Вон перрон к твоим услугам!
Если хочешь – походи,
А не то – побегай цугом! [225]
Что? Мороз? Какой нахал!
Не скули, пока не помер!
И всего-то насчитал
Тридцать градусов Реомюр! [226]
Стыдно! Русский человек –
Трусит холода? Печально!
Скинь пальто и ляг на снег
И вспотеешь моментально!»

«Господа, ломай ограду!
Разводи скорей костры!
Жги, чтоб жарко было аду!
Где багры и топоры?
Жги, ломай через коленку!
Разбирай стропила крыш!
Эй, земляк, упрись-ка в стенку!
Так... ещё! Ага, трещишь!
Что, идёт? – Пошла, известно!
Подгони под низ багор!
Ах, приятно! Ах, чудесно!
Ну и славный же костёр!
А теперь давайте флягу,
Хватим трошки хлебных слёз! [227]
Ну-с, за русскую отвагу
И за русский сверхмороз!»

Начальство, ходя по пустому вокзалу:
«Чистота! Опрятность! Вот,
Даже больно взгляду!
Значит, к Пасхе не в зачёт
Получу награду!»

СПУТНИК ПАССАЖИРА

Местные газеты время от времени публикуют разные сведения, необходимые для тех несчастных, которым нужно ехать по Амурке [228].

Нечего и говорить, насколько эти сведения неполны, насколько они тенденциозны и далеки от истины.

В интересах пассажиров мы предпринимаем подробнейшее исследование Амурской дороги, и с результатами такового незамедлительно будем делиться с читателями.

На первый раз можем сообщить следующее.

«Поезд № 3 отходит из Благовещенска в Куэнгу [229] в 9 ч. 59 м. по местному времени», – сообщают газеты.

Чепуха! Никогда он раньше 11 часов ночи не отходит. И потом: отходит в Куэнгу... Это уж явная насмешка: пока доедешь до Куэнги, многое может случиться. Могут из вагона выбросить, могут под лёд спустить, можешь, наконец, сам умереть... мало ли что может быть... Скажут тоже, в Куэнгу! Дай Бог, хоть до Белогорья-то в целости доехать! [230]

Дальше:

«Поезд № 4 приходит в Благовещенск в 11 ч. 01 м. дня».

Какая точность! Американская! Только почему-то в 11 ч. 01 м. дня в Благовещенске уже горит электричество, и ночная охрана охотится за злоумышленниками. Какой же это, с позволения сказать, день, когда уже все кабаки закрыты?

Надо читать: «Поезд приходит в Благовещенск с опозданием от четырёх часов до двух недель; точное время прибытия держится в секрете, как от японцев и других дружественных держав, так равно и от пассажиров».

Затем:

«Проезд от Благовещенска до Алексеевска: в 1 классе – 6 р. 89 к., во 2-м – 4 р. 59 к., в 3-м – 2 р. 30 к., в 4-м – 1 р. 15 к.».

Верно, но надо добавить:

«Вне класса, зайцем – шесть гривен, под лавочкой – даром, на крыше – ещё дешевле».

При этом для пассажиров всех классов, не исключая и зайцев, полагаются бесплатные премии на выбор:

Бесплатная смерть от обоюдного раздавления пассажирами друг друга, по предварительному соглашению или без оногo, безразлично;

Бесплатное купание в кристально чистой зейской воде, причём лица, желающие воспользоваться губкой и полуфунтом глицеринового мыла, получают оные в буфете со скидкой пятьдесят процентов с рыночной цены; выжимка одежды и выливание воды из голенищ организуются силами и средствами самих пассажиров, а также при участии поездной прислуги за особую доплату, в размере *на чай*;

Бесплатное пользование кипятком по цене 5 к. за стакан или два бесплатных ушата кондукторской словесности;

Бесплатное пользование вагонным сквозняком и всеми его последствиями, как-то: обширный насморк, великолепный кашель, превосходный бронхит и все виды простуды, до сочленовного [231] ревматизма включительно.

Лица, почему-либо не пожелавшие воспользоваться вышеозначенными льготами, пользуются ими в принудительном порядке, с правом апелляции в двухдневный со дня смерти срок, каковой срок, в зависимости от силы и убедительности кассационных доводов, может быть продлён на неопределённое время».

Вот что необходимо знать пассажиру, едущему по Амурке.

И ещё многое нужно ему знать.

АТТЕСТАЦИЯ

Ходатайство алексеевцев о введении городского Положения отклонено, так как в Алексеевске [232] нет людей, коим можно доверить городское хозяйство.

(Из газет)

В суровом аттестате
Мы значимся, как тати...
О! отче наш,
Почто такой пассаж?
Ведь сам начальник края [233],
Лонись [234] у нас бывая,
Сказал, что вроде рая
Цвествь будет город наш.

И, мысля об эдеме,
Сошлись на общей теме,
Что мы передо всеми
Весьма отличены.
О нас писали книги,
Для нас пеклись ковриги,
Никак не ждали фиги,
И вдруг – награждены!
И всё пошло с изнанки:
Прощай, мечты о банке!
Презренной клички шпанки [235]
Теперь уж нам не смыть!
Скрипят в газетах перья...
Повсюду лицемерье,
И нет нигде доверья,
И страшно дальше жить.
Пойдём-ка к полустанку
И ляжем под откос:
Пускай раздавит шпанку
Казённый паровоз.

КАРЬЕРА

Бывший редактор «Приамурья», сотрудник «Сибирских вопросов» К.К. Куртеев [236] назначен редактором «Приамурских ведомостей».

С направленья либерального
Барышей, конечно, – грош...
Незначай задел квартального
И – идёшь, телят пасёшь.
У лица официального
Тут совсем иная статья:
Тут уж можешь сам квартального
За покупкой посылать!
Год пройдёт, и от Куртеева
(Не один пример бывал!)
Мы услышим: «Жми сильнее его!
Он – завзятый либерал!»

МОМУС [237] НА АМУРЕ

3. Банк взаимного кредита

Автомобиль Момуса, раздавив мимоходом пять или шесть поросят, гулявших по Большой улице [238], и наскочив на ни в чём не повинный телефонный столб, подкатил к Банку взаимного кредита [239]. Один из членов правления стоял в это время у окна и давил на стекле мух. Увидев Момуса, член правления радостно подпрыгнул и принялся ходить по кабинету на руках. Вся канцелярия переполошилась:

- Что такое? Что случилось?
- Штукатурка отвалилась?
- Эфто, паря, ты для ча?
- Господа! Скорей врача!
- Лейте воду! Жгите вату!
- Жарь скорее к аблакату [240]
- Завещанье составлять!
- Некролог пойду писать!

Над членом правления участливо склоняется *член ревизионной комиссии* и плачет-разливается:

- Говорил тебе: кредит
- Навсегда мозгам вредит!
- Не послушал! Всё корпел!
- Вот и кончено! Доспел!

Сторож выливает на несчастного ушат воды. *Член правления* приходит в себя и кричит:

- Где он? Дайте хоть на миг
- Зреть его желанный лик!
- Кличу клич ко всей вселенной:
- Где ты, вкладчик вожденный?
- Члены ревизионной комиссии* уныло:
- Да-с, печально, господа:
- Спятил! Прочно! Навсегда!

В это время входит Момус. Его сияющее лицо, подобно солнцу, наполняет комнату светом. Его улыбка вливает энергию во всех присутствующих. Поведение члена правления становится понятным, о чём *член ревизионной комиссии* и спешит заявить:

- Пётр Иваныч, ты угадчик:
- Это вкладчик!

Вся канцелярия хором:

– Это вкладчик!

Это магическое слово действует на весь банк удивительно: канцеляристы пишут изо всех сил, шкапы открываются сами, из них вылетают толстые книги и сами же раскрываются на чистой странице, дескать:

– Уважаемый клиент!

Мы сейчас, в один момент!

Член правления кланяется Момусу до земли, молча берёт его за руку, молча ведёт на кресло для посетителей, смахивает с сиденья ребром ладони двухвершковый слой пыли и хочет заговорить, но от умиления у него ничего не выходит, кроме:

– Ы... того... ты... тс... ваво...

Гм... умгу... эге... тово...

Вся канцелярия смотрит Момусу в рот и карманы. *Момус*, удивлённый, спрашивает:

– Банк взаимного кредита?

Все хором:

– Да, да, да! Да, да, да!

Момус:

– Тот, чьё имя знаменито?

Все хором:

– Да, да, да! Да, да, да!

Момус:

– Господа! Весьма, приятно...

Все хором:

– Да, да, да! Да, да, да!

Момус:

– Я мешаю, вероятно?

Все хором:

– Никогда! Никогда!

Момус:

Я пришёл сказать о деле...

Член правления:

– Перейдёмте ближе к цели:

Вам открыть текущий счёт?

Или выдать вам банкнот?

Момус:

– Счёт? Пожалуйста! С охотой!

Я весьма и очень рад!

Член правления:

– Вот ваш счёт – сто тысяч сотый.

Сколько вносите, камрад? [241]

Момус:

– Что? Вносить? А разве надо?

Член правления, разочаровано:

– А-а! Вы с векселем! Пардон!

Еремей, открой камраду

Двери – выйти хочет он!

Момус, немного струсив:

– Нет!.. Вы слишком торопливы!

Я готовь... извольте... вот...

Вот целковый...

Член правления, радостно:

– Не фальшивый?

Ну-ка, зубом... Э, сойдёт!

Попробовав рубль зубами, *член правления кричит:*

– Братцы! Милые! Ура!

Дождались мы серебра.

Все кричат ура. *Член правления растроганно плачет на плече Момуса:*

– Милый друг! Когда б вы знали,

Как мы вас, желанный, ждали!

Милый друг! Сердечный друг!

Я вам плачу на сюртук!

Убедившись, что рубль не фальшивый, вся канцелярия бросается качать Момуса. *Бедный божок* взлетает к потолку ни жив, ни мёртв. Наконец, орёт благим матом:

– О, Меркурий! О, Гермес! [242]

Унеси меня хоть в лес!

Моментально появляется Меркурий и уносит Момуса через окно.

Банковцы впопыхах не замечают его исчезновения и принимают качать члена правления, потом шкаф с делами, потом нестораемую кассу. Внезапно случается казус: касса, взлетев к потолку, так и застывает в воздухе, ибо притяжение земли на неё не действует. Все застывают с открытыми ртами. Приходит с кочергой сторож и старается стащить кассу вниз, но из неё сыплются только векселя.

Банковцы их подхватывают, характеризую отрывистыми фразами:

- Дутый! Бронзовый! Таловый!
- Дутый! Тоже! Никакой!
- Вот – полгривны за целковый!
- Вот ещё точь-в-точь такой!

Момус тем временем садится в автомобиль и приказывает везти в Водное управление.

4. Полчаса в Водном управлении

Когда Момус входит в Водное управление, канцелярия гудит на разные голоса:

- Амгунь, Аргунь, Алдан, Талдан!
- Виллой, Гилюй, Саян, Аян.
- Тунгир, Пайкан, Уркан, Хинган.
- Амур, Кутур, Ур, Кур, Учур! [243]

Пока швейцар разоблачает легкомысленного олимпийца, секретарь тревожно подымает правую бровь и вопросительно смотрит на гостя.

Момус:

- Имею честь...

Секретарь:

- Прошу присесть!..

Момус:

- ...Я завернул...

Секретарь:

- ...На этот стул...

Машинистки, шёпотом, но явственно:

- Душка! Прелесть! Как хорош!
- На Макс Линдера [244] похож!

Момус, польщённый, но не подавая виду:

- Я слышал, что на Аяне

Вы проводите шоссе?

Секретарь:

- К сожаленью, «сам» в Лозанне,
Я ж, того... «ляссе-пассе»! [245]

Момус:

- Очень жаль! Я – теоретик!
И помочь вам очень рад...

Один из канцеляристов:

– Не возьмёте ли билетик
На сегодня – в маскарад?

Момус:

– С наслаждением!

Канцелярист:

– Два возьмите!

Момус, морщась:

– Я охотно...

Канцелярист, в азарте:

– Жарьте – три!

Момус, корчась:

– Но... позвольте...

Канцелярист, прыгая от восторга:

– Стоп, молчите:

Вот вам двадцать, чёрт дери!

Момус, в бешенстве:

– Больше! Сотню! Сыпьте – двести!

Миллион! Скорей! Я жду!!

А не то – убью на месте

И на каторгу пойду!

Канцелярист в ужасе убегает.

Машинистки, восторженно:

– Прелесть! Пламя! Ураган!

– Монте-Кристо! Артаньян!

Канцелярия затихает. Момус дрожащими руками наливает в стакан воду и пьёт.

Секретарь:

– Господин, прошу – того...

Момус:

– Извините...

Секретарь:

– Ничего!

Момус:

– Мне, ей-богу, очень стыдно...

Извините... Я пошёл...

До свиданья! Как обидно,

Что скандал произошёл!

Уходит, но по пути задевает шкаф с проектами дорожного строительства. Шкаф падает, и проекты с радостным шумом пол-

зут на пол. Сколько их! Всё ползут и ползут. Вот их уже по колено. Вот они уже до пояса доходят. Вот уже один «Ундервуд» [246] хлопнул крышкой и утонул.

Поднимается крик:

- Тонем! Батюшки, спасите!
- Порохову [247] позвоните!
- Братцы! Прошки! Полуэктаы!
- Затопят нас проекты!

И последний вопль замирает в воздухе. Поток проектов выносит своим напором крышу и льётся на улицу. Горожане в панике бегут. На каланче начинают бить тревогу. Репортёры мчатся к месту происшествия. Пароходы подают радостные свистки: навигация открылась.

Но далече грянуло «ура!» То несётся вольная пожарная дружина с г. Пороховым во главе... Потоп сейчас потушат.

РЕПРИМАНД [248] НЕОЖИДАННЫЙ

(К происшествию в петербургском ресторане «Медведь») [249]

Он всегда стоял на страже,
 Он невинность защищал,
 Он учительницам даже
 Выйти замуж запрещал...
 Знали все на белом свете:
 Вот – опора! вот – талант!
 Вдруг... в отдельном кабинете
 С ним случился реприманд!
 Предписавши жизнь святую
 И безбрачие для школ,
 Сам он заповедь седьмую
 Неожиданно подвёл...
 Он – не прапорщик запаса,
 Не лощёный бальный фронт...
 Кто же он? Сановник видный...
 Вот так штука! Реприманд!

БЛИНЫ С ГАРНИРОМ*Масленичные сюрпризы*

Заварили мы опару,
Взяли в руки помазки,
И – готово! С пылу-жару
Аппетитные блинки!
Первый – комом бестолковым,
По традиции святой,
Пётр Петрович! [250] Мы его вам
Подадим сейчас с кетой!
Эх, расплылся он немного,
Словно скатерть, по краям, –
Пусть же скатертью дорога,
Пётр Петрович, будет вам!
Вот ещё блинок – румяный,
А блестит, как новый франк...
Обольём его сметаной –
Это вам, Взаимный банк [251]...
Чтоб доходную статейку
Вам доставить, мы для вас
Запекли в него копейку –
Богатейте в добрый час!
Пан Кравчинский! [252] Мы желаем
Вам толстеть и вверх, и вбок,
А покамест предлагаем
Скушать маленький грибок.
Гер Красильников! [253] Медку бы
Вы с блинком-то – вот запас!
Не почистите ли трубы
Вы в редакции у нас?
Засорились! Тьма предметов
В них застряла – не проткнуть!
Может быть, сеньор Дулетов [254]
Вам поможет их продуть?
Он немного горяченек,
Но уж ломит – напролом.
У него язык, как веник:

Всё сметёт, как помелом.
Вот так блин! Раздулся с гору,
Сало речкою течёт...
Мы его антрепренёру
Предлагаем не в зачёт.
Хоть и жирно мало-мало,
Но и в этом есть резон:
Мистер Долин [255] много сала
Показал нам за сезон.
Вот, помазав маслом скотским,
Предлагаем вкусный блин:
Всем дялягам пароходским
На всю братию – один!
Ишь, насели, словно мухи,
Точно лешии, рычат!
Им, сердечным, с голодухи
И крупинка – сущий клад!
Вот блинок: весьма затейно
Пар волнуется над ним!
Господина Циперштейна [256]
Этой прелестью почтим.
Чтят его отцы и дети,
Дамы, девы, каждый дом...
Учит он писать «мыслете» [257]
В одиночку и гуртом.
Блин румяный получает
Тот, кто мудр, как василиск,
Кто из хлеба выгоняет
Буйный нектар «Зейских брызг».
Кто с улыбкой прогрессивной
Топит водкою страну...
Этот блин румяный, дивный –
Господину Лукину! [258]
Пш... шипит на сковородке
Наш последний, пухлый блин –
Тем, кто путь вешит [259] для водки
Средь амурских мочажин.
Блин тому родному гнусу,
Что последний сок сосёт,

Кто якуту и тунгусу
С водкой сифилис несёт.
Баста! Всё! Квашонку – в сени!
Наступают дни поста...
Эй, там кто? Переселенцы
И другая мелкота!
Ну, вяжи буланку к пряслам
И садись к столу, земляк;
Вот, на выбор: кукиш с маслом
Иль без масла – просто так?

6. «АМУРСКОЕ ЭХО»

КУСКИ ЖИЗНИ

Развитию хлебопашества препятствует конкуренция маньчжурского зерна. Развитию огородничества препятствует конкуренция китайских огородников. Пароходству – немцы. И т.д., и т.д.

(Амурские вопли)

Слезу точит отчаянно
Амурская окраина:
«Такое тут обилие
Различного засилия!
Тут против нас конвенция!
Такая конкуренция
Меж нами хлеборобами,
Купцами, судоходцами
И ими, желтолобыми,
Врагами-инородцами, –
Такое здесь количество
Различного язычества,
Что мы, опоры главные –
Хрестьяне православные,
Сидим в бельишке тиковом.
Чтоб жёлтому бесстыдию
Препону положить –

Субсидию, субсидию
Позвольте-с получить!»

«Святители! Угодники! –
Взывают огородники, –
Нет выгоды ни крошечки
От свёклицы, картошечки!
И даже баклажанчики
Не радуют карманчики!
Мы сохнем, точно травушки,
И молим о расправушке
С нахалом и негодником
Китайцем-огородником,
Что жизньнюю жуирует
И с нами конкурирует.
Чтоб свёклицу ядрёную
От жёлтых защитить –
Субсидию казённую
Позвольте получить!»

Да что! Интеллигенция,
И та, как истеричная,
Кричит: «Ах, заграничная
Нас давит конкуренция!»
Обычна эта предика [260]
В устах любого медика:
«Ах, эти шарлатанские
Врачишки сахальянские! [261]
Завалены клиентами,
Насилу управляют
Большими конкурентами
Они для нас являются!
Прут наши обыватели
К Хокоде ли, к Хотате ли,
Якшаются со всякими
Клопами-Миязакими,
И зубы там пломбируют,
И ноги оперируют,
Бредут туда истерики,

Венерики, холерики, –
Мещане и рабочие,
И все иные прочие!
Чтоб эту вражью тактику
Навеки прекратить –
Японцам надо практику
Строжайше запретить!»

Слезу точит отчаянно
Амурская окраина:
«Такая ли несчастная
Мне выпала планидушка!
Везде грозит ужасная
Великая обидушка!
Никто-то не порадует,
А только раздосадует!
Могу в такой обиде я
Пропасть во цвете лет!
Субсидия! Субсидия!
Иль, в крайности – запрет!»

ПРИВЫЧКА

Философические куплеты

«Привычка свыше нам дана» [262].
Уж как вы с ней не куролесьте, –
А всё ж проявится она
«Кажинный раз на эфтом месте» [263].
Вы трезвый слыли меж людьми,
Но в Сахалян [264] едва залезьте –
Момент – и ляжете костьми
Кажинный раз на этом месте.
В международной суете
Весьма сильны «вопросы чести»,
Но спотыкаются и те
Кажинный раз на старом месте.
Не молвит Рим ни «да», ни «нет»,

Но только вспомнить о Триесте [265], –
Трещит его нейтралитет
Кажинный раз на этом месте.
Газету стали вы читать,
Ваш взгляд упал на Бухаресте...
Вы принимаетесь плевать
Кажинный раз на этом месте.
Изводит вас газетный лист
Статьёй о греческом протесте:
Вы издаёте лёгкий свист
Кажинный раз на этом месте...
Кричит Болгария о том,
Что, мол, настало время мести...
И вы стучите кулаком
Кажинный раз на этом месте.
Иль вот статья про наш режим...
Но, открываюсь вам по чести,
Себя я чувствую немым
Кажинный раз на этом месте.

СЕНСАЦИЯ

*Проектируется отмена паспортов.
(Ей-богу!)*

Нам разобраться предстоит
В неслыханной напасти:
Ведь крепкий «шиворот» и «вид» –
Насущнейшие части!
Сто лет дают в итоге век.
Желвак – не та же ль шишка?
А я – российский человек,
Есть паспорт плюс манишка.
Да, как и иначе назвать,
Коль, опекаем властью,
Привык я голову считать
Рудиментарной частью?
И вдруг один из двух китов

Марш к чёрту на кулички!
Ох, от отмены паспортов
Большие выйдут стычки!
Ох, выйдет множество хлопот!
И чем его заменят?
Ведь так, пожалуй, через год
И шиворот отменят?!?!?!?

ПЕРЕЛЁТ

На заре, когда так чуток
Предрассветный сон земли,
Вереницы диких уток
Гулко квакают вдали.
Если, встав перед зарёю,
Вникнуть в этот зык и гук,
Слух газетчика порою
Различит знакомый звук.
Вот накрываает яро
Там, на луже, за леском,
Сановитая гагара
Убедительным баском.
Это, сев на старой вехе,
Как на крепкий монумент,
Про германские успехи
Крячет Вольфовский агент [266].
Дальше, там, где ветки мочит
Ива в лужах ледяных,
Старый селезень бормочет
Что-то паре молодых.
Он бормочет быстро-быстро,
Голосит во всё нутро...
Не беседа ль то министра
Тисы [267] с Венским пресс-бюро?
Выйди утренней зарёю,
Вникни в этот зык и гук –
Слух газетчика порою
Различит знакомый звук.

КТО ОН?

Газеты всё ещё стараются определить программу нового министра внутренних дел А.Н. Хвостова.

«День» [268] даёт ответ прямой:
«Он – сторонник твёрдой власти»,
«Речь» [269] толкует: «Но отчасти
Мало-мало с левизной!»
«Господа! – кричит “Биржёвка” [270], –
Он, по-видимому, наш!»
«Это наш-то вышел ваш? –
Глинка [271] молвит, – вот так ловко!»
В «Новом времени» [272] кричат:
«Он – из крайней правой группки!» –
«Но способен на уступки», –
В «Русском слове» [273] говорят.
«Знамя» [274] пишет: «Ох, обидно!
Левый он, такой, что – страх!»
«Ничего в волнах не видно», –
Пишут в «Рус. ведомостях» [275].
И скрипят, мелькают перья,
И у всех одна лишь речь:
Оказать ему «доверье»
Иль покуда приберечь?

Не склоняет гордой выи
Над загадкой роковой
Лишь один во всей России
Господин городской.
В быстром беге мчится мимо
Гул и крик народных толп, –
Он стоит несокрушимо,
Как могучий вечный столп.
Наши дни, как волны, быстры,
Всё идёт своей чредой...
Пусть сменяются министры –
Вечен лишь городской!

ТОСТ

Как старый местный патриот,
К мечтаньям склонный по натуре,
Я подымаю в Новый год
Свой тост «за земство на Амуре»!
Он платоничен, этот тост!
Вот мой бокал: без аромата,
Без искр и пены и без звёзд,
Простая аква дистиллята.
Он платоничен, этот тост,
Не будит в сердце он дерзаний.
Я пью и пропою, как дрозд,
На хрупкой жердочке мечтаний.
Ах, эта жердочка хрупка!
Не надо доброго удара,
Вполне достаточно толчка
Очередного циркуляра –
И рухнет мой прекрасный мост,
Как нежный мирт от гнева бури
...Но, тем не менее, свой тост
Я пью за земство на Амуре.

СЕЛЕМДЖИНСКИЙ БАРИН

Запорхали, как стрижи,
Письма [276] с хмурой Селемджи [277]:
«Наш-от барин научённый
В дрожь вогнал народ хрещённый!
Там хозяйке нагрубил
И верёвку обрубил,
И “слова” извергнув мнози,
Кофты выпачкал в навозе.
Там кого-то распушил,
Там кого-то заушил.
Кто не снял пред ним фуражку –
Отправляйся в каталажку...
Пёс Петрутин Пустолай

Раз возьми, да и залай.
Барин вмиг, без прибауток,
Бац Петруту на семь суток!
Поклялся: не спать, не пить –
А Клитчоглу посадить [278].
Но, как был тот в крупном чине, –
Не сажает и поныне.
Наши бабы ввечеру
Им пужают детвору,
Не ягой, не змей-тугариним,
А своим учёным барином...»

ДЛЯ НАС – ИЗЛИШНЕ!

В Чите открыта школа борьбы джцу-джитсу. В школу записалось около 100 человек, в том числе гласные городской думы.

(Из газеты)

Пусть читинцы научают,
Как бока друг дружке мять, –
В нашей думе (всякий знает)
Силачей – не занимать.
Есть у нас, не стыд признаться,
До полдюжины ребят,
Что могли бы записаться
В мировой чемпионат.
Что нам Лурих [279] иль Курагин!
Это – жиденский народ!
Да у нас один Палагин [280]
Всех их за пояс заткнёт!
Да у нас последний дворник
Вас проводит до палат,
Где издревле каждый вторник
Схватки ярые кипят,
И где в каждой бурной схватке
Наш Палагин третий год
Здравый смысл на все лопатки
Без усилия кладёт.

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА, НО С УПРЁКОМ

После «смази вселенской»
 Долго (месяц ли, два ль)
 Наш великий Ождженский [281]
 Был повергнут в печаль.
 В думе вскрыли секреты
 Домогательств «отца»,
 И глумились газеты
 Без конца, без конца.
 И, осмеянный всеми,
 Кроме пары «своих»,
 Был он долгое время
 И печален, и тих.
 Но «закону премена
 По нужде» может быть,
 Глядь, и вышла отмена:
 «Вновь, мол, надо решить».
 Дальше – тексты и ссылки
 На устав и закон,
 Бравый рыцарь бутылки
 Был премного польщён.
 И с энергией страстной
 Вновь принялся кричать:
 «Ведь недаром я гласный, –
 Значит, надо урвать!
 Рвут коллеги и боле:
 Масло, мясо, мука...
 Я ж насчёт алкоголя
 Прогуляюсь слегка!..

ПЕРВЫЕ КАНДИДАТЫ

Агент общеземской организации командирован в Европейскую Россию для вербовки переселенцев в Ульяновский район.

(Хроника)

Для чего платить прогоны
 Разным лицам и агентам

И тревожить их персоны
По подобным пустякам?
Приглядишь-ка мало-мало
И найдёшь одним моментом
Сколько хочешь «матерьяла»
По медвежьим уголкам.
Услыхав про край ульминский,
Край отменно благодатный,
Всякий житель селемджинский
Будет прыгать и скакать.
Соберёт свои манатки,
Свяжет в узел аккуратный
И пойдёт во все лопатки
На Ульмин [282] – места искать.
Селемджинский воевода
Бей-Али паша Пентковский [283]
Треть подвластного народа
В каталажку засадил.
Воет хмурый селемджинец:
«Для чего мне рок таковский?
Что ни сутки, то гостинец!
Чем я Бога прогневил?
Скоро всех нас без остатку
Он подвергнет заключенью!
Лучше ехать на Камчатку
Аль на тот ли Сахалин!»

Стой, робя! Пора решиться:
Попросите разрешенья
Всем гуртом переселиться
На Ульмин!

ДРАМА В ВАГОНЕ

Рассказ

I. Геройский крик и его последствия

Эта поучительная во всех отношениях история была бы рассказана гораздо раньше, если бы автору не пришла в голову злосчастная мысль выяснить судьбу главного героя. Много драгоценного времени прошло, пока авторитетными показаниями буфетчика станции Отвальной не было установлено, что герой нашего рассказа окончил уже своё земное существование, будучи съеден (в жареном виде) ветеринарным врачом. Таким образом, излагаемая ниже история, помимо своей практической цели – поучительности и назидательности, попутно будет служить и цели более возвышенной: она, так сказать, будет погребальной песнью Бояна [284] над безвременной могилой храброго витязя. Впрочем, ничто не мешает этой истории быть истолкованной в смысле борьбы с дороговизной, хотя при таком толковании неизбежны некоторые натяжки.

Когда поезд подходил к месту происшествия, действующие лица размещались так: на нижней койке вагона крепко спал ветеринарный врач Петров, следовавший, в качестве призванного офицера, к месту новой службы. Над ним, на средней полке, с увлечением свистел носом землемер Дворянинов.

Остальные полки и койки вагона были заняты спавшими пассажирами, которым суждено было играть в этой истории роль статистов, и по их телам, пользуясь покровом тёмной ночи, беззвучно шныряли прусаки-шпионы [285], сигнализируя друг другу усами и стараясь похитить какие-то важные стратегические планы, спрятанные у кого-то из пассажиров. Штук сорок вагонных клопов отводили душу, разговляясь на досуге. Была тишина, если не считать могучего коллективного храпа статистов и дребезжания вагонных окон. Был мир, покой и всё такое, и вдруг...

Ах, да... Главный герой рассказа помещался всех выше, непосредственно над землемером, на багажной полке, в изящной корзине японского изготовления. Был он ещё молод, горяч и сентиментален. Весенняя ночь, как это полагается, нашёптывала ему разную приятную чепуху, переполняя его сердце восторгом и

разными этакими мечтами. Сердце кипело, бурлило, клокотало, и когда пришёл урочный час, герой наш встрепенулся, как от электрического разряда, хлопнул крыльями и гаркнул во всю мочь:

– Ку-ку-ре-ку!

Моментально землемер свалился с полки, ударился серединой туловища о пол, но быстро вскочил и стал испуганно озираться.

– Что такое? – закричали проснувшиеся от грохота пассажиры.

– Кого бьют?

– Где пожар?

– Что случилось?

– Чей петух?! – закричал землемер.

– Слушайте, вы мне на живот не наступайте! – вспылil ветеринар.

– А, чёрт! Какой там живот! Чей петух?!

– Легче, легче! Я вам не тюфяк, чтобы на меня всякий фрукт садился! – кряхтел какой-то пассажир.

Землемер яростно танцевал по полу и кричал:

– Чей петух? Жандарм!..

– Вы мне своим тендером в лицо не лезьте! – волновался пассажир.

– Чей петух, чёрт возьми?

– Мой петух! – крикнул ветеринар. – Какого чёрта вы горлани-те! Уберите ногу!

– Ваш? Какое же вы имеете право...

– Ногy уберите, а то хвачу кулаком...

– Это безобразие! Петухов тут каких-то...

– Легче, вы меня в грудь коленом, дьявол вам...

– Кому мой петух помешал?

– Помешал? Тут человек разбился через вашего поганого петуха...

– Милостивый государь!

– К чёрту! Не имеете права петухов во втором классе возить.

– А вот везу! И вёз! И ещё двух повезу!

– Скоро свиней начнут возить!

– Что же, если любите свиней, то и возите.

– Что мне их возить, когда я и так с ними еду...

– Что-о? Ка-ак? Вы меня?..

– Да, вас!

– Я офицер, милостивый государь! Я вас за такие...

- Испугались! Подумаешь! Насажали тут петухов...
- Извинитесь сейчас же, слышите?
- Стану я перед всяким...
- Что-о? Сейчас же извинитесь!
- Да что вы пристали? Что вам нужно!
- Извинитесь! Сию же минуту. А то я...
- Подумаешь!..
- Раз! Раз! Раз!
- А-а! Вы так!..
- Так!.. Раз!

...Во всей этой истории насчитывается только четыре «раза», полученных землемером, так как в дальнейшем вмешались статисты, и история завершилась жандармским протоколом, составленным по настоянию потерпевшего (он же «приобретший»).

II. Межведомственные трения

Так как «временно исправляющий» [286] был в то время в отъезде, то нижеследующая бумага была получена временно заменяющим временно исправляющего:

«Прилагая при сем протокол старшего жандарма станции Отвальной с изложением инцидента, имевшего место между ветеринарным врачом Петровым и землемером Дворяниновым, причём первый нанёс второму оскорбление действием, прошу принять меры, дабы побудить ветеринарного врача Петрова извиниться перед потерпевшим Дворяниновым.

Заведующий такой-то».

Так как временно заменяющий временно исправляющего был в некоторых контрах с заведующим, то вышеизложенная история перешла в стадию межведомственных трений и была облечена в следующую форму:

«На ваше отношение от такого-то числа уведомляю, что инкриминируемая петушиная история непосредственного отношения к государственным интересам не имеет, нося характер чисто личного столкновения, главным виновником коего, как усматривается из протокола, является петух, то есть лицо, на государственной службе не состоящее. На основании изложенного полагаю, что потерпевшему необходимо обратиться к мировому

судье, прося привлечь виновного к законной ответственности на основании подлежащих статей уст. о нак., над. мир. суд [287].

Временно заменяющий временно исправляющего: такой-то».

III. Торжество Немезиды [288]

До сих пор в нашей истории в числе «получивших» значился только один землемер Дворянинов. Но справедливая рука карающей Немезиды скоро привела положение к равновесию, которое выразилось в следующем виде: главный герой трагедии петух получил бесславную кончину на сковороде буфетчика станции Отвальной и закончил своё земное существование в дебрях ветеринарского желудка.

Ветеринар Петров получил при этом совсем немного удовольствия, так как петух, перепуганный происходившей в вагоне суматохой, заболел перед кончиной разлитием желчи, что неблагоприятно отразилось на всём его организме в смысле гастрономическом.

Более всего в этой истории пострадал престиж власти в лице заведующего, но к восстановлению его были приняты экстренные меры, увенчавшиеся, как говорят, частичным успехом.

IV. Чем кончилось?

Кончилось тем, что по прибытии на место работы землемер Дворянинов немедленно уволил десятника Петухова, накричал на конюха Цыпкина, а коллеге своему, землемеру Кочетовскому, послал вызов на дуэль без объяснения причин.

Тем не менее, в обиход жизни Дворянинова с этих пор вошло новое обстоятельство: когда он появлялся на работе, среди рабочих происходило некоторое оживление, сопровождавшееся криком:

– Ку-ку-ре-ку!

Этим знаменательным возгласом, по справедливости, и следует закончить наш правдивый рассказ.

КАК БЫТЬ?

Несмотря на полученное крестьянскими начальниками указание – содействовать росту деревенской кооперации, в кооператорах Амурской области нет ни одного крестьянского начальника.

(Хроника)

Я стою в недоуменье:
Как на это мне явленье
Отозваться? Осуждать
Иль приветственно кричать?
Мы приучены сызмальства
Быть в сторонке от начальства,
Чтоб его умильный глаз
Как-нибудь не сглазил нас.
Так что, с этой точки зренья,
На подобное явленье
Реагировать могу
Междометием: «Умгу!»
Но в видах доверья к власти,
«Единенья» и отчасти
В политических видах
Я вздыхаю скорбно: «Ах!»
«Ах!..» Но этот вздох унылый
Не звучит особой силой,
В нём не радость, не печаль...
Сожаление? Едва ль...

ПОМИНАЛЬНОЕ

Вторник. Праздник «упокойных».
Попытаюсь как-нибудь
В выражениях достойных
Кой-кого упомянуть.
По российском «единеньи» –
Память вечная! Оно
Во «блаженныя селенья»
Отошло уже давно!

По «доверью» мы справляли
Тризну прошлой зимой:
Пусть «иде же несть печали»,
Мир обрящет и покой!
И мечтам и разным прочим
«Увлеченьям» – тоже мир!
Пусть починут в лоне отчем,
Где казённых нет квартир [289].
Добрим словом упомянем
Всех, кто хочет усмирять.
И – умолкнем. И не станем
Наших гласных [290] поминать.
Ибо – живы... много чести...
И без нас, кому не лень,
Поминает раз по двести
Их с родителями вместе
Почитай что каждый день!

ПОЛЮБОВНЫЙ РАЗДЕЛ

Шутка

Это произошло потому, что на заседании не было моих гласных.

(Из беседы)

Выбирали горожане,
«Избиратель» выбирал,
Но случился (как и ране)
Неожиданный финал.
Вмиг, – едва места заняли
Свежесшитые «отцы»,
Мигом их в аренду сняли
Расторопные дельцы.
«Пять моих!» – спиртозаводчик
Отсчитал и прочь пошёл.
«Десять!» – крикнул пароходчик.
«Двадцать!» – рявкнул мукомол.
Остальных сейчас же рьяно

Расхватили, кто успел:
И владелец ресторана,
И мясник, и маслодел.
«Избиратель» только хлопал
Левым ухом по плечу,
А потом ногой затопал:
«Что же я-то получу?
Что я – нищий? иль заморыш?
Что ж пришлось на мой конец?»
Лишь один Сюткин [291] – сторож
Да пожарный жеребец.

НЕ В ДОБРЫЙ ЧАС

*Профессор Дубелир [292], узнав, что загородные дороги
управа строит по его указаниям, изъявил желание прое-
хаться с головой [293] для осмотра работ.
(Хроника)*

Славь, о лира, Дубелира!
Он – учёный человек!
Он решил уйти от мира,
Кончить свой недолгий век!
Чтобы собственным примером
Остеречь и нас от зол,
Он, в компании с лорд-мэром,
На отчаянность пошёл.

В городской больнице поздно
Ночью был великий стук.
«Кто там?» – сторож крикнул грозно.
«Некто, раненый серьёзно,
Да профессорский сюртук.
Отворяй! Вертись живее!
Видишь, тело всё в крови!
Первым долгом, поскорее
Мультиановского [294] зови».
Потихоньку всхлипни, лира!
Возрыдай немножко тут!

Это, лира, Дубелира
К Мультиановскому везут.

Всю-то ночь в больничном зале
Шум стоял, как в стае ос.
Ноги к телу пришивали
И приклеивали нос.
Ухо как-то по ошибке
Притачали к животу;
Половина брючной стрипки
Оказалась во рту;
Расшивали, снова шили,
Изломали новый зонд...
Только к утру завершили
Окончательный ремонт.

Весь склеенный из развалин,
Он лежал, лишённый сил.
Был рассказ его печален,
И прискорбен, и уныл:
«Дав машине ход свободный,
Я к сидению приник,
Но уже на Загородной [295]
Откусил себе язык.
Хоть изъян, но – малый, вздорный,
Еду дальше и тотчас
Против Северной – Соборной [296]
Ног и рук лишился враз.
Дальше было, как у Данта [297],
Нечто худшее, чем ад.
Но, с упрямостью педанта,
Я не свёртывал назад.
Рок на нас удары сыпал,
Как из бочки! А финал –
Ваш лорд-мэр в канаву выпал,
Я ж почти совсем пропал.
Но я знаю: правы боги!
Здесь не их вина – моя!
Вы построили дороги,
А «указывал»-то я!

Славь, о лира, Дубелира,
Он отважный человек.
Он теперь ушёл от мира,
Искалечился навек.

ЭКСПОРТ И ИМПОРТ

*Вы много можете нам дать, но ещё более можете взять
у нас.*

(Из речи графа Коковцова [298] на
банкете в честь японской делегации)

Всё уступим не жалея!
Всё на свете трын-трава!
«Наша матушка – Рассея
Всем европам голова!»
У неё любых богатств,
А особенно «препон»,
И иных подобных качеств,
Прямо скажем – миллиён.
Вывозите без стеснений
Кипы в тысячи дестей [299]
Разъяснений, пресечений.
Циркуляров и «статей».
Вывозите из столицы,
Оптом сваливайте в склад
И «ежовы рукавицы» [300],
И «макаровых телят» [301].
Забирайте, не жалея
(Меж друзей какой расчёт?),
Наша матушка Рассея
И без оных проживёт.
Велика и изобильна
Наша милая страна,
И в одном лишь очень сильно
Недостаточна она:
Ах, не надо нам ни шёлку,
Ни омаров, ни сурьмы,
Дайте нам немножко толку,

Толку дайте нам займы.
Наша Русь – она громада,
Прямо скажем – великан,
Только малость толку надо,
Хоть с пяток аптечных гран [302].

Круглый, жёлтый, как червонец,
Чист, как вербный херувим, –
«Хорошо!» – сказал японец, –
«Толку с фунтик мы дадим!
Верны дружеским девизам,
Вашу им снабдим страну,
Но ведь вы его акцизом [303]
Так обложите, что – ну!
Хоть Россия – великанка,
“Всем европам голова”,
Но... для “толка” порто-франко
Учредить бы вам сперва!»

СЛОВО О ЗЕРНЕ

Почитаем мы делом приличным
И притом современным вполне
Ныне спеть о зерне, о пшеничном,
Об обычном пшеничном зерне.

Чему по ценности равно
Пшеничное зерно?
Зерна сего невинный вид
Почто людей страшит?
Почто растёт оно в цене –
Откройте, други, мне!

Ядовиты, словно осы,
Эти «вечные» вопросы,
И разрешить, о, друг, не тщися их,
А лучше в кучу их свали.
В ста сорока пяти комиссиях
На них ответа не нашли.

Те вопросы роковые
Сокровенности полны
И сложнее, чем любые
Пифагоровы штаны.
Их решали так и этак
Много умственных голов,
Отступившись напоследок
После множества трудов.
Почему, что день – надбавка?
Наконец, ответ прямой
Получили двое: Каффка [304]
И инспектор податной.
Взявши коэффициенты
Перемножив их подряд,
Сразу вывели проценты
И – представили доклад.
И воочью все узрели,
Что пшеничное зерно,
Как и ждали, в самом деле
Спекуляции полно.
Чтоб карман свой от изъянов
По возможности сберечь,
Произнёс «министр» Буянов [305]
Зажигательную речь.
И в числе апологетов
Мукомольских «божьих» цен
Яро выступил Дулетов [306],
Наш амурский Демосфен.
И в защиту мукомолов
Он словес пустил поток,
И от пламенных глаголов
Загорелся потолок.
Но – увы! Осилит Каффка!
Осрамился Демосфен!
И тотчас же вышла сбавка
С мукомольских «божьих» цен.

И пшеничное зерно
По нормальной ставке

В ясный вид приведено
Иждивеньем Каффи!

Но... на этом кончим «слово»,
Ибо, верю я вполне,
Через две недели снова
Петь придётся о зерне.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

По заключению министерства внутренних дел, Земгору [307] отказано в ассигнованиях на расширение помощи воинам.

«Популярный лидер блока» [308],
Спрятав лидерство в карман,
Умилил весьма глубоко
Благодушных россиян.
Мы сначала были хмуры
И тревожились: «Авось?..»
Но над «смыслом конъюнктуры»
Долго думать не пришлось.
Горизонт опять яснее,
Прежним курсом можно плыть:
«Не пущать» уже умеет,
Скоро будет и «тащить».

В ВАГОНЕ

Припечатанный к скамейке
Парой чьих-то грузных тел,
Проклинаю свой удел.
Кто-то в грязной кацавейке
Подо мною, в свой черёд,
Надрывается-орёт.
Нажимает всё сильнее,
Ворота куда-то вбок,
На моей стоящий шее

Чей-то валеный сапог.
Я упёрся подбородком
В чьё-то жёсткое стегно
И кричу каким-то тёткам:
«Прочь! Тут занято давно!»
Восемь «ходов» [309] с верхней полки
Густо дышут чесноком,
А внизу царит содом,
Все рычат, как будто волки:
«Прись отсюда! Нет местов!»
Жаркий бой кипит за место,
А по адресу Зееста [310] –
Сотни тысяч крепких слов.

Тра-та-та! – стучат колёса.
Слава Богу! Мы идём!
Воздух – бей хоть обухом,
Ядовитей купороса.
Два каких-то чудака,
Раскрасневшись, как сарпинка [311],
Бьют в плечо проводника:
«А почём у те харбинка?» [312]
Тот – румяный, как луна:
«Чать, известная цена».

Шею выгнувши глаголем,
Обер шествует с контролем:
«У кого билета нет –
Поскорей гони монету!»
И, слышав фразу эту,
Зайцы лезут в «портмонет».
С русака ли аль с китайца –
Такса общая подряд:
«Рупь за зайца! Рупь за зайца», –
Так колёса тарахтят.

БЕЗ ПРОГРАММЫ

*В беседе с представителями печати А.Д. Протопопов
[313] не огласил своей программы.*

(Из газет)

Сюжет сенсационной драмы!
Сенсационнейший сюжет:
Министр не огласил программы,
И – в этом корень многих бед!
Чего нам ждать теперь? Поблажки?
Или – совсем наоборот?
Как относиться к каталажке?
Полнейший хаос и разброд!
Себя я чувствую престранно:
Имею ль право я дышать?
Программы нет, и всё туманно,
И каждый день грозит, как тать.
Но вот газетные страницы
Несут известье в десять строк,
Что высылают из столицы
Двух журналистов на восток.
И я лобзаю телеграмму,
Хоть и невкусная, – но пусть:
Неоглашённую программу
Теперь я знаю наизусть.

ПЕСЕНКА

Продовольственная часть Амурской ж.д. прислала служащим дороги почти вагон перцу.

(Верно!)

Принявши близко к сердцу
Линейцев плач и стон,
Они прислали перцу
Целёхонький вагон.
Ну что же! Всё едино!
Теперь линейцы ждут,
Что вместо керосина
Шампанского пришлют.

ПРОПОРЦИЯ

В с. Райчихе [314] есть школа, но нет учителя. В с. Средненке [315] – тоже.

Нам подарок новый дан:
Подарили (вот обновы!)
На четыреста граждан
Одного городского.
Уж теперь-то заживём!
Уж глядеть не будем кисло!

Между прочим, приведём
И иные, кстати, числа.
Проследите, коль не лень,
Как индейцы, цифры голы:
На пятнадцать деревень
Полторы с осьмушкой школы.
Да и те, коль поглядишь,
Загляденье, а не школа!
То стоят совсем без крыш,
То под крышей, но без пола.
Да к чему там нужен пол?
Ныне нормою зовётся,
Коли на пять, на шесть школ
Треть учителя найдётся.

В БАЛЕТЕ

Гаснет свет. Закрыты двери.
Полусумрак, но в партере
Что минута – то светлей.
Свет со сцены, разливаясь
И от лысин отражаясь,
Блещет ярче и сильней.
Мы с коллегой репортёром
Смотрим вниз пытливым взором
И считаем про себя,
Я налево, он – направо.

Слышу, шепчет он лукаво:
«Сорок! Сколько у тебя?»
«Тридцать восемь! – отвечаю, –
Не считая двух, что с краю,
Вон, в проходе, у двери!»
«Ровно восемьдесят, значит.
Ах, да вон ещё маячит!
Ба, да там их целых три!»
Сосчитали. Сортируем.
Коль не полные – бракуем
(Признаём лишь полный шар).
Очень строго разбираем,
Словно дыни отбираем
Для продажи на базар.
Беспристрастны, честно-строги,
Подбиваем мы итоги
И фиксируем в уме:
Шестьдесят весьма почтенных
Лысин белых, преотменных
Насчитали на «Лакме»! [316]

РАССКАЗ ДЕДА

*Управление Юго-Восточных железных дорог рекомендо-
вало своим служащим, в целях борьбы с дороговизной, за-
нять пчеловодством.*

На-тка, медку с караваем покушай,
Притчу про пчёлку послушай.
Был на Руси удивительный год,
Горько о нём вспоминает народ.
Много, ой, много, любезный мой внучек,
Мы наблюдали тогда закорючек.
Даже министр от забот исхудал,
Сахар, примерно, совсем пропадал.
Чай мы, к примеру, набухавши в кружку,
Пили вприглядку, вприсоску, впринюшку.
Даже чиновники высших мастей
Очень скучали, не видя сластей.

Мы же, которая мелкая сошка,
Только жужжали, как осенью мошка.
...Видим однажды: пришёл генерал,
Что-то прошамкал, слегка помычал;
Был монолог его прост и недолог:
«Пчёлочка... кхе... кхе... заводите-ка пчёлочку!»
Сей драгоценный и мудрый совет
Нас осчастливил на множество лет.
Бросили мы канцелярские стулья,
Стали долбить самодельные ульи
(Можно бы выписать, но поезда
Нужных вещей не возили тогда).
С помощью деток, Гаврюшек и Васек,
Мы понастроили прибыльных пасек.
Веришь ли, внучек, уж в первый годок
Тыщу доходу принёс нам медок.
С мёдом чаёк мы тогда попивали,
Взятки уряднику мёдом давали,
Мёдом платили квартирный налог,
Мазали мёдом подмётки сапог.
Кушай же (можно подбавить, коль мало)
Да вспоминай-ка добром генерала,
Вспоминай его ночью и днём,
Шибко, сердечный, был прыток умом!

* * *

Статистика отмечает уменьшение потребления населением животной пищи и увеличение потребления растительной.

Бесспорно, факт ужасно грустный,
Но коль мамону [317] позабыть,
То оный вывод мясопустный [318]
Вас должен даже веселить.
Не всё ль равно – кусок филея
Иль рыжик? Боб иль антрекот? –
Но в царство Божие скорее
Вегетарьянец попадёт.

А коль к тому же и от хлеба
Ты отречёшься в жизни сей,
То будешь взят живым на небо
К великой радости властей.
Ведь власть старается недаром,
Чтоб обжираться ты не мог,
Сопровождая циркуляром
И «пунктом» каждый твой глоток.
Постыдно низкое обжорство!
Оно лишь беса веселит!
Воздержен будь. А за упорство
Тебе жестоко нагорит.
А чтобы не постигла кара,
Не надо кушать много враз:
В обед – кусочек циркуляра,
На ужин – маленький приказ, –
А если чёрт куском филея
Начнёт смущать, то, не робея,
Ему ты фигу поднеси
И обязательным скорее
Постановленьем закуси...

ПИСЬМО БЕЗ АДРЕСА

Любезный друг! Я очень рад
Возобновленью переписки!
Мы были с Вами очень близки.
Тяжёлых дней угрюмый ряд
Разъединил нас, как барьером.
Вы стали бравым офицером,
У Вас на шее Станислав [319],
Награда «воинских забав».
Я ж, по старинке, вслед за Вами,
Стреляю иногда... стихами.
Я, как и Вы, артиллерист:
Мой «чемодан» [320] – газетный лист,
Но он заряжен не картечью,
А мелкой стихотворной речью.

Не жду крестов и орденов,
Не добиваюсь я чинов,
Скриплю пером по мере силы
И...
Но слова мои унылы,
А я хочу весёлым быть,
Хочу развлечь Вас. Ибо «шибко»
Приятна Ваша мне улыбка.
Я Вас хочу развеселить;
Ну что же, попытаюсь. Вы ведь
Так деликатны и скромны.
И в память дружбы Вы должны
Меня улыбкой осчастливить.

Как прежде, наша жизнь бедна,
Как прежде, наша жизнь бесцветна,
Но... прогрессирует она
И прогрессирует заметно.
Кооперация растёт...
Под лозунг: «Сила – в единеньи»
У нас возник «Амурский флот» [321],
Весьма идейное явление.
По краю этот синдикат
Зовётся «катор» повсеместно
(Что по-хохлацки значит «кат»,
Я полагаю, Вам известно) [322].
Портфель его директоров
Раздут, как сумка из брезента,
Но он раздут не от паров,
Раздулся он от «дивиденда».
Теперь уж нет былых потерь,
Жизнь пароходчика – забава.
И вместе с тем у нас теперь
Возникло крепостное право.
«Флот» командиров крепко жмёт
И выжимает их, как тряпку,
А кто вздохнёт или чихнёт –
Марш в рекрута! [323] «Под красну шапку!» [324]
На фронт – и больше ничего!
Марш на позицию – и только!

Но Вы, я вижу, не того...
Не улыбаются нисколько.
Постойте. Дайте вспомнить... Вот:
У нас теперь, по воле Бога,
Прошла желанная дорога,
Сплошной чугунный анекдот [325]:
То самый путь размоют воды,
То лопнут все водопроводы,
То вдруг обрушатся мосты,
То средь полночной темноты
(Чтобы сокрыть от глаз тевтонца [326],
У нас не освещают путь,
И даже был проект от солнца
Его в холстину завернуть), –
То, повторяю, средь полночной
Глубокой тьмы локомотив
Чуть-чуть не сверзится в обрыв,
На лоно Авраама срочный
Рейс пассажирам объявив.
Дела такие на Амурке,
Как будто (Господи, прости!)
Мы здесь не русские, а турки,
И всех нас надо извести.
Чтоб запастись одним билетом,
То нужно в очередь стать летом,
А к Рождеству, коль доживёшь,
Билет себе приобретёшь,
Но будь настойчивей при этом,
Войдёшь в вагон – там как сельдей
Народу. Скрежет, плач и стоны!
А вот под диких медведей
Дают отдельные вагоны.

Но время кончить. Уже поздно!
Гремит двенадцатый удар...
Пишите мне, молю Вас слёзно!
И – до свиданья! Ваш

Гусляр.

СТРАННЫЙ РАЗГОВОР

...Осторожным тихим шагом, шагом, свойственным бродягам, лёгкой поступью лисы, в дверь вошёл он без доклада.

Я воскликнул:

– Что вам надо? Ведь приёмные часы существуют для чего-то? У меня сейчас работа! Завтра, в десять!..

Но на стул сел он, странно подмигнул и, рукой в затылке шаря, глухо молвил:

– Эко, паря, как ты ласков до людей! Баско [327] ль быть таким сердитым? Я к тебе... того... с визитом... Я – Хабаров Ерофей! [328]

Услыхавши имя это, стал я белым, как газета в первый бурный думский день [329]. Посудите сами: рядом на меня угрюмым взглядом смотрит бледный призрак, тень, от которой пахнет адом! [330]

Но не так легко смутить буйный дух фельетониста. Я сказал довольно чисто:

– Чем... мм... я в-вам... мм... могу... служ-жить?

Уловив моё смятенье, призрак, в виде одобренья, тихо молвил:

– Не робей! Чать, не пристав я квартальный [331]. Я – Хабаров Ерофей, воевода достохвальный. Так что, значит, не робей! А пришёл к тебе из ада потому, что знать мне надо, как живёте вы теперь.

– О! Превесело, поверь! – отвечал я. – Хоть, конечно, не всегда у нас смехи, – есть чуть-чуть и чепухи, – но, вообще, живём беспечно!

– Ну, а как теперь у вас в рассуждени всякой власти? Как насчёт чиновной части?

– Как сказать? Большой запас! Вот, прочти-ка, коль досужно [332]. Это адрес-календарь. Вот отсюда прямо жарь! Коль читать возьмёмся дружно, то денёчка через два всё осилишь.

– Ой, не нужно! Что ты, что ты, голова? Да ведь их полтыщи стоп там! Ты скажи мне прямо оптом, сколько тут разных лиц?

– Девяносто шесть страниц!

– Благодать. Такая сила, чать, делов-то навершила! Школ теперь у вас, поди, хоть всю Зею запруди!

Я, подумавши немного, отвечал:

– Коль вникнуть строго, то не то, чтоб... Ну, а всё ж, в горсти всех не унесёшь. Школ-то нам побольше б нужно, да всё как-то

недосужно... Как-то всё не до того... Не доходят как-то руки до такой неважной штуки. Ну, да, впрочем, ничего!..

– Градус, братец, слишком низкий, говорят, у вас стоит. Ученик дрожмя дрожит!

– Что ты? Топим по подписке! Чуть пахнёт у нас зимой – лист пускаем подписной. Соберём по гривне с носу, – так ребята – прямо в пот! Жар такой от них идёт, что закуришь папиросу!

– Ну, а как насчёт больниц?

Я опять замаялся...

– Что же? С этим делом как-то тоже мало-мало не того... Ну, да, впрочем, ничего... От больницы до больницы – как от Лондона до Ниццы. Но народ не шибко мрёт...

– Крепкий, язвы их, народ! – Ерофей сказал. – Таёжный! Ну, а как вопрос дорожный?

Я затылок почесал и, помедлив, отвечал:

– Ах, земляк, и тут мы гоним ту же линию. Весной на мостах исправно тонем, а в болотинах – зимой. Открываю по секрету: уж чего другого, брат, а дорог у нас... и нету.

– Что же «лица»-то глядят? Как они-то допустили? Ведь они-то под мостом тоже тонут, чать, гуртом?

– Ну, у них... автомобили... и казённые, притом...

Ерофей главой поникнул, что-то хмыкнул и воскликнул:

– Погоди! Да как же так? Что-то путашь ты, земляк! Намотал ты Ерофею разных бабьих небылиц! Ведь у вас же разных «лиц» девяносто шесть страниц?

– Девяносто шесть и с гаком!

– Что же ты меня оплёл, в рот те пару шанег с маком? Как же так у вас – ни школ, ни дорог, ни медицины? Каковы тому причины?

Тут и я освирепел:

– Да чего ко мне ты лезешь?

– А чего ты, паря, гредишь? Ишь, башку мне завертел. Я с тобой, молокососом, от души, а ты... Пошто тут у вас идёт не то?

– Обратись с таким вопросом к ведьме, к чёрту, к сатане!

– Нет, а ты скажи-ка мне...

Я, как тигра, встрепенулся:

– Эй, послушай! Уходи! Сгинь! Рассыпья! Пропади! Я тебя!..

И вдруг очнулся.

...Слава Богу, то был сон...

...Это – только фельетон...

СИМВОЛ

Составлено три протокола за крайне антисанитарное состояние дома, принадлежащего главному управляющему государственным здравоохранением проф. Рейну [333].
(«Биржевые ведомости»)

Обнажим благоговейно
Мы главы пред ликом Рейна:
Ныне всех он превзошёл!
Попадать старались «лица»
На «скрижали», на «страницы», –
Он же – прямо в протокол!

РЕДАКЦИОННАЯ КОРЗИНА

Меланхолический отрывок

Зияя проволочной пастью,
На семь восьмых уже полна,
С какую ненасытной страстью
Подачки новой ждёт она!
Каких тут нет «произведений»!
Смешались в общий пухлый груз
И громы смелых обличений,
И тихий лепет юных муз.
И о почтовом беспорядке,
О драке прачек на плотях,
И о писцах, берущих взятки
В полу-присутственных местах.
Стихи: «Наташе с телехвона»,
Стихи о пенье соловьёв
И старые стихи Надсона [334]
За подписью «Ермил Ремнёв».
А сколько разных псевдонимов,
Прозрачных, ясных, как хрусталь!
О взятках пишет «Нелюдимов»,
О драке прачек «Грустный Наль» [335].
А сколько маленьких укулов

По адресу соседских кур,
Не признающих частоколов
И делающих хищный тур
Во двор ближайшего соседа.
Вот обличенье дармоеда –
Чьего-то серого козла,
Творящего так много зла
Соседям. Экая скотина!
«Ну, погоди. Дай палку взять»...

Стоит бесстрастная корзина,
Зияет роковая пасть...

ПОЛОЖЕНЬИЦЕ!

*Власть бессильна бороться с мукомолами. Вся надежда
на печать. Может, она образумит их.*

(Слова одного чиновника)

В этом случае печать
Не должна уже молчать!
Не щадя крутых глаголов,
Пусть отныне мукомолов
Будет громко обличать!
Пусть грозит судом Господним,
Или адом преисподним,
Укоряет и стыдит,
Пусть о совести твердит,
Пусть прикрикнет эдак строго:
«Али вы забыли Бога!
Али нет у вас стыда!
Стыдно, стыдно, господа!»
Коль он глух к таким напевам,
Пусть печать, ввиду сего,
Пригрозит народным гневом...
Только... знаете... того,
Чтоб не так уж очень зычно,
А тихонько, поэтично,
Так сказать – аллегорично,

Так, чтоб, знаете, слегка.
Ибо, дай вам волю только,
Вы наскжете им столько,
Что не влезет в три мешка.
Выражайтесь мягче, чище,
А не так, чтоб, как медведь,
Чтобы сразу на три тыщи,
Даже с гаком, налететь [336].
У печати есть возможность
Довести их до стыда,
Но, конечно, – осторожность,
Осторожность, господа!
Власть бессильна в этой роли,
Вся надежда на печать!..
Но... того... приятней, коли
И она начнёт... молчать!

* * *

В беседе с сотрудником «Биржевых ведомостей» обер-прокурор Синода Раев [337] заявил: «Не понимаю, о каких это тёмных силах идут речи».

Тщетно голову ломаю
И виски руками жму:
Ничего не понимаю,
Как, и что, и почему?
Шарю в комнатах со свечкой,
В кухне, в птичнике брожу,
И ни в ванне, ни за печкой
Тёмных сил не нахожу.
Даже спрашивал кухарку,
С кучерами говорил,
Звал рассыльного Макарку –
Нет, не знают тёмных сил.
Правда, слышал краем уха,
Как Васильевна, стряпуха,
Говорила в кухне вслух
С прачкой, старую Ненилой,

Что зовётся «тёмной силой»
В деревьях нечистый дух.
Если так, то как же можно
В кабинете быть ему?
Это дико и – безбожно, –
Абсолютно невозможно!
Хоть убейте – не пойму.
Может, просто в деле этом
Померещилось газетам,
И они – давай писать
Грудю сказок нечестивых,
Чтоб людей благочестивых
Для потехи – испугать?!

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Всякий знает дом гигантский
В полквартала шириной,
На углу Американской [338]
И Большой [339].
Великаном плосколицым
Он стоит, в немую высь
Молчаливым острым шпичем
Упершись.
И не только что квартальный, –
Знает всякий мещанин,
Этот дом – универсальный
Магазин [340].
По будням (шесть дней в неделе)
Возле дома взад-вперёд
Суетится по панели
Всяк народ.
То приходят, то уходят,
Поминутно входят в дом,
Ажно двери так и ходят
Ходуном.
А как ночь – из караулки
Страж идёт, вора на страх.

Он в дублёной барнаулке [341]
И пимах [343].
А за стражем, невзирая
На метель и на мороз,
Ходит, изредка взывая,
Старый пёс.
Пёс бывалый, поседелый,
Пёс уже не молодой,
Пёс, нельзя сказать, что белый,
А седой [344].
Видно, был он в передраге:
Хвост обрублен, сбоку – дран.
Кличка старого дворняги
«Матюкан» [345].
Ходит он, хвостом виляя,
Зорко смотрит в тишину,
Иногда сердито лая
На луну.
Вдруг, вскочив, как от удавки,
Подымает кверху нос:
Это ветер запах Каффки [346]
Вдруг нанёс.
Ощетинится, встряхнётся
Пёс, озлится через край,
И немедленно польётся
Хриплый лай:
«Ты – австриец!
Гам! Гам! Гам!
Кровопивец!
Я те дам!
Словно пташку
Задушу!
Дай-ка, в ляжку
Укушу!
Лезешь в чехи!?
Гам! Гам! Гам!
На орехи
Я те дам!
Лишь увижу

Наяву –
Рррасковрижу!
Рррразорррву!»
Лай слышав исступлённый,
Как от стаи злых зверей
Удирает всяк крещённый
Поскорей.
Даже сторож в барнаулке
Шепчет: «Эка! Ну и пёс!»
И бойцу кусочек булки
Тычет в нос.
Проглотив, сейчас же вправо
Повернуться пёс спешит,
В ту сторонку, где управа,
И рычит:
«Без всякой приправы
Сожру в одночасье
Всё зданье управы
С пожарной частью!
Аль зубы не крепки?!
Сглону, как мякину!
Прищепенку [347] – в щепки!
А прочих – в лучину!
Зубакина [348] – зубом!
Никольского [349] – колом!
А прочих – сугубым
Собачьим глаголом!»
Пёс ярится и грохочет,
Словно впрямь ночной порой
Проглотить управу хочет
С каланчой.
Долго лает, но, смолкая,
Утомясь, домой идёт,
По дороге забегая
Под заплот.
Обмочив порог управский,
Он бредёт устало спать
В конуру свою по Графской,
35 [350].

ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Маленькая трагедия

Действие разыгрывается на фоне военного положения.

Читатель, в позе Катона [351], бия руками в перси [352], укоряет *Писателя*:

Гляди! Вдали кипит бурливый
Поток, сменив былую тишь,
А ты лежишь, а ты молчишь,
Как раб лукавый и ленивый!
Проснись! Дремоту прогони,
Будь ядовитым и весёлым
И снова жги сердца глаголом,
Как в оны дни! [353]

Писатель (меланхолически):

Но... по статье постановленья
Мне запрещён шум грозных битв,
Ведь я рождён... для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
Таков указ получен свыше,
А посему, *Читатель*, тише!

Читатель:

Позор! Неслыханный позор!
Твои слова нахально-жёстки!
Я презираю с этих пор
Тебя от пяток до причёски!

Писатель (удручённо):

Конечно, ежели... кабы...
Я принял бы удар судьбы,
Кабы в такую пору
В тебе я чувствовал опору.

Читатель:

Да Господи! Да Боже мой!
Да я же за тебя горой!
Я за тебя, о, друг и брат,
Пойти на поселенье рад!
Ей-богу ж! Господи! Дерзай!
Ну, начинай!..

Писатель начинает жечь сердца глаголом, но моментально является городской. Писателя ведут, *Читатель* спешит оправдаться:

Так, почтенный кавалер!
Так его! Запрячь в солонку!
Чтобы, значит, был пример
Прочим, язви их в печёнку!
Он ведь тут – такой нахал! –
Революцию пуцал!

Писателя уводят. *Читатель* понемножку приходит в себя и роняет слезу:

Жалко парня! Ну, дак что ж?
Что посеешь, то пожнёшь!..
Уходит спать.

ЭЛЕГИЯ

На стенке новый календарь
Висит отменно-франтовато.
Опять январь!
Ура, ребята!
Опять надежды полный груз
В душе мы бережно скрываем...
Двенадцать! Ну-с!
Мы отплываем!
Куда нас курс теперь ведёт?
Куда плывём? К какому порту?
Назад? Вперёд?
Иль в зубы к чёрту?
Туманна даль. Нет маяков...
Нигде луч света не маячит.
Ну, что ж! Таков
Удел наш, значит!
Как быть нам? Руки ли сложить,
Отдаться прихоти теченья?
И отложить
Все попеченья?
Нет, мы поставим паруса
И – марш вперёд! И пусть взорвёмся,

Чрез полчаса
На риф нарвёмся –
Ну, что же! Так тому и быть.
Что лучше: пострадать от взрыва
Иль сгнить
Заживо?

«ЖЕРТВА РЕЖИМА»

Накипь революции

Пётр Иванович Безглаголов
(Из амурских мукомолов) –
Жертва старого режима!
Столько видел он уколов
От различных протоколов,
Что уму непостижимо!
Поплатился он жестоко
(Двадцатью пятью рублями!)
За несоблюденье срока
Платы земского оброка,
И за грязь в помойной яме.
В дополненье к той обиде
Три дня высидел в участке
За скандал в нетрезвом виде
(Обольстительной сальфиде [354]
Выбил зубы – «для остратки»).

Посему-то, а отчасти
По причине ревматизма –
Стал врагом монаршей власти
И врагом абсолютизма.
Посему, на стуле стоя,
Он в общественном собранье
Вопиет перед толпою,
В грудь себя бия рукою,
О «неслыханном страданье»:
«Я томился в гнусных узах!
Я всегда влачил оковы!

Бить их надо, толстопузых,
Без суда, без никакова!»

Пётр Иваныч Безглаголов
(Из амурских мукомолов)
Речь сказал с большим захватом:
Быв объектом протоколов,
Жертвой царских произволов,
Стал он ныне – «демократом».

ПЕРВЫЙ!

В кабинете арестованного Гондатти [355] найдено полтора пуда опиума.

Из шталмейстеров [356] да в тати [357]
Перечислили Гондатти!
Вот они каки дела-те,
Брате бюрократе!
Пять годов стоял на страже,
Юбилеи правил даже
И – попался чуть не в краже:
В опийной продаже!
Чином равен был хутухте [358].
Чин такой, что прямо – ух-те!
А попался на продохте,
Вроде как на фрухте!
С утра он заниматься шёл
Под той же самой кровлей:
Искоренением крамол
И опиеторговлей.

ТОЖЕ «ТОВАРИЩИ»

Крупный чиновник Икс записался в члены с.д. группы; в с.р. группу [359] записался крупный чиновник Игрек.

Вот один из самочинных
Результатов нашей встряски [360]:

В москательных [361] магазинах
Не хватает красной краски.
При нагаечном режиме [362]
Были сурик и румяна
И велась торговля ими,
Главным делом, для шантана [363].
Ими там весьма успешно
Ремонтировались лики;
Спрос-то был на них, конечно,
Но отменно невеликий.
А теперь в китайских лавках,
Оттеснив простонародье,
Иереи в камилавках [364],
Благородья, вашкородья,
С орденами, со звездами
И во всей своей оснастке, –
Посиневшими устами
Просят фунтик красной краски.
Икс, вчера дробивший «жабры»
Мужикам собственноручно
И в тюрьму сдававший храбро
Всех крамольников поштучно, –
Зет, не могший без нагайки
Показаться среди народа,
Предводитель грязной шайки,
Беспардоннейшего сброда, –
Все они сейчас взирают
Непорочно, словно дева,
И ордою напирают
Влево! Влево! Дальше влево! [365]
Эти злые паразиты, –
Все они в течение суток
Перекрасили ланиты
Наподобье проститутток,
И, «левее» свыше меры,
Повернувшись вмиг на пятке,
То в эсдеки, то в эсеры
Прут «в упрощенном порядке».
И стрекочут, как сороки,
И наводят спешно глянец...

Но покрашенные щёки –
Не румянец! Не румянец!
Грязь и пену после бури
Бодрый ветер сгонит дружно,
И волков в овечьей шкуре
Нам, товарищи, не нужно!

СИМВОЛИЧЕСКИЙ САНОВНИК

Бывший министр Бобринский [366], ввиду преклонного возраста, просил приехать арестовать его на автомобиле.

Ведь была же сила в парне:
В кулаке держал всю Русь,
А дойти до «буцыгарни» [367]
Не решился: «Развалюсь!»
Еле-еле дух-то в теле!
Поведи его пешком –
Он усыплет все панели
На три четверти песком!
Чтоб избежать этой пыли
И чиханья, – хошь не хошь,
Старика в автомобиле
Напоследок отвезёшь!
Прокатили – любо-мило –
До острога старину!

А была когда-то сила:
В кулаке держал страну!
«Эка, – думали, – махина!
Чтоб осилить – нужен срок!»
А на деле – гниль, руина,
Червоточина! Песок!
Только ветра дуновенье
Пронеслося по низам, –
Всё и рухнуло в мгновенье
Вверх тормашками к чертям!

ОБОРОТНИ

*Пришковая полиция со Стойбы [368] телеграфирует:
«Ура! Да здравствует Учредительное Собрание!»*

Ещё кулак не отдохнул
От раздробленья зуб и скул;
Ещё не скрылась без остатка
В карман очередная взятка, –
Ещё течёт, как дёготь густ,
Поток «словесности» из уст, –
И вдруг, по щучьему веленью,
Не дав промчатся и мгновенью,
Толпа охранников орёт:
«Ура! Да здравствует народ!»
И вся полна желаньем гордым
Опять начать хлестать по мордам
Всех тех, кто в этот самый миг
Не испустил такой же крик.
И вот со Стойбы в город прямо
Летит шальная телеграмма
(Увы! Оплачена сполна
Вчерашней взяткою она!).
Пройдёт полдня – и гордый пристав [369]
Примкнёт к рядам максималистов [370],
А горных стражников полки
Запишутся в большевики.
И скажут, глянув оком смелым:
«Товарищи! Вам грешным делом
Мы зубы выбили вчера.
Не обижайтесь! Ура!»

В МИНУТУ РАЗДУМЬЯ

Нам врагов народных козни –
Твёрдо верю – не страшны!
Я боюсь партийной розни,
Полемической войны.
Я боюсь, что, как и в пятом [371],

Увлечёмся мы борьбой
Не с народным супостатом,
А опять между собой;
Что отважные эсдеки
На эсеров налетят,
И словес ненужных реки
Вновь, как в пятом, забулчат;
Раздробясь на двадцать станов,
Бесконечно будем «преть»,
И на Ленина Плеханов
Вновь насядет, как медведь;
Неужель грызнёй подобной
Заниматься нам опять,
Чтоб в борьбе междоусобной
Царство Божье проморгать?!

* * *

Чем агенты старой власти
Занимались в стране?
Избиеньями – отчасти,
И хищеньями – вполне.
Было много татей [372] злейших,
Расхитителей казны,
Начиная с августейших [373]
До урядничьей шпаны,
Крали, жадно загребая
Из казённого мешка,
Начиная с Николая [374]
До последнего шпика.
Баста! Кончился приятной
Хищной жизни шумный ход!
Всех их нелицеприятный
Суд народный ждёт!

В ДЕНЬ БЛАГОВЕЩЕНЬЯ [375]

*...На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

Пушкин [376]

Пётр Ильич, икнув степенно,
Дверцу клетки отворил,
И от чижика мгновенно
След простыл:
Канул в небо в миг единый,
Тишину пустынных нив
Марсельезою [377] чижиной
Огласив.
Пётр Ильич махнул рукою
И сказал с улыбкой: «Что ж?
Ничего! Опять зимою
Попадёшь!
Вы весной-то больно прытки!
А зимой раз пять на дню
Сами лезете к Никитке
В западню.
Полетай, аль сядь на ветку, –
Всё единственно, дружок:
Чуть зима – пожалте в клетку,
Под замок!»
Пётр Ильич мягкосердечен,
Добродушен через край;
После смерти обеспечен
Ильичу небесный рай.
Без кутьи [378] и без коврижек,
Без кафизм [379] и без стихов
Ильичу замолит чижик
Сто грехов.
Но сверх меры сердобольным
Не резон порою быть,
И не всяким пташкам вольным
Можно дверь открыть!
Пётр Ильич! Не будь разиней!
Подержися! Не зевай!

И добытой
Птицы Синей
Ты из рук не выпускай!
Проворонить пташку
Воли
Можешь, если сердцем прост!
Упорхнёт – насыпать соли
Не успеешь ей на хвост! [380]

«КУХАРКИНЫ ДЕТИ»

В саратовском губернском земском собрании, при обсуждении вопроса о земских стипендиях, председатель собрания член Государственного совета Ознобишин [381] и гласный граф Олсуфьев [382] энергично настаивали на разделении стипендиатов на детей «служащих» и «служителей». Оба оратора, не краснея, предлагали лишать «кухаркиных детей» стипендии в средних школах, причём говорили следующее:

Ознобишин:

Милым отпрыскам кокарды,
Эполет и портупей
Угрожают лангобарды [383]
Из кухаркиных детей.

Граф Олсуфьев:

Я присоединяюсь!

Ознобишин:

Набралось этой швали
В школу – места просто нет.
Деды лаптем щи хлебали,
Внуки – в уни-вер-си-тет!

Граф Олсуфьев:

Печальное явление!

Ознобишин:

Мишки, Ваньки да Антипки,
Дай того им, дай сего, –
И ободраны, как липки,
Наши Пьеры и Вово!

Граф Олсуфьев:

Каково?

Ознобишин:

От казённого-то кошта [384]

Мы и сами не бежим,

Ведь стипендия не то что

Никому не нужный дым!

Граф Олсуфьев:

Само собою разумеется!

Ознобишин:

Инородец ныне в кухне!

Вот тебе и повара!

Ты за них на службе пухни!

А они – в профессора!

Граф Олсуфьев:

Покорнейше благодарю-с!

7. «НАРОДНОЕ ДЕЛО»

ДЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Дождик льёт, как из ведра,
А на зонтике – дыра.
Хоть ребятки под зонтом,
Только толку мало в том.
От макушки и до пят
Измочило всех ребят.
Хоть измокла мелкота,
Но нейдёт из-под зонта.
Дескать, худо, ну, а всё ж,
Мы обманываем дождь;
Хоть и мочит, и сечёт,
Но вылезать не расчёт.

Не подобно ль мелкоте,
Поступают также те,
Кто боится глянуть ввысь
И трусливо мнит спастись
От сверкающих лучей
Под заслонками печей;
Все, кто лезет под кровать
О «спокое» воздыхать.

В «хате с краю» в наши дни
Остаются лишь одни –
Те, кому родной народ
На мозоли грубо жмёт,
Чьи глаза, как у сыча,
Сразу слепнут от луча.

Поглядите лишь вокруг:
Не любой ли паре рук
Приготовлен и станок,
И резец, и молоток!
Крайне нужен там и тут
Животворный бодрый труд.

ХОЗЯИН ТУТ

*28 ноября – приход хозяина земли русской: открытие
Учредительного собрания [385].*

Возвратившись из отлучки,
Он к воротам подходил.
Глядь, а дом во власти кучки
Безнаказанных громил [386].
Двор заплёван и загажен,
На дрова порублен сад,
И разит на триста сажень
Спиртуозный аромат.
Всё, стоявшее на полках,
Всё разбито на куски,
А в стенах, в угрюмых щёлках
Завелися прусаки [387].
Всё, от центра до окраин,
Перевернуто вверх дном...
Что-то сделает хозяин?!
А увидим! Пождём.

НА УЛИЦЕ

– А слышали, будто наши
Снова взяли Моонзунд [388]?
– Ну? Неужто? Вот так фунт!
Побегу сказать мамаше!
– Враки! Бредни! Ложный слух!
– Но, помилуйте, я эти
Вещи сам читал в газете,
Даже в двух!
– А потом, что будто Троцкий [389]
Всех Вильгельмов [390] низложил,
А Совет владивостоцкий
Приамурье отложил?
– Разве? Что-то в этом духе,
Верно, было: сам читал.
Но, быть может, только слухи?
– А слышали про скандал?
На Амурском-то базаре?
– Нету! Что вы: в Альказаре! [391]
Про побоище-то? – Вот!
Как же! Знает весь народ!
Было дело под Полтавой!
По щеке, да, слышь, по правой!
– Говорят, что будто в кровь?
– Как же! Да, а слышно вновь,
Каледин [392] чего-то взял там?
– Нет, не то: не Каледин,
А какой-то господин
Предложил мириться балтам!
– А они? – Само собой,
Отклонили. Даже Рада [393]
Высылала два отряда,
И, под Вяткой будто – бой!
– Ой-ой-ой!
– Ну, а Ленин? – Что же Ленин!
Он того, само собой.
– Да! А рубль-то как оценен?
В три копейки! – Ой-ой-ой.

Подслушал Амурец

8. «ДЯТЕЛ, БЕСПАРТИЙНЫЙ»

АВДОТЯ АНДРЕВНА

Авдотья Андревна настроена гневно...
Ах, дайте же ей валерьянки!
Авдотья Андревна теперь ежедневно
Её потребляет две склянки!

Авдотья Андревна страдает душевно
И чахнет в душевной истоме...
При этом, конечно, страдает сердечно
В таком же, пожалуй, объёме.

Ах, эта свобода! До прошлого года
Всё было так просто и ясно:
Разезды, наряды, балы, маскарады!
А ныне? Ужасно! Ужасно!

Представьте: Одарка – простая кухарка,
А, глядь, записалась в эсдечки [394].
То праздничный отдых, то речь о свободах –
Отбилась от рук и от печки!

Поставит котлету, сама – за газету,
Как будто бы эрцгерцогиня! [395]

Того не дожарит, а то переварит,
А всё из-за чтенья, разиня!

Помилуйте: в среду, когда мы к обеду
Потапа Антоныча ждали
(Наш старый знакомый, торгует соломой
При полном своём капитале),

Так наша Одарка, дурёха, дикарка,
Презренное это созданье, –
Вдруг: «Барыня, ноне мы с горничной Соней
В двенадцать идём на собранье!»

Собрание!!! О, Боже! За что же, за что же
Такое для нас испытанье!
Ах, эти поганки! «Мы ныне граждански!»
У прачек, представьте – собранье!

Я так и присела, как снег, побледнела,
В груди началось колотьё.
И тут мало-мало её отчитала –
Себя не могла побороть я!

И что же? Смолчала? Ничуть не бывало,
Я – слово, она мне – пятнадцать,
И так-то, и этак! Потом, напоследок,
Минут, может быть, через двадцать,

Свои все пожитки собрала до нитки
И, знаете, просит расчёту!
Просила, стыдила, чуть-чуть не молила,
Умаялась даже до поту!

Ну, время! Ну, нравы! Решительно правы
Знакомые наши Петровы:
От этой разрухи погибнем, как мухи,
Попомните это вы слово! –
Пока иностранцы – хоть американцы,
Хоть прочие – к нам не нагрянут.

Возьмут нас, устроят и всех успокоят,
Порядки иные настанут...

Ах, эта свобода! До прошлого года
И пикнуть не смели, буянки!

Авдотья Андревна настроена гневно,
Ах, дайте же ей валерьянки!

ПОЧЕМУ МУКА СТОИТ ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ

Приуныл обыватель наивный:
«Боже! – вопит он в скорби своей, –
Это что же? Пшеница – пять с гривной.
А мучица-то... Девять рублей!!!
Девять рубликов – хочешь, не хочешь –
Заплати, да при том – без мешка!!
И без эстаго слёзыньки точишь,
И без эстаго доля тяжка!
Прежде был я – как яблок наливный,
А теперя – как спичка! Ей-ей!
Это что же? Зерно-то – пять с гривной,
А мучица-то девять рублей!!!!!»
О, наивный обыватель!
Как же глуп и тёмн ты!
Загибай за мной, приятель,
На руках своих персты!
Ну, считай: зерно – пять девятнадцать,
А теперь гляди, земляк:
Чтоб отмерить, сыпать, взвесить –
Положи ещё пятак.
Полпроцента на утечку
(Ведь известно: всё течёт,
Хоть порой течёт не в речку,
А совсем наоборот).
На утечку, на раструску,
На подноску, на разгрузку,
На усыпку,

На засыпку,
На подсыпку,
На рассыпку,
Тут, приятель, как-никак,
А добавишь четвертак.
Дальше: возчики,
Переносчики,
Посыльные,
Рассыльные,
Да затем на контрагентов
Тоже надо что-то дать.
Хошь не хочешь, а процентов
Положи, примерно, пять.
Дальше – подходим к помолу:
Тридцать копеек гони мукомолу.
Затем – на сальце,
Чтоб смазать пальцы,
На рассыпку, на раструску,
На поскрёбку, на разгрузку.
Пока мука дойдёт до куля,
Глядь, набежало ещё до рубля.
А пока доставишь в лавку –
Тоже сделаешь прибавку:
На извозчиков,
Переносчиков,
На утечку,
На раструску,
На погрузку,
На разгрузку,
Да на это, да на то,
Да за это, да за то.
Дальше: членам комитета,
На чернила, на журнал –
Сколько в месяц выйдет это,
Я пока не сосчитал.
Чтобы счесть, сколь пуд утратит,
Чтобы всё принять на вид –
Я боюсь, перстов не хватит
И у всех, кто тут сидит.

Пока кусок донесёшь до рту,
 Почти весь он уходит к чёрту:
 На утечку, на раструску,
 На упечку, на разгрузку,
 На господ на мукомолов,
 На писанье протоколов,
 На распылку да на куль...
 А в рот-то достаётся – нуль!

БЛАГОДЕТЕЛИ

Во внутренние дела России вмешиваться не намерены.
 (Заявление союзников)

В случае перехода власти к Советам, маньчжурская граница будет закрыта.

(Тоже заявление союзников)

«Хоть деритесь, хоть миритесь,
 Хоть подохните сполна,
 Хоть в навозе захлебнитесь –
 Наше дело сторона.
 Ленин, Керенский, Романов –
 Нам, поверьте, всё равно.
 На республику Иванов
 Мы рукой махнули... Но...
 Но... коль ежели случится,
 Что захватит власть Совет.
 То не можем поручиться,
 Что не выйдет камуфлет [396].
 Стройтесь сами, как положит
 Вам на душу русский Бог.
 Нас нисколько не тревожит –
 Жив Иван или подох.
 Власть и прочие предметы
 Пусть берут хоть чёрт, хоть поп,
 Но коль власть возьмут Советы –
 Мы сейчас границу – хлоп!
 Ваша внутренняя склака –

Разбираться вам самим.
Но – чуть что – в мгновенье ока
Фунта хлеба не дадим!»

Эй! Желудок! [397] Слышь, негодный,
А когда же ты успел
Стать землёй международной,
Вроде Дарданелл? [398]

ПАРТИЙНЫЕ О БЕСПАРТИЙНОМ

Первый наш вылет произвёл всё-таки некоторое впечатление на местную партийную печать. На минутку перестали спорить о «властьсоветстве» [399] и отдались очарованию беспартийности. Не можем отказать себе в маленьком баловстве: выписываем то, что говорят про нас другие.

Орган социал-демократов меньшевиков «Голос труда» [400] пишет:

«– Дятел беспартийный! Дятел беспартийный! – кричат на улицах газетчики.

Ага, вышел, значит.

– Вышел, дяденька, прямо из дупла.

– Настоящий?..

– Самый настоящий, с красной головкой, в зелёной обложке.

Первый номер покупался нарасхват.

Программа журнала выражается в двух фразах: “Да здравствует солнце, да скроется тьма!” и “Долой глупость и невежество!” Вместо рецензии приведу маленькую сценку, которую мне пришлось наблюдать на заседании Исполнительного Комитета [401].

В руках у одного из членов зелёная книжка.

– Читай вслух...

Чтение характеристики гласных сопровождается взрывом хохота¹.

– Скоро и нам достанется...²

– Всем, всем...

¹ Даже большевиков развеселил!!! – *Примеч. автора.*

² Да, уж будьте спокойны! – *Примеч. автора.*

- Надо заседание открывать, бросьте чтение...
Ноль внимания... Чтение продолжается. На лицах улыбки...
– Вы, кажется, забыли о переходе власти.
– Погоди, дай дочитать...

Первый номер “Дятла” встречен публикой радушно и, надо полагать, что “Дятел” окончательно поселится в пределах нашего города».

«Дятел»-то с удовольствием бы, да ведь вы, лешие, вдруг стрелять начнёте!

Дайте слово, что стрельбы не будет – поселюсь. Окончательно! И даже подписной цены не увеличу!!

Орган Амурского союза республиканцев [402] «Амурское эхо» пишет:

«13 января вышел первый номер журнала.

Мы с интересом ожидали его выхода, и он более чем оправдал наши ожидания.

Номер редкостно интересный, полный весёлого блестящего остроумия. Ряд вещей “Дятла” украсил бы страницы знаменитого “Нового Сатирикона” [403] с той лишь разницей, что для нас, благовещенцев, “Дятел” интереснее, так как персонажи “Дятла”, его темы – наши знакомые, наши благовещенские лица и думы. В доказательство с удовольствием приводим некоторые шутки “Дятла”».

И приводит. И пишет дальше:

«Поразительно по таланту – сжатости, силе и красоте такое осьмистишие».

И опять приводит. И пишет дальше:

«Из приведённых нами отрывков из “Дятла” явствует, что новый журнал – явление выдающееся, в особенности для провинции.

Искренне поздравляем редактора – Ф.И. Чудакова с заслуженным успехом, который мы предсказываем “Дятлу”».

Спасибо на добром слове!

Одобрительные отзывы столичной и заграничной печати и лестное письмо алжирского бея пока ещё не получены. Получим – напечатаем.

ЗНАЕМ, В ЧЁМ ДЕЛО

Монолог редактора

Совет Народных Комиссаров [404] постановил затребовать от всех газет сообщения имён ответственных редакторов.

(Из газет)

Как кому – а нам понятно!
Видно – в «горку» [405] лезть опять!
А надолго? Вероятно,
Этак месяцев на пять!
Точный срок – поди, узнай-ка!
Чу! Стучат... Ага, декрет! [406]
Делать нечего. Хозяйка,
Дай тюфяк и старый плед!
В тюфячок из парусины
Плед и чайник заверни:
С ними в эти палестины [407]
Шёл я дружно в оны дни.
Ах, тюфяк-то износился, –
Стар, невзрачен и плешив...
Да, мой друг, поторопился
Я сдавать тебя в архив!
Видно, нам и при свободе [408]
Жить нельзя в разлуке, брат!
Видно, мы с тобою вроде:
Ты – Орест, а я – Пилад! [409]
Помнишь год седьмой, девятый
И тринадцатого часть? [410]
Хорошо бы в номер пятый,
В ту же камеру попасть!
Чайник? Чашка? Все обнови
Все со мной! И портсигар...
Ну-с, идёмте, мы готовы –
Эй, товарищ комиссар!

ПЕСНЬ О КУЛЬДУРСКОМ КЛЮЧЕ

I. Первые исторические указания
на целебные свойства Кульдурского ключа [411]

Все – от грека Геродота [412],
От Плутарха-старика [413] –
И до дедушки Федота,
Сих вопросов знатока, –
Все историки согласно
(Загляни-ка в их труды!)
Говорят, хотя неясно,
О ключе живой воды.
Был, мол, ключ такой волшебный:
Старым юность возвращал,
Всяку хворь струёй целебной
Моментально прекращал.
Весь исчахнешь, тоньше спицы,
Лишь обмыть да и – на стол,
А хлебнёшь живой водицы
И, глядишь – плясать пошёл!
Иль изрубят парня в схватке
На мельчайшие куски,
Уцелеют бровь да пятки
Да суровые носки;
Поглядишь – полдойма жизни [414]
Не отыщешь в нём никак,
А живой водицей взбрызни –
Глядь, вскочил, и – марш в кабак!
Пили эту воду боги,
Все, от малых до больших,
И Меркурий [415] крылоногий
Водоносом был у них.
Потому-то Афродита [416]
И цвела, как маков цвет,
Не боясь от дифтерита
Умереть во цвете лет.
Эта слава лишь про нектар,
Что, мол, он богов живил...
Нет! Истории прожектор
Это дело осветил.

Нектар – дело рук хозяйских
И втирание очков
Для буржуев-Иловайских [417]
И подобных чудачков.
Может быть, для Геродота
Впрямь, что в нектаре вся суть,
Ну, а дедушку Федота
Очень трудно обмануть!
Дед Федот (его кафедра
Помещалась на печи,
Где профессор этот щедро
Тёр бока о кирпичи), –
Дед Федот определённо,
Про и контра [418] изучив,
Заявляет неуклонно,
Что, мол, нектар – глупый миф.
Да и впрямь, коль разобраться,
Нектар – квасом просто был.
Изложу сейчас я вкратце
Всё, что дедка говорил.

— — —
Пал Иван-Царевич в схватке
Средь долины роковой...
Серый волк во все лопатки
За живой летит водой.
Моментально оба с дедом
Мы с кафедры – чебурах! –
И – за серым волком следом
В семимильных сапогах!
Через рвы и буераки
Дуем прямо, напролом,
Словно гончие собаки,
Ни на шаг не отстаём.
Волк летит вперёд, как птица,
Словно раненый буй-тур.
Да куда ж он, леший, мчится?
Да пряменько на Амур!
Да, пряменько в край Амурский
Мчится он быстрее туч,
Уж на тот ли, на Кульдурский,

На волшебный оный ключ!
 Подбежал, набрал водицы,
 Лёг с минутку отдохнуть
 И опять, быстрее птицы,
 Побежал в обратный путь!
 Оба с дедом снова следом
 Мы летим за ним назад
 И потом... Но вам, чать, ведом
 Этой скачки результат?
 Как Иван-Царевич ожил
 От кульдурской от воды,
 Как он быстро уничтожил
 Двести тридцать три орды,
 Как потом словил Жар-Птицу
 Без особенных тревог,
 Как потом он Царь-Деву
 У Кашея уволок.
 Иловайский с Геродотом
 Пусть про нектар говорят...
 Мы-то с дедушкой Федотом
 Знаем всё и без цитат!

**II. Чудо с солдатом – одно из новейших чудес,
наблюдавшихся на Кульдурском ключе (1917 г.)**

Шрапнель [419] коварного тевтона [420]
 Внезапно вспыхнула со зла,
 И у Евтюткина Семёна
 Одну из ног оторвала.
 Лежал Евтюткин в лазарете,
 Безногий жалкий инвалид,
 И горевал: ничто на свете
 Ноги ему не возвратит!
 Эвакуирован в Самару.
 Потом домой отпущен был,
 И костылей сосновых пару
 В презент за храбрость получил.
 Приехал к нам он в край Амурский,
 С которым прежде был знаком,
 И, услышав про ключ Кульдурский,

Туда отправился пешком.
И что же? Только две недели
И пробыл – выросла нога!
Врачи Семёна осмотрели
И бодро крикнули: «Ага!»
И стал Семён счастливей принца!
Поёт и славит свой удел,
Хотя нога и без мизинца –
Сам виноват: не дотерпел!
Теперь махнул в столицу снова,
В большевики зачислен он.
Последний арест Аргунова [421]
Производил как раз Семён.

III. Чудо с шталмейстером Гондатти [422]

Смертный, жизнь твоя – как травка
На полянке луговой:
Подошла коза-чернавка,
Гам! – и съела с головой!
Будь силач, как бурый Мишка,
Будь ты ростом в девять фут [423], –
Но укусит комаришка –
Малярия и – капут!
Жизнь подобна лягушонку:
Скачешь, прыгаешь, как он,
Вдруг попал на глаз утёнку –
И погиб! Таков закон!
Так-то, друже! Так-то, брате!
Грустно. Скверно. Тяжело!
Вот, послушай, что с Гондатти
В старину произошло...
Всем и старым, всем и малым,
Всем известно – не секрет:
Был Гондатти либералом [424]
Аж до трёх десятков лет.
Не мундир при эполетах
Он носил, а фрак простой,
И писал кой что в газетах
Прекрамольнейших порой!

В долгом времени, аль вскоре
Был он послан на Амур –
Чтоб от Шилки и до моря
Заложить ростки культур.

Окончив экспедицию
[Неразб., типогр. брак во всех экз. – А.У.] опрос,
Подробной рапортицею
Министрам он донёс:
«Земля, мол, преобильная
И много всяких недр,
И урожаи сильные,
И дыни – ростом в метр.
Жирафы хоть и не жили
И не сбирались жить,
Но – будут, коли ежели
Да руки приложить.
Народ – живёт зажиточно
И в мире меж собой,
Торгует безубыточно
Картошкой и кетой.
Вообще, страна обильная.
Вода. Озёра. Лес.
В неё влюбился сильно я
И даже позарез».

У министра это быстро:
Раз – готово! Час пробил –
С полномочьями министра
К нам Гондатти прикатил.
Повстречали хлебом-солью.
Рады. Как же: либерал!
Как же, в рот те боб с фасолью, –
Край давно такого ждал!
Речь за речью, тост за тостом –
И словес, и вин поток!
Всякий чует, будто ростом
Прибывает на вершок.
Будет земство! [425] Пойте, дети:
Будет земство! Труляля!

Так писали и в газете,
Наше сердце веселя.

Год проходит. И другой.
Вот и третий год проходит...
Земство – эй! Ау! Ой-ой!
Где ты? Земство не приходит.
Что же, видно и опять
Буйный ветер всё развеял?
Ждём-пождём, и вот слышать:
Наш-то выставку затеял.
«А-а! – смекнули мы. – Резон!
Что ж! Недурная затея:
“Силам края” хочет он
Смотр устроить поскорее».
Всё, что можешь,ставляй,
Не таясь, для всех открыто.
Потерпел на этом край
Триста тысяч дефицита.
Слышим – верить или нет? –
Нужды края охраняя,
Выставляет на пять лет
Двух редакторов из края!
Почесали в чердаках,
Потаращили глазища...
Ждём, что дальше. Слышим – трах!
Две газеты по три тыщи! [426]
Вот так штука! Ни черта!
Ловко! Дальше – сверхсюрпризы:
Для китайцев – паспорта,
Обязательные визы,
Пятилетний юбилей
(Сверх двух прежних юбилеев)
И – венец реформы всей –
Выселение евреев!
До чего б ещё дошло
Проявленье благодати,
Если б в марте [427] не снесло
К чёрту «честного Гондатти»?!
В чём же дело? Либерал
Превратился в мракобеса?

Так угрюмо вопрошал
 Обыватель у Зевеса [428].
 И Зевес шепнул из туч
 (Я слышал, а вы – не знаю):
 «Тут виной Кульдурский ключ».
 И – ушёл напиться чаю.
 Ключ Кульдурский виноват!
 Коль воды его кристальной
 Малость выпьет ретроград [429]
 Иль романовский квартальный [430]
 – Сразу, словно от руки
 Чудодейственной Цереры [431],
 Перейдёт в большевики
 Или левые эсеры¹.
 И – совсем наоборот.
 Если, после променады [432],
 Либерал воды хлебнёт –
 Переходит в ретрограды.

IV. Чудеса ан мас [433]

Легко ли дело: чудо к чуду
 По единицам подбирать!
 Нет! Мы хотим сегодня дать
 Чудес великих сразу груду.
 Мы – не скупы. В единый взмах
 Всё выложим, что раздобудем.
 Нет, на Кульдурских чудесах
 Мы спекулировать не будем!

Систематический подсчёт
 Ни капли не даёт сомнений,
 Что был по части исцелений
 Весьма богат минувший год.
 Хоть неказист и непригляден
 Тот ключ – отколь ни посмотри, –
 Хоть он походит на Висбаден [434],

¹ Несколько примеров таких чудесных превращений будет описано в след. №. – *Примеч. автора.*

Как Сюткин [435] на мамзель Гри-Гри,
Хоть он не значится на карте
И на коробках мыл и паст,
Но то, что было в прошлом марте [436],
Ему бессмертие создаст.
То знает свет, то видят боги,
Что, вспрыснуты его водой,
Не только выростали ноги,
Но и мозги росли порой!
Когда торчком слетела с трона
Семья Романовых, и был
Нарушен ход ночных светил
Распутинского небосклона [437], –
Когда в объятья всех свобод
Усталый кинулся народ;
Когда о каждом человеке
Мы стали громко толковать,
Как об эсере иль эсдеке,
А на «ненашенских» – плевать –
Тогда для многих встал вплотную
Безотлагательный вопрос:
Успевший свой подвижный нос
Направить в сторону ошую [438], –
Как сделаться в один секунд
Из полицейского – эсером,
Чтоб, значит, таким манером
Иметь под пяткой твёрдый грунт?
И вот толпой и в одиночку,
Ползком, вприпрыжку и вприскочку
Пошли они на оный ключ.
Луна в ту ночку не светила,
Она в туман и в полог туч
Укрылась: стыдно бедной было!
А на ключе содом [439] стоял,
Великое столпотворенье:
Там выростали «убежденья»,
Левей которых с дней творенья
Мир изумлённый не видал.
Кто был доселе безразличным,
Ко всем «движеньям» апатичным,
Тот делался весьма приличным

«Эсером» иль «меньшевиком».
 Кто зубы грешных кулаком
 Дробил на всякие манеры
 И «ел жида» [440] превыше меры –
 В «большевики» или «эсеры»
 Вступал без всяких лишних слов.
 Кто за подлоги был в остроге,
 Кто был в остроге за поджоги –
 Хлебнёт водицы и – готов –
 И рысью с места – в демагоги! [441]

Кульдурский леший был смущён,
 Кульдурский леший простоватый
 Был и смущён и возмущён,
 И говорил наивно он
 Своей супружнице мохнатой:
 «Вишь, баба! Это как же так?
 Ну, фрукты, комары заешь их!»

Кульдурский леший был дурак,
 Один из самых глупых леших.

ПЕСНИ ДЯТЛА, БЕСПАРТИЙНОГО

I

Старый Дятел смотрит с ветки
 Через круглые очки:
 Всюду только этикетки!
 Всюду только ярлычки!

Всё эсеры, да эсдеки,
 Да энесы, да каде [442] ...
 Где же просто человеки?
 Люди? просто люди – где?

Ярлычки да этикетки
 Припечатаны ко лбам,
 А раскрой грудные клетки –
 Склад брошюрок и программ.

Тёмной злобой к иноверцам
Искажённые черты...
Человек с горящим сердцем,
Не с бумажным – где же ты?

Где? В какой каменоломне
Ты укрылся на ночлег?
Покажи своё лицо мне,
Эй, товарищ человек!!!

II

Беспартийный Дятел старый!
Можно ль делать «тру-ля-ля»
В час, когда свинцовой хмарой
Занавешена земля?
В час кровавого похмелья,
В час, когда вершится суд, –
Ах, к лицу ль теперь веселье,
Глупый Дятел, старый шут!
Смертоносные зарницы
Гневно небо бороздят...
В это время даже птицы
Не поют и не свистят.

Ах, Дятлово сердце такая же грусть,
И скорбь, и страдание гложут...
Но каждое сердце болящее пусть
Послужит отчизне, как может.
Мой клюв заострённый – не штык и не меч,
И перья мои – не доспехи.
Не кроются пуля, шрапнель и картечь
В моём ироническом смехе.
Я в лапке держу сатирический бич,
Змеящийся тонко и длинно.
Легучие рифмы слетелись на клич,
Вперёд, боевая дружина!
Раз, два – и вперёд! А собьёмся с ноги –
Подпрыгнем, подскочим и – ладно!
Невежество, глупость – вот наши враги!

Вперёд! И рази беспощадно!
Да здравствует солнце в короне лучей!
Враг скоро оружие положит!
Погибнем? Ну, что же! Отчизне своей
Пусть каждый послужит, чем может!

III

Когда в цепях страдал народ,
Покорный царской силе,
И палачи на эшафот
Героев возводили;
Когда повсюду кнут хлестал,
Детей и жён бичуя,
И цвет России угасал
В застенках Акатуя [443];
Когда всю Русь со всех концов
Ночь крыла чёрной тучей,
И над могилами борцов
Терновник рос колючий, –
В те чёрные, немые дни,
В те роковые годы, –
О, где же были все «они»,
«Поборники» свободы?
Когда на утренней заре
Герои шли на плаху –
«Они» дрожали в конуре
И корчились со страху.
«Они», ласкаясь, точно псы,
Подачки малой ради,
О шпоры ранили носы,
Взывая о пощаде!
Когда измученный народ
Восстал на бой кровавый –
«Они» гадали: «чья возьмёт?» –
С усмешкою лукавой.
И вот – настал желанный миг,
Великий миг расплаты,
И солнца светлый луч проник
В немые казематы.

Народ свободен. И огни
Горят зари великой.
И вот тогда пришли «они»
Толпой шумливо-дикой.
«Они» протиснулись вперёд,
Топча тела героев,
И к бездне повели народ,
Кровавый ад устроив.
...Но он придёт, желанный час!
И тьма исчезнет разом!
Он вспыхнет вновь, он не погас,
Народный светлый разум!

IV

Мир!! Тюльпаны и литавры
Пусть грохочут и бряцают,
Пусть невянущие лавры
Триумфаторов венчают!
Мир!!! Пляши же с чистым сердцем,
Всяк пляши, кто только в силе!
С немцем, турком и венгерцем
Мир мы прочный заключили!
Мирррр! Желанный, вожделенный!
Бей в литавры! Бей в заслонки!
Солнцу, Марсу, всей вселенной
Рви ушные перепонки!

«Тсс... Пстой! Не прыгай, Дятел!
Обожди-ка веселиться!
Иль и впрямь, как говорится,
Ты с ума сегодня спятил?
Это в грёзах – будь уверен –
Чудеса тебе приснились:
Мы-то с немцем помирились,
Он же с нами – не намерен.
Мёд не сладок, брат, бывает,
Коль его посыпать перцем:
Помирились мы с венгерцем,
Он же с нами – не желает!

Кто-то после посмеётся,
После будут всем смешки,
А кому платить придётся
За разбитые горшки?

Свой восторг, шальной и ярый,
Поумерь-ка и запой,
И запой, о, Дятел старый, –
“Со святы-ыми упо-кой”...»

V

Очарован вольной волей,
Обыватель до мозолей
«Изработал» свой язык.
Весь избит, измят, издёрган
Говорильный этот орган,
Как дырявый половик.
Стук машин почти смолкает,
Скоро смолкнет рёв гудка,
Но зато язык летает
Пуще всякого станка.

Всем, язык избившим в ключья,
Мог бы капельку помочь я,
Преподав такой совет:
Языку дать малый роздых,
Выйти всем на вольный воздух,
Снять пиджак и снять жилет,
Крепко молот взять кузнечный
Пятернями сильных рук –
И будить простор заречный
Бодрым стуком: Тук! Тук! Тук!

Куйте скромные обновки:
Кайла, заступы, литовки,
Изогнутые серпы!
Нивы – кос и плугов просят!
Языком же – нет, не косят
Золотистые снопы.

Труд свободный, труд стихийный –
Вольной жизни лучший друг...
Дружно все, как беспартийный
Старый Дятел: Тук! Тук! Тук!

ОБЪЯСНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

От редакции. Возьмёшь иногда газету в руки, начнёшь читать, только это во вкус войдёшь, вдруг – стоп! Остановка! Такое слово встретишь, что никак ты его не поймёшь. Пробируешь читать и с начала, и с конца, и с середины, и вверх ногами – нет, хоть убей. А видно, что слово-то нужное. Такое слово, что без него никак нельзя. Сидишь-сидишь, пыхтишь-пыхтишь, да и заплачешь. Обидно! Из-за одного слова приходится всю газету бросать. А она вон – двадцать копеечек!

Автору-то хорошо. Для него эти презумпции да разные там сабот... сабот... саботракторы, что ли, – пустяки, он все науки превзошёл, а наше, читательское дело – горе одно. За свои деньги плачешь.

Вот мы, поспрошав разных умных людей, и удумали такой толкователь завести, чтобы каждое слово, будь оно хоть распролатинское – как на ладони! Загибай хоть какое – мы сейчас в словарь, и, глядишь, дело и пошло. Дураков-то нет теперь, чтобы глазами хлопать. Будет! Это при старом режиме так было, а теперь нас, брат, не обманешь. То-то!

* * *

Абсурд. – Это род чепухи. Не то, чтобы совсем чепуха, но и не так, чтоб уж и совсем не чепуха. Вроде как середка на половине. Одним словом, абсурд.

Авось. – Это слово, собственно, русское, но лучше, если б оно перешло к другим народам. Забыть бы его. Препоганое слово, ей-ей!

Адрес. 1) Написанное на конверте указание, куда снести письмо. Только почтальоны не любят таких указаний. «Мы-то, – говорят, – сами лучше всякого знаем, куда данное письмо надлежит. И несут, куда вздумается. Иногда просто на пол.

2) Лист бумаги с разными выкрутасами, который при старом режиме подносился подчинёнными своему начальству по случаю какого-нибудь торжества. Врали в таких адресах замечательно ловко, так что плохая, тонкая бумага не могла вытерпеть, и приходилось брать потолще. Но это было при старом режиме. Теперь у подчинённых для начальства только один адрес: «К чёртовой матери».

Аграматный. – Это так комиссары над прекращением печати пишут слово «громадный». Собственно, слово русское, только пишется по новому правописанию.

Алкоголизм – желание хватить спиртишки для технических надобностей. Наблюдается у человека и машин, особенно у типографских. Типографские машины страдают алкоголизмом, преимущественно, для промывки шрифтов. Иной шрифт до того напромывается, что в корректуре [444] ни черта понять нельзя, а наборщик [445] с горя попадает в участок. Иногда вместе с метражом [446].

Автономия. – Это когда всякий сам по себе. Вроде как поссорится жена с мужем, и станут каждый по отдельным домам жить. А вместе сходиться только для драки.

Анархия. – Ну, это всякий и без объяснения знает. Анархия так и будет анархия, хоть ты рассаботаж её по всем коалициям и раздекреть безо всякой ортодоксии.

Бакшиш. – Слово турецкое. В Турции значит: подарок, взятка, хабар. У нас – тоже.

Баталия – битва, сражение, драка, вообще, любимое времяпрепровождение русских граждан.

Бахус – бог вина у греков. У нас отменён.

«**Бэллум омниум контра омнес**» [447]. – Без словаря чёрта с два тут поймёшь. А значит это: «Война всех против всех». Это древние римляне так определяли теперешнее политическое положение России. И как только они догадались? Хоть и по-латыни, а верно.

«**Беспартийный, дятел**». – Вот в будущую субботу пятый номер выйдет.

Буржуй. – Бей, я его знаю!

Буряты – народ такой. По-русски ни в зуб ногой толкнуть, а тоже автономии просят. Водку из молока делают, а, подика, чать, себя тоже людьми считают.

Варшава – город такой был. Сейчас в бегах находится [448].

Варфоломеевская ночь – иркутские события в Париже [449].

Веречумб руляля – слово такое. Может быть, что-нибудь и значит. Мы не знаем.

ТОВАРИЩИ ФЁДОРЫ-СТРАТИЛАТЫ [450] АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ!

Выходит, что наши-то именины [451] в нынешнем году – кошка съела! После 31-го января велено считать сразу 14 февраля [452], а 8-е-то, оказывается, Митькой звали! И получается, что не только никаких «технических надобностей» в этом году нам не испробовать, но даже и пирог с кетой упразднён без остатка. Ленину-то хорошо! Он правит именины и на Николая [453], и на Владимира (так уже полагается для всякого городничего на Руси), а тут в кои-то веки задумаешь раз в год удовольствие себе и товарищам доставить, ан, глядь, фигу получаешь.

Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области! Что мы за Касьяны [454] им такие дались! Давайте протестовать, товарищи! Легко сказать, ведь так и собственный возраст перепутать недолго. Как считать года без именин? Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который! Может быть, тридцать седьмой [455], а может быть назад считать надо. Положение!

Фёдору Мухину [456] оно ладно, он теперь каждый день именинник, а нам-то каково? А пирог-то?

Углублять – углубляй [457], это дело не наше. Разгоняй Учредилку [458], мирись с Вильгельмом [459] – это всё ерунда! Но именины – не тронь! Это тебе не частный банк! [460]

Товарищи Фёдоры-Стратилаты всех волостей и города Благовещенска! Соединяйтесь! Давайте или контрреволюцию, или складчину устроим!

БРЕСТ-ЛИТОВСКОЕ ДЕЙСТВО

1. Из доклада Троцкого

«Пусть осмелится сейчас кайзер послать свои полки на нашу революционную Россию! Мы глубоко убеждены, что таких полков он не найдёт, а если, паче чаяния [461], таковые окажутся, то их будет так мало, что он не осмелится и подумать об этом – по-рукой этому революционные события в Германии».

2. Нашлись полки...

Паче чаянья – нашлись
 Паче чаянья – немало
 Ультиматум: «Берегись –
 Начинай войну с начала!»
 Троцкий очень изумлён:
 «Тпру! Пойдите! Подождите!
 Вы сначала за семь дён
 Совнарком предупредите!»
 – За семь? Ладно! Я готов! –
 Гофман [462] хмуро отвечает
 И спокойно забирает
 Семь большущих городов.

3. Финита ля комедия! [463]

Отцвело пустословье,
 Облетел пустоцвет...
 – «На любые условия
 Согласился Совет!»

4. Комментарий

К этой драме комментарий
 Мы дадим по мере сил:
 Что ж, германский пролетарий –
 Изменил?

Для чего он жжёт и рубит
Зданье наших всех свобод?
Он – увы! – отчизну любит!
Мы ж – ура! – наоборот!

РАБОТЯГИ

*...за это время не сделано ни одной новой молотилки, не
выковано ни одного нового плуга, ни одной новой косы...*
(Из газетной статьи)

«Подождите малость, други!
Время ль думать нам о плуге?
Мы [464] и так уже с натуги
Надорвали животы.
Целый день берёшь в прихватку,
Кто не нашего порядку.
Нюют к вечеру с устатку
Руки, ноги и хребты.

Утром встанешь – глядь, настало
Время семячки лущить.
Чуть займёшься мало-мало, –
Глядь, работы до отвала:
Первым делом – притащить
Двух буржуев до Совета.
Только справишь дело это, –
Глядь, навстречу офицер.
Значит, нужно рвать погоны,
Он начнёт чинить препоны
И покажет револьвер.
Поглядишь во все сторонки, –
Видишь, наших близко нет,
Дунешь рысью на край свет,
Ажно кричат в селезёнке.
Чуть отдышишься – опять
За работу. Дел – по глотку:
Гимназиста обыскать,
Отобрать зубную щётку –

Сверхбуржуйский инструмент
И антидемократичный.
Трём буржуйкам неприличный
Сколлонтаить [465] комплимент.
Там – слетать в один момент
В Сахалян [466], насчёт махорки:
Всех таможных распушить
На шестьсот четыре корки;
В Сахаляне совершить
Возлиянье мало-мало
(Но тихонько – без скандала,
Ибо там есть бамбучок,
Крепко связанный в пучок);
Возвратишься – надо снова
За работу: постового
За “продажность” разнести,
Кой кому постучать в темя;
Не успеешь в смак войти, –
Глядь – идти на обыск время,
Кончишь – выйдешь на базар
Посмотреть насчёт порядку,
А спина – гудёт с устатку!
Глядь – уж время на пленар [467].
Там – кричать и долго хлопать,
Аж всю ночь зудит рука,
А на речь меньшевика
Крик поднять, ногами топать.
За день с ног валишься ты.
Ляжешь спать. А спозаранок
Снова начинай с семянок!
Вот какие тяготы!
Подождите малость, други!
Время ль думать тут о плуге!
Мы и так уже с натуги
Надорвали животы!»

ЕСТЬ СЕРЕДИНА!

На земском собрании г. Губельман [468] сказал: «На одной стороне – Николай II, на другой – Советы. Середины нет. Признайте краевой комитет для объединения».

(Из газет)

На одном боку – Романов,
Штык, нагайка, пулемёт;
На другом – ряд Губельманов
И – кладбище всех свобод.
Тут и там – штыки да плётки,
А народ кряхтит в серёдке.
Ну-с, куда же мы пойдём?
Там и здесь – свобода в «нетях» [469].
– Не хотим ни тех, ни этих!
Проживём своим умом!

ЦВЕТЫ И ПЯТКИ

Буржуазия встречает немецкие войска цветами...

(Из газет)

Не пушкой, не кольцом рогаток
Встречают нонече врагов,
Одни – букетами цветов,
Другие же – сверканьем пяток.

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ К РАЗДЕЛУ I. САТИРА

Раздел «Сатира» – самый объёмный в книге, что естественно, так как Ф.И. Чудаков – прежде всего и по преимуществу писатель-сатирик. Количество созданных им сатирических произведений существенно превышает число всех иных произведений, вместе взятых.

Чаще всего Чудаков обращался к жанру фельетона, реже писал сатирические стихотворения, однако в его творческом наследии есть также басни, анекдоты, сатирические рассказы, разного рода прозаические и стихотворные миниатюры. В данный раздел включены произведения почти всех этих жанров. Сатира Ф. Чудакова представлена в издании сравнительно полно, но, разумеется, не исчерпывающе. В одних случаях отсутствие ряда произведений объясняется тем, что удалось найти не все номера некоторых периодических изданий («Зоря», «Эхо»), в других – выбором составителя, отдававшего предпочтение наиболее выразительным в художественном плане текстам.

Структура раздела определяется последовательностью периодических изданий (газет и журналов), в которых печатался Ф. Чудаков. Первый же (из восьми) подраздел включает произведения, вошедшие в единственный сатирический сборник Чудакова «Шпильки» (1909). Внутри подразделов произведения располагаются хронологически, в порядке их публикации. Исключением из этого правила являются многочастные произведения («Момус на Амуре», «Песнь о Кульдурском ключе», «Песни Дятла, беспартийного» и т.д.), публиковавшиеся в нескольких номерах. В таких случаях действует иной принцип: произведения эти печатаются в цельном виде, а отправной точкой является тот номер периодического издания, в котором начиналась публикация данного текста.

Раздел «Сатира» прокомментирован более основательно, чем все иные, в силу того, что наибольший историко-литературный и художественный интерес представляет именно сатирическое наследие

Ф. Чудакова, вполне соотносимое с произведениями лучших российских сатириков начала XX века.

1. «ШПИЛЬКИ»

Произведения, включенные в данный раздел, печатаются по изданию: *Язва*. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. 31 с.

После ареста в Благовещенске в самом начале 1909 г. бежавшего из енисейской ссылки Ф. Чудакова и отбытия им шестимесячного заключения в местной тюрьме («на горке»), он под одним из самых известных своих псевдонимов *Язва* выпустил небольшой сборник стихотворных фельетонов. Как и изданный в том же 1909 г. в Благовещенске поэтический сборник *Босняка* (Ф. Чудакова) «Пережитое», «Шпильки» до недавнего времени считались утраченными. После выхода сборника фельетонов против автора и издателя возбудили судебное преследование, длившееся несколько лет. Газета «Амурский листок» в номере за 14 февраля 1912 г. (№ 1090), в разделе «Хроника» сообщала читателям: «**Литературное дело.** Дело о привлечении к ответственности автора брошюры “Шпильки” – Язвы и издателя её Д.А. Челеби следствием закончено и передано прокурору I участка». Как следствие, в 1913 г. Чудаков отбыл в благовещенской тюрьме ещё несколько месяцев.

Сразу после выхода сборник «Шпильки» он был изъят из обращения и бесследно исчез. Спустя годы Чудаков рассказывал об этом с присущим ему чувством юмора: «Главному управлению по печати так понравился сборник “Шпильки”, что оно через прокурора распорядилось приобрести всё издание для нужд правительства и тщательно сохранять его в архивах жандармского управления. Приобретение состоялось, как говорится, “даром”, ибо денег автору не заплатили, но так как всё-таки было неловко ничего не платить, то автору дали в виде единовременного пособия шесть месяцев тюрьмы» (Дятел, беспартийный. 1918. № 3. С. 8).

«Шпильки» нашлись спустя ровно век – в 2009 году. Владельцем раритета оказался благовещенский коллекционер Сергей Николаевич Лафин, который, по его словам, адресованным автору этих строк, приобрёл сборник Чудакова года за три до этого. «Шпильки» были переплетены вместе с ещё одной редкой книгой – «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» (Благовещенск, 1901), автором которой является редактор-издатель «Амурской газеты» А.В. Кирхнер (1860–1903). Ранее эта искусственно вдвоенная книга находилась в личной библиотеке жителя г. Зея Амурской области Василия Андреевича Ланкина (о чём свидетельствует экслибрис на титульном листе). Сведений о том, каким образом, когда и от кого она попала к нему, найти не удалось. По признанию С.Н. Лафина, он не придавал особого значения своему приобретению, так как

не предполагал, что «Шпильки» считаются утраченными. Литературно-краеведческой сенсации предшествовала цепочка и случайных, и закономерных обстоятельств. Всё началось с того, что в 2009 г. автору этих строк предложили написать главу о литературной жизни Приамурья для книги о дореволюционном Благовещенске. В этой главе и было упомянуто, что сборник «Шпильки» пока не обнаружен. Затем рукопись главы попала к одному из редакторов книги – Андрею Александровичу Гаршину, а он вспомнил, что некоторое время назад видел сборник Чудакова, когда по просьбе редколлегии С.Н. Лафин приносил книгу Кирхнера. Таким образом всё «сцепилось», и открытие состоялось. Вскоре после этого копия уникального издания была передана коллекционером автору данных комментариев, и о находке было рассказано в статье: *Урманов А.В. «Шпильки» нашлись! (Об одной литературной сенсации) // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 8. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. С. 59–66. К статье прилагалась подборка фельетонов из сборника Язвы.*

После кончины С.Н. Лафина (ноябрь 2010 г.) сборник «Шпильки» перешёл его наследникам и в настоящее время хранится в частной коллекции.

«Шпильки» включают 17 произведений. Помимо 9 представленных в данном разделе текстов, это: «Куманёк, побывай у меня (*Международная песня на мотив “камаринского”*)», «Частушка», «Из Кузьмёнка (*Перевод с малороссийского*)», «Весёлый жанр», «Свобода совести», «Табачная скорбь», «Мухи», «Сон безработного шаха». Почти все произведения (за исключением стихотворения «Светлана») имеют ярко выраженную сатирическую направленность. На это указывает и псевдоним, под которым автор выпустил книгу, – *Язва*, а также название сборника. По Далю, *шпилька* в одном из прямых значений – «спица, остроконечный прут», «род острого гвоздочка»; в переносном – «намёк, либо наветка, обиняк, укор, попрек, колкое словцо». Современный словарь даёт следующее толкование: «Колкое, язвительное замечание, колкость». Колкость, язвительность – отличительные черты стиля «Шпилек». Самый любимый, наиболее органичный для Чудакова жанр – стихотворный фельетон, остро злободневное художественно-публицистическое произведение сатирической направленности, как правило, предназначенное для публикации в газете или журнале. По складу характера и темпераменту, по бескомпромиссной гражданской позиции, по художественному дарованию, наконец, Чудаков был прирождённым фельетонистом. Его талант расцветал в те годы, когда в России появилась целая плеяда блестящих сатириков – А. Аверченко, Н. Тэффи, Саша Чёрный и др., когда издаваемый в Петербурге еженедельный сатирический журнал «Сатирикон» (1908–1914) стал одним из самых популярных в стране периодических изданий. Лучшие из «шпилек» Чудакова ничем не уступают произведениям, печатавшимся в «Сатириконе».

СКАЗАНИЕ ОБ ИСААКИИ-ВИТЯЗЕ

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 3–4.

1909 год – это разгар реакции, наступившей после поражения первой русской революции. Это было время, когда власть видела в независимой печати источник опасного вольномыслия, от которого один шаг до революционной крамолы, а потому применяла целый комплекс мер давления на свободное слово: драконовскую цензуру, экономическое душение независимых печатных органов, административное воздействие, судебное преследование редакторов и авторов. Впрочем, журналистов, писателей, готовых рисковать своим положением и своим благополучием ради сохранения верности идеалам свободы, оставалось к тому времени не так уж много. Особенно это касалось отдалённой провинции, где административное давление на прессу было более грубым, а вмешательство в её дела – более бесцеремонным, чем в столице или крупных городах европейской России. Саша Чёрный писал об этом времени в стихотворении «Отбой» (1908):

По притихшим редакциям,
По растерянным фракциям,
По рутинным гостиным,
За молчанье себя награждая с лихвой,
Несётся испуганный вой:
Отбой, отбой,
Окончен бой,
Под стол гурьбой!

Реакция затронула все стороны российской действительности, жестоко ударив по демократическим иллюзиям, смертельно напугав большую часть либеральной интеллигенции. Общественную атмосферу того времени определяли растерянность и отчаяние, вызванные потерей веры в возможность демократического обновления общества. Завинчивание идеологических гаек, судебные и административные преследования, жёсткий цензурный намордник, давление официоза были столь сильны, что немало представителей интеллигенции, в том числе творческой, отрекались от прежних идеалов и убеждений. Но гораздо больше было тех, кто занял выжидательную позицию, кто не решался высказывать свои политические взгляды, а тем более действовать в соответствии с ними. Откликом автора «Шпилек» на эту общественную ситуацию, на нежелание российской интеллигенции открыто отстаивать свою гражданскую позицию явилось «Сказание об Исаакии-витязе». В этом стихотворном фельетоне Чудаков аллегорическим

сюжетом отвечает на приведённый в эпитафии вопрос из газетной передовицы. Интеллигенцию в произведении представляет витязь, оказавшийся на политическом распутье, не знающий, что выбрать – терновый венец, сытый покой мещанина или борьбу против правды и света.

1. *Крушеван Павел Александрович* (1860–1909) – журналист, прозаик, публицист праворадикального толка, известный как активный черносотенец, депутат II Государственной думы.

2. *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870–1920) – политический деятель ультраправого толка, монархист, черносотенец, один из лидеров организации Союз русского народа, создатель Союза русского народа имени Михаила Архангела, депутат II, III и IV Государственной думы.

СПЯЩИЙ КРАСАВЕЦ

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 4–5.

Один из традиционных для «прогрессивной» русской литературы периода реакции (в том числе для авторов журнала «Сатирикон») объектов сатирического изображения – сонный российский обыватель, равнодушный к тому, что происходит в стране, безучастный к настоящему искусству, к высоким общественным идеалам, требующим от него жертвенного служения. Обыватель, предпочитающий услаждать свои зоологические инстинкты и примитивные вкусы, находящийся в состоянии духовного анабиоза. В «Сатириконе», к слову сказать, по мере нарастания реакции тема разоблачения сытого и сонного царства мещанства вышла едва ли не на первый план. Российский обыватель, погрузившийся в мёртвую спячку, не желающий принимать участие в общественно-политической жизни страны, стал постоянной мишенью для сатириков. А. Аверченко писал: «Теперь вся Великая Россия сквозь сон извивается в смертельной нудной тоске» (Сатирикон. 1909. № 35. С. 3).

Позиция автора «Шпилек» в этом вопросе максимально близка сатириконовской. Качества, которые Чудаков наблюдал у большинства российских, в том числе амурских, обывателей (равнодушие, холопство, отказ от всего возвышенного, склонность к низменным удовольствиям), вызывали у него острое неприятие. Одно из первых его произведений на эту тему – фельетон «Спящий красавец».

СКОЛЬКО ИХ!..

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 6–7.

Нельзя не отдать должное гражданскому мужеству автора «Шпильек» – беглого ссыльного, находящегося в Благовещенске под гласным надзором полиции, только что выпущенного из тюремной камеры. Ф. Чудаков не мог не осознавать, что от того, насколько лояльно он ведёт себя по отношению к существующему порядку, напрямую зависело его благополучие, благополучие семьи, возможность заниматься любимым делом, его свобода, наконец, да и вся его дальнейшая судьба.

Стихотворный фельетон «Сколько их!..» – пожалуй, самая политически острая *шпилька* Ф. Чудакова. И дело не только в том, что произведение это оппозиционно по своему характеру. Самое чувствительное и самое неприемлемое для цензуры и в целом для власти (особенно – провинциальной, губернской) то, что в стихотворении подвергнуты осмеянию конкретные, названные поимённо, государственные мужи (за что Чудакову и придётся расплатиться, как отмечалось выше, новым тюремным сроком).

Столичным периодическим изданиям провести через цензуру подобные материалы было значительно проще. Так, в 1908–1909 гг. едва ли не все номера «Сатирикона» содержали язвительные намёки, а иногда и прямые выпады, направленные против государственной политической силовой «успокоения» России, против той твёрдой внутривнутриполитической линии, идеологом и главным проводником которой был премьер Столыпин. Из номера в номер журнал давал иронические и сатирические портреты администраторов-усмирителей, имена которых, благодаря прежде всего либеральным печатным органам, были широко известны на Руси. Объектом язвительных уколов сатириков часто становились наделённые в условиях непрекращающихся революционных беспорядков чрезвычайными полномочиями градоначальники и военные губернаторы, действующие в наиболее неспокойных российских регионах. Некоторые из них, прежде всего военные люди, генералы, воспринимались общественностью как диктаторы. С точки зрения российских «прогрессивных» кругов, самые одиозные администраторы этого типа: генерал-майор Думбадзе (Ялта), генерал-лейтенант Толмачёв (Одесса), генерал от инфантерии Меллер-Закомельский (Рига), князь Горчаков (Вятка). Репутация этих «столпов» правительственного порядка на страницах «Сатирикона», как говорится, не просыхала, к ним было приковано повышенное внимание авторов журнала (См. об этом: *Евстигнеева Л.А.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968). Так, А. Аверченко писал об усмирении крестьян в Вятке. По распоряжению генерал-губернатора князя Горчакова, их «прогнали сквозь строй стражников с нагайками... Били в трёх случаях: до уплаты недоимок, во время уплаты и после уплаты. Народному ликованиему не было конца» (1909. № 8. С. 11). В другом номере журнала рассказывалось о том, как в Калугу явился одессит с предложением поме-

няться генерал-губернаторами. Изумлённые калужане ответили: «Да ведь у нас тот самый, Вятский», имея в виду скандальное прошлое теперешнего своего генерал-губернатора Горчакова. Но одессит продолжал уговаривать, в полной уверенности, что хуже их градоначальника Толмачёва не бывает. О порядках, которые царили в Одессе при Толмачёве, рассказывал А. Аверченко. Герой его «Испытанных средств» – одесский обыватель Недобитов, у которого после усмирения по методу генерал-губернатора Толмачёва голова пробита железной палкой. Как объясняет Недобитову врач, «это хирургический отдел трепанации мозговых функций фармакопеи, согласно пункта девятого, первого раздела статей об усиленной охране» (1909. № 1. С. 2–3).

Ф. Чудаков выступил в своём стихотворном фельетоне «Сколько их!...», на первый взгляд, как типичный сатириконец. По крайней мере, произведение показывает, что амурский автор являлся постоянным читателем петербургского еженедельника и в целом разделял его позицию. Однако лишь до определённой черты. Отнести Ф. Чудакова всецело к лагерю либеральной столичной интеллигенции нельзя. Да, как и авторы «Сатирикона», он упоминает всё тех же одиозных стольпинских администраторов-усмирителей – Горчакова, Толмачёва, Меллер-Закомельского, Думбадзе. О первых трёх говорится в построчных комментариях к фельетону, о последнем, Думбадзе, есть необходимость сказать подробнее.

Итак, один из персонажей произведения, узник острога, представляется: «– Я Думбадзии счастливой / Горемычный гражданин!» Никакой Думбадзии в составе Российской империи, конечно же, не было. «Счастливой» Думбадзией, которую населяют «горемычные граждане», Ф. Чудаков остроумно называет Ялту – в период, когда её градоначальником был полковник (с 1907 г. – генерал-майор) Думбадзе. Иван Антонович Думбадзе (1851–1916) – известный административный деятель правых взглядов. На должность градоначальника полковник был назначен осенью 1906 г., в самый разгар революционных беспорядков. С первых же дней он заслужил репутацию твёрдого монархиста и непримиримого противника погромщиков и революционеров всех мастей. Стремясь на корню пресекать не только прямые антиправительственные выступления, но и малейшие проявления политического вольнодумства, Думбадзе действовал по-военному решительно и жёстко, не всегда считаясь с существующими юридическими нормами, без оглядки на общественное мнение (которое в ту пору было почти сплошь либеральным). Он создал в Ялте режим личного контроля едва ли не над всем происходящим, превратив город фактически в свою вотчину, в подобие государства в государстве. Журнал «Сатирикон» язвил по этому поводу: «– Вы русский подданный? – Нет, ялтинский» (1908. № 9. С. 15). Либеральные круги ненавидели ялтинского

градоначальника, «прогрессивная» пресса травила его или, в лучшем случае, иронизировала. Так, в № 4 за 1908 г. «Сатирикон» поместил выразительную телеграмму: «Генерал Думбадзе выслал в 24 часа из Ялты свою собственную шинель за ношение красной подкладки». Революционеры ультимативно требовали от Думбадзе подать в отставку, угрожая ему смертью. На эту угрозу градоначальник ответил: «Я уже собирался подать в отставку и даже рапорт заготовил по этому поводу, но теперь остаюсь на службе и докажу на деле, что никаких угроз не боюсь и остаток дней своей жизни посвящу на службу Царю и Родине». В феврале 1907 г. на Думбадзе было совершено покушение, но брошенная бомба лишь контузила его. Организатором покушения был Пётр Войков, в будущем один из убийц царской семьи. Несмотря на шумные газетные скандалы, которые сопровождали «диктаторские» поступки ялтинского градоначальника, это не сказалось негативно на его карьере, в чём, видимо, не последнюю роль сыграло личное расположение к Думбадзе Николая II. В одной из бесед со Столыпиным, касаясь событий 1905–1907 гг., император заметил: «Беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, всё пошло бы по-иному».

Разумеется, социалисту-революционеру, беглому ссыльному Ф. Чудакову всё виделось тогда совершенно иначе. Убеждённый противник царизма, он по определению не мог быть на стороне рьяного слуги самодержавия, ни при каких условиях не мог принять его сторону или хотя бы с уважением отнестись к его гражданской позиции. Взгляды автора «Шпилек» в этом отношении максимально сближаются со взглядами либеральной столичной интеллигенции.

Однако, если сатириконцы главный акцент делали на ущемлении градоначальником Думбадзе и другими высокопоставленными чиновниками гражданских свобод, на подавлении политического инакомыслия, то есть на действиях, которые наносили ущерб преимущественно левым политическим партиям, радикальной и либеральной интеллигенции, то Чудаков заостряет внимание на другом: по его мнению, от самодурства и произвола властей страдает прежде всего простой народ, «люди в серых армяках». Причём, по мнению автора стихотворения «Сколько их!..», жертвами жестокого административного насилия становятся не только подданные нескольких находящихся в центре общественного внимания градоначальников и генерал-губернаторов, а буквально всё население обширной Российской империи. В тюремном остроге (этот образ является предельно обобщённым) оказались собраны представители простого народа из Финляндии, Польши, Украины, Прибалтики, Пензы, Перми, Вятки, Рязани, Суздаля, Ярославля, Пошехонья, Тамбова, Северного Кавказа, Ялты, Сибири, Приамурья... Иначе

говоря, по Чудакову, вся Россия – не чаемый Чеховым «вишнёвый сад», а один большой острог, вселенский «дом печалей».

3. *Цепью палей* – то же, что палов (от «паль» – устаревшей формы слова «пал»), то есть цепью выжженных мест.

4. *Армяк* – верхняя долгополая распашная одежда из домашнего сукна, которую носили в прошлом русские крестьяне. Ко времени создания произведения Ф. Чудакова (1909) образ человека в сером армяке воспринимался культурным читателем как реминисценция, за которой тянется шлейф узнаваемых литературных ассоциаций. См., например, стихотворение А. Блока «Барка жизни встала...» (1904): «Песни и тревога / На пустой реке. / Входит кто-то сильный / В сером армяке».

5. Неточная цитата из сатирической поэмы А.К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868): «Послушайте, ребята, / Что вам расскажет дед, / Земля наша богата, / Порядка в ней лишь нет...»

6. *Меллер-Закомельский Александр Николаевич* (1844–1928) – барон, генерал от инфантерии, с 1904 г. – командующий корпусом. Во время первой русской революции участвовал в подавлении восстания матросов в Севастополе (1905), возглавлял карательную экспедицию на Транссибирской железной дороге. В 1906–1909 гг., занимая должность временного генерал-губернатора Прибалтийского края, принимал жёсткие меры в борьбе с революционным движением. С 1918 г. в эмиграции.

7. *Толмачёв Иван Николаевич* (1863–1931) – генерал-лейтенант. В годы первой русской революции, являясь начальником экспедиционного отряда, отличился решительной борьбой с революционными организациями в Кутаисской губернии. В декабре 1907 г. по личному настоянию премьер-министра П.А. Столыпина был назначен одесским градоначальником. В этой должности покровительствовал правомонархическим организациям города. По словам С.Ю. Витте, премьер-министра в 1903–1906 гг., политика Толмачёва, «с особенной силой преследовавшего евреев», вызывала к нему ненависть левых и либералов. Вслед за убийством Столыпина (1911) Толмачёв был отправлен в отставку. После революции эмигрировал из России.

8. *Горчаков Сергей Дмитриевич* (1861–1927) – князь, известный государственный деятель. В июне 1906 г. был назначен вятским губернатором. На этом посту проявил твёрдость и решительность, особенно при подавлении революционных выступлений. А это, в свою очередь, не могло не вызвать к нему неприязни со стороны либеральной интеллигенции. В 1907 г. на губернатора покушался бывший гимназист И.М. Левитский. В 1909 г. Горчаков был назначен калужским губернатором и пробыл в этой должности шесть лет.

9. *Гельсингфорс* – шведское название Хельсинки, столицы Финляндии, в то время входившей в состав Российской империи.

10. *Эльборус* – то есть Эльбрус, гора на Кавказе, на границе Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, самая высокая горная вершина России.

11. В старину жителей почти каждого региона России соседи награждали меткими прозвищами, определявшими некую общую особенность населения. Так, торговавшие в основном лаптями пензяки получили прозвище «толстопятые» – из-за того, что лапти у них были не такие, как у прочих, а с особой, двойной пяткой и потому очень удобные в носке и долговечные.

12. Вообще-то широкое распространение и всероссийскую известность получило иное шутивное прозвище коми-пермяков: «пермяк – солёны уши». Нужда заставляла пермяков ходить лесными тропами за две-три сотни километров к соляным заводам, что были расположены на реке Каме в районе города Соликамска, чтобы там закупать соль на целый год для всей семьи. Закинув за плечи мешок с солью, пермяк пешком возвращался обратно. За время долгого пути соляная пыль от мешка оседала у него на ушах. Отсюда, по преданию, и пошло название «пермяк – солёны уши».

13. *Тароватый* – щедрый, расточительный.

14. Шутивное выражение *ярославский водохлёб* появилось из-за особого пристрастия жителей Ярославля к чаепитию. Доступность воды хорошего качества из Волги и её притоков, зажиточность горожан сделали обильное чаепитие у самовара с баранками и пряниками традицией каждой семьи – от купцов до простых крестьян и ремесленников.

15. *Толоконник* – любитель *толокна*, овсяной муки, употребляемой крестьянами в пищу с водой или молоком.

16. *Богомаз* – неискusstный иконописец. Именно к суздальским богомазам принято относить известную поговорку об иконах: «Годится – молиться, не годится – горшки покрывать».

17. *Балахонник* – тот, кто носит балахон; бедный крестьянин (обычно с оттенком пренебрежительности). Пошехонье – небольшой город, административный центр Пошехонского района Ярославской области. В широком смысле, Пошехонье – местность по реке Шексне (прежде – Шехоне).

18. *Саламатник* – любитель *саламаты*, то есть жидкой каши из муки с маслом или салом.

ЭСТЕТЫ

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 7–8.

19. В экземпляре «Шпилек», обнаруженном в 2009 г. в одной из частных коллекций Благовещенска (об этом говорилось выше), от руки (возможно, автором) вписана фамилия этого врача – *Таубер*. Очевидно, имеется в виду *Таубер Яков Леонтьевич (Таубер-Шмуль Яков Вульфович)* – в 1910-е гг. коллежский советник, городской врач областного врачебного управления, член уездного присутствия по воинским делам, казначей и председатель благовещенского общества врачей.

Вообще же врачи, тем более названные по имени, крайне редко становятся объектом сатирического изображения в творчестве Ф. Чудакова. Самый выразительный пример произведения подобного рода – опубликованный в газете «Амурский край» в 1910 г. фельетон «В кривом зеркале» (первая его часть – «Собака и хозяин»), где выведен «шейный» доктор Прошьянц, который, по словам сатирика, «...не выправляет / И совсем не лечит – / Только “костыляет” / И слегка калечит» (см. коммент. к этому фельетону).

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 10–11.

«Колыбельная песенка» *Язвы* – одна из многочисленных в русской демократической литературе конца XIX – начала XX вв. сатирических переделок стихотворения М.Ю. Лермонтова «Казачья колыбельная песня» (1838): «Спи, младенец мой прекрасный, / Баюшки-баю. / Тихо смотрит месяц ясный / В колыбель твою....»

20. *Квартальный* (квартальный надзиратель) – с 1782 г. до середины XIX в. должностное лицо городской полиции, следившее (надзиравшее) за порядком в определённом квартале.

21. *Чёрная сотня* – в данном контексте обобщённое название правоэкстремистских националистических организаций, существовавших в дореволюционной России.

22. *Турухан (Туруханский край)* – историческая область в Восточной Сибири (ныне северная часть Красноярского края), присоединённая к России в конце XVI – начале XVII вв. В XIX–XX вв. этот суровый край стал местом ссылки, где отбывали свой срок декабристы (Н.С. Бобринцев-Пушкин, Ф.П. Шаховской), большевики (Я.М. Свердлов, И.В. Сталин) и т.д. Турухан (его окрестности) был местом ссылки и Ф.И. Чудакова.

ГОГОЛЕВСКИЙ ЮБИЛЕЙ

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 11–12.

23. Это стихотворение Ф. Чудакова органично вписывается в русло сатирической традиции начала XX столетия. Не раз использовал юбилей известных писателей как повод для обличения лицемерия государственной политики и официозной прессы петербургский «Сатирикон». Специальные номера этого журнала были посвящены юбилеям Толстого, Чехова, Гоголя. Самый яркий и острый из них – 12-й (гоголевский) номер за 1909 г. На его обложке – рисунок известного карикатуриста Ре-Ми (Николая Ремизова) «В участке». Изображённый там городской ждёт указаний от начальства по поводу столетнего юбилея автора «Мёртвых душ»: «Ваше благородие! На Толстого приказывали не пущать, на Суворина – тащить... Как теперь прикажете?» Как это ни парадоксально, «на Гоголя», казалось бы, крайне неудобного для неё, власть посчитала необходимым народ «тащить». В ряде материалов гоголевского номера проводится мысль, что государство использует авторитет русских классиков в собственных интересах – ради «освящения» существующего порядка. Пышные официальные торжества по случаю юбилеев стали для самодержавия способом препарирования, извлечения творческого наследия великих авторов, формой выхолащивания из их произведений подлинного идейного смысла. В центральном материале гоголевского выпуска – «Юбилейной газете» – с помощью остроумного обыгрывания «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинели», «Мёртвых душ», авторы «Сатирикона» демонстрируют неувядающую актуальность произведений Гоголя. Юмористически и сатирически переиначивая классические гоголевские сцены и образы, сатириконцы превращали их в средство обличения современных российских порядков. Чудаков и здесь, обращаясь к той же самой теме, что и сатириконцы, расставляет иные смысловые акценты. Он пишет о непреодолимой пропасти, которая пролегает между «сливками общества», то есть господствующим классом, интеллектуальной элитой страны, и простым народом. А причина этого разрыва, как считает автор *шпильки*, – слепота, глухота, нечувствительность к народным страданиям, непонимание чаяний «младших братьев». Но самое главное – вошедшее в плоть и кровь российской интеллигенции лицемерие, заставляющее её «с умиленным, елейным лицом» вести «игру», ломать «комедию», принимая участие в казённых официозных празднествах. В представлении рабочих, ждущих от просвещённой части общества не пустого трезвона, а «хлеба насущного» (не только в буквальном смысле, разумеется), российская интеллигенция, источающая в угоду власти приторный елей, создающая «шумиху уродскую» вокруг очередного писательского юбилея, «от жиру бесится».

ПОДВИГ

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 15–16.

Большинство *шпилек* были реакцией на события текущей политической жизни страны и (реже) мира. В них автор, сторонник эсеровских (и – шире – левых, революционно-демократических) взглядов, высмеивал своих идейных противников: лидеров и представителей консервативных, черносотенных, а также буржуазно-либеральных (кадеты, октябристы) партий, одиозных депутатов Государственной думы, недальновидных и корыстных чиновников.

Выбор тем для фельетонов и фактов реальной действительности, на которых они основывались, несёт на себе отпечаток личности автора. Так, Ф. Чудаков не оставлял без насмешливо-язвительных комментариев правительственную политику, направленную на реализацию планов премьер-министра П.А. Столыпина по разрушению общинного устройства крестьянской России. Являясь по своим взглядам сторонником эсеровской партии и предлагаемой ею земельной программы, суть которой – укрепление и развитие коллективных, кооперативных, общинных форм общественного и экономического устройства страны, автор «Шпилек» подвергает саркастическим насмешкам депутатов III (октябристской по составу) Государственной думы, поддержавших планы Столыпина. Этой теме и посвящён фельетон «Подвиг». Центр тяжести в нём, в полном соответствии с законами жанра, перемещён с непосредственного описания событий на их осмысление и анализ, а это невозможно без выражения собственной позиции – прозрачной и недвусмысленно ясной. А так как позиция сатирика радикально расходилась с позицией органов государственной власти, произведение становилось уязвимым и в цензурном отношении, и с точки зрения возможной реакции административных и судебных инстанций, а также полицейского и жандармского ведомств. Из-за включения Ф. Чудаковым в состав сборника фельетонов, подобных язвительному «Подвигу», судьба «Шпилек» (как и участь их автора) и не могла быть иной, благополучной.

24. *Таврический дворец* в Санкт-Петербурге – выдающееся произведение русского классицизма конца XVIII в. Построен в 1783–1789 гг. по указанию Екатерины II для её фаворита, светлейшего князя Г.А. Потёмкина (Таврического). В начале 1900-х гг. в Таврическом дворце размещалась Государственная дума.

25. *Минотавр* – по греческому преданию, жившее на Крите чудовище с телом человека и головой быка, происшедшее от неестественной любви Пасифаи, жены царя Миноса, к посланному Посейдоном (в некоторых источниках Зевсом) быку. По преданию, она прельщала быка,

забираясь в деревянную корову, сделанную для неё Дедалом. Минос скрывал Минотавра в построенном Дедалом Кноссийском лабиринте, куда ему бросались на пожирание преступники, а также присылаемые из Афин раз в восемь лет 7 девушек и 7 юношей (либо каждый год 7 детей). Афинский царевич Тесей, добровольно явившись на Крит в числе 14 жертв, убил Минотавра ударами кулака и при помощи влюблённой в него Ариадны (единоутробной сестры Минотавра – дочери Миноса и Пасифаи), давшей ему клубок ниток, выбрался из лабиринта.

ЗАКРЫТИЕ ПОРТО-ФРАНКО

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 23–24.

Порто-франко (итал. *porto franco* – свободный порт) – порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства. Часто создаётся при сооружении нового порта с целью привлечения грузов и увеличения товарооборота. В Российской империи порто-франко существовало в Одессе, Феодосии, Батуми и Владивостоке.

Исходным началом в фельетонах Ф. Чудакова обычно выступает жизненный факт, от которого отталкивается сатирик. «Закрытие порто-франко» – реакция автора на решение правительственной комиссии якобы исключительно ради блага простого народа ликвидировать в Приамурье режим беспошлинной, не облагаемой таможенными сборами торговли. А это, понятно, могло привести только к одному – к существенному удорожанию импортных (прежде всего китайских) товаров, к обеднению их ассортимента и, следовательно, к снижению, в конечном счёте, жизненного уровня местного населения, того самого простого народа, о благе которого якобы неустанно пекутся высокие государственные мужи. Фельетон представляет собой воображаемый, виртуальный диалог, который ведут, с одной стороны, члены правительственной комиссии, объясняющие смысл своего явно лоббистского и по сути антинародного решения, а, с другой, «скептический голос», выражающий авторскую позицию. Объектом сатирического изображения в этом и ряде других фельетонов Чудакова («Размышления патриота», «Патриот» и др.) является такая чрезвычайно активная категория государственных деятелей, правительственных чиновников, думских политиков, которая в корыстных целях лицемерно разыгрывает беспроницательную карту «патриотизма».

26. *Маклак* (устар., презрит.) – посредник при мелких торговых сделках, перекупщик, торговец подержанными, старыми вещами.

СВЕТЛАНА

Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби. Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 29–31.

Спустя девять лет за подписью *Фёдор Ч.* автор перепечатал это чрезвычайно значимое для него произведение (единственное из сборника «Шпильки») в журнале «Дятел, беспартийный» (1918. № 3. С. 8–10), сопроводив «Светлану» следующим примечанием: «Это шутливое подражание В.А. Жуковскому было напечатано в сборнике “Шпильки”, изданном в Благовещенске в 1909 году. Главному управлению по делам печати (да будет ему земля пухом!) так понравился сборник “Шпильки”, что оно через прокурора распорядилось приобрести всё издание для нужд правительства и тщательно сохранять его в архиве жандармского управления. Приобретение состоялось, как говорится, “даром”, ибо денег автору не заплатили, но так как, всё-таки было неловко ничего не платить, то автору дали, в виде единовременного пособия, шесть месяцев тюрьмы. Автор был недоволен».

Сюжет стихотворения, построенного на перефразировании одноимённой баллады Жуковского, воссоздаёт обстоятельства, которые привели из Вятской губернии в Сибирь Варвару Протопопову – невесту ссыльного Дмитрия Чернышёва, а после его самоубийства в Благовещенске осенью 1908 г. – жену Ф. Чудакова.

При перепечатке стихотворения в «Дятле, беспартийном» автор внёс в текст несколько изменений: 1) строчки «Только гул шёл от саней, / Только ветер меж ушей» заменены на «Бурный ветер средь полей, / Отставая от саней»; 2) «Окружила чернота» – на «Окружает темнота»; 3) «И ночей суровых» – на «И ночей угрюмых»; 4) «Вся в поту, дрожа слегка» – на «В страхе, вскрикнувши слегка». Кроме того, заменённую при первой публикации (очевидно, по цензурным причинам) точками строфу автор в 1918 г. не восстановил (забыл?), точки же снял. И, наконец, в конце стихотворения, ниже строки «(Продолжение известное)», автор добавил ещё одну: «(Учительское)», тем самым косвенно подтвердив, что стихотворение посвящено его жене. Как известно, после бегства Д. Чернышёва и Ф. Чудакова из Енисейской губернии в Благовещенск Варвара Протопопова (Чудакова) учительствовала, в том числе, в гимназии им. Л.Н. Толстого.

27. *Урядник* – 1) нижний чин уездной полиции в России в 1878–1917 гг., ближайший помощник станового пристава; 2) унтер-офицерское звание в казачьих войсках. В данном поэтическом контексте, скорее всего, слово употреблено в первом значении.

28. См. коммент. к стихотворению «Колыбельная песенка».

29. *Акатуй* – в данном контексте село в Забайкальском крае, в котором до революции размещалась печально знаменитая Акатуйская каторжная тюрьма.

2. «КОЛЮЧКИ»

«*Колючки*» – еженедельный (выходил по воскресеньям) «литературно-сатирический» журнал, издававшийся в Благовещенске в 1909–1910 гг. Официальный редактор-издатель – Александр Ильич Хворов, но фактически редакционную политику и направление журнала определял Ф.И. Чудаков. Объем первого и второго номеров – по 16 стр., третьего – 20, затем, после выхода сдвоенного четвёртого-пятого, журнал стал 15–16-страничным (не считая страниц, занятых рекламой). Начиная со второго номера, в журнале появились рисунки, автор которых, скорее всего, Чудаков – по стилю, манере, исполнению они похожи на его рисунки в журнале «Дятел, беспартийный» (1918). Название «Колючки», видимо, тоже придумал Чудаков, в том же 1909 г. издавший сборник стихотворных фельетонов с похожим заглавием – «Шпильки». «Колючки» печатались в типографии Г.И. Клитчоглу – то есть там же, где в 1909 г. под псевдонимом *Босяк* вышел сборник стихов Ф. Чудакова «Пережитое».

На титульном листе всех номеров – эпитафия: «Колючка остра потому, что её никто не точит. Она остра сама по себе. *Аварская пословица*». Здесь же объявление с ироническим подтекстом, свидетельствующее, что инициаторы издания не особенно надеялись на долгую жизнь своего «колючего» журнала: «ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на месяц – 40 к., на 3 мес. – 1 р. 20 к., на больший срок, ввиду могущих быть независящих от редакции обстоятельств, подписка принимается только от оптимистов и людей отчаянных». Судя по этому предуведомлению, сатирические «колючки» своим острием изначально обращены были к явлениям социально-политическим, а не частным, не бытовым. Общее направление журнала можно определить как революционно-демократическое, хотя в условиях реакции оно выражалось в полускрытой, несколько закамouflированной форме. Однако эзопов язык помог мало – удалось выпустить лишь девять номеров журнала, точнее семь обычных и один (№ 4–5) – сдвоенный.

Большинство опубликованных в «Колючках» произведений (прозаические и стихотворные фельетоны, анекдоты, «пословицы», рецензии, лирические стихи, короткие «шпильки» и т.д.) написаны Ф. Чудаковым, выступавшим, как обычно, под разными псевдонимами: *Босяк*, *Фёдор Ч.*, *Я.*, *Язва*, *Jasva* и др.

Журнал «Колбочки» сыграл важную роль и в оживлении литературной жизни Приамурья начала 1910-х гг., и в становлении Ф. Чудакова-сатирика.

ДЕЯТЕЛЬ

Jasva (Колбочки. № 1. 1909. 8 ноября. С. 11).

30. *Tutti quanti* (итал.) – все прочие.

«ПРИНЦИПЫ ФИРМЫ»

Jzva (Колбочки. № 2. 1909. 15 ноября. С. 4–5).

31. *Кунст и Альберс* – торговый дом, основанный в 1864 г. немцами из Гамбурга Густавом Кунстом (1836–1905) и Густавом Альберсом (1838–1911) и имевший филиалы во всех крупных населённых пунктах российского Дальнего Востока. Универсальный магазин «Кунст и Альберс» в Благовещенске был построен в 1894 г. Образцом послужило здание московского ГУМа. История данного торгового предприятия с немецким капиталом в Благовещенске была завершена в начале советской эпохи, в 1920 г. В настоящее время в здании расположен Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского.

32. Не вполне точная (очевидно, ради рифмы к слову «роли») цитата из стихотворения Н. Некрасова «Надрывается сердце от муки...» (1863):

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.

В обаянии счастья и славы
Чувству жизни ты вся предана, –
Что-то шепчут зелёные травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржёт жеребёнок,
Бык с землёй вырывает траву,
А в лесу белокурый ребёнок –
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»

По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны – напев соловьиный
И нестройные пiski галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, – в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушённый, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим –
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

33. *Набить кису* (устар., простор.) – то же, что набить карман.

34. Синие мундиры в дореволюционной России носили жандармы, политическая полиция.

КОЛДУНЬЯ

Босяк (Колючки. № 3. 1909. 22 ноября. С. 4–8).

35. Стихотворный фельетон «Колдунья» строится на обыгрывании сюжета популярной в начале XX в. драмы-сказки Е.Н. Чирикова «Колдунья» (1907). В основе сюжета произведения Чирикова – история молодой женщины Амфеи, которая любит красавца и удалца Алексея, но выдана замуж за нелюбимого – тщедушного и инфантильного Ивана. Амфея становится объектом домогательств своего свёкра – мельника, который пытается привязать её к себе приворотным зельем, изготовленным старой колдуньей. Болезненный Иван умирает, а мельник силой овладевает снохой. Злая колдунья берётся помочь старику избавиться от молодого соперника: она отправляет Алексея и Амфею в лес на поиск травы, которая якобы сделает юношу невидимым и позволит ему тайно встречаться с возлюбленной. Её тайный умысел состоит в том, чтобы обманом заключить их в волшебный круг, к которому колдунья собирается направить одержимого страстью и ревностью мельника. Однако из-за того, что Амфея в последний момент не решается снять с себя крестик, колдовские чары оказываются бессильны: влюблённые вырываются из круга и уходят в лес, чтобы там соединиться. В финале

пьесы заставший их врасплох мельник убивает Алексея, а безутешная Амфея оплакивает своего любимого.

Очевидно, *Босьяк* рассчитывал, что читателям «Колючек» драма Е. Чирикова известна, в противном случае эффект от остроумных переключек произведений пропадает. Вся соль заключается именно в параллелях, в сопоставлениях.

36. *Октябристы (Союз 17 октября)* – право-либеральная политическая партия чиновников, помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, существовавшая в 1905–1917 гг. Партия представляла правое крыло российского либерализма, придерживаясь умеренно-конституционных взглядов. Название партии восходит к Манифесту, изданному Николаем II 17 октября 1905 года.

37. *Дубровин Александр Иванович* (1855–1921) – русский политический деятель крайне правого, черносотенного толка, один из основателей и руководителей Союза русского народа; издатель и редактор партийной газеты «Русское знамя».

38. *Илиодор* (в миру Труфанов Сергей Михайлович) (1880–1952) – скандально известный политический и духовный деятель начала XX в., иеромонах русской православной церкви, один из руководителей черносотенного Союза русского народа.

39. «*Русское знамя*» (1905–1917) – черносотенная газета, орган Союза русского народа, на страницах которого пропагандировались монархические идеи, критиковалась деятельность либеральных и лево-радикальных политических сил, публиковались антисемитские материалы. Газета выходила под девизом «За Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное и Россию для Русских».

40. См. коммент. к *шпильке* «Сколько их!..»

41. Намёк на первую русскую революцию.

42. *Кек-уок* (*кэк-уок, кекуок*) (англ. *cakewalk*, буквально – прогулка с пирогом) – модный в начале XX в. танец американских негров под аккомпанемент банджо, гитары или мандолины, с характерными для рэг-тайма ритмическими рисунками и синкопированным ритмом.

43. *Безешка* – поцелуй.

44. «*Речь*» – ежедневная газета, выходившая в 1906–1917 гг., центральный орган партии кадетов.

45. *Булацели* – в буквальном смысле – известный русский дворянский род; в данном контексте – обитатели подводного царства.

46. *Морда* – рыболовная снасть-ловушка, сплетённая из прутьев.

47. *Милюков Павел Николаевич* (1859–1943) – известный русский историк и социолог, публицист и политический деятель, один из организаторов и лидеров кадетской (конституционно-демократической) партии (официально – «партии народной свободы»), редактор её печат-

ного органа – газеты «Речь», депутат Государственной думы III и IV созывов.

48. *Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865–1941) – один из основателей русского символизма, известный русский прозаик, поэт, критик, историк, религиозный философ и общественный деятель.

49. *Эсер* – член партии социалистов-революционеров.

50. Речь идёт о *Владимире Митрофановиче Пуришкевиче* (1870–1920) – политическом деятеле крайне правого толка, монархисте и черносотенце, одном из основателей Союза русского народа и Союза Михаила Архангела. Пуришкевич, являвшийся депутатом Государственной думы II, III и IV созывов, приобрёл скандальную известность своими выходками на заседаниях Думы – в том числе петушиным криком с трибуны.

51. Имеется в виду законопроект о неприкосновенности личности, одним из основных разработчиков которого был *Яков Георгиевич Гололобов* (1855–1918) – известный государственный и политический деятель, депутат III Государственной думы, в которую он был избран как октябрист.

НА ТЕМУ ДНЯ

Босяк (Колючки. № 4–5. 1909. 6 декабря. С. 4).

Стихотворный фельетон «На тему дня» посвящён громкому событию театральной и общественной жизни Благовещенска – постановке (и скорому, после двух представлений, снятию властями) в театре Общественного собрания спектакля по пьесе «Идея». Её автор – В.Л. Андриенко, сотрудник «Амурской газеты», «Амурского края», «Восточного вестника», «Далёкой окраины» и других благовещенских и владивостокских газет, публиковавший в них посредственные рассказы, драматические сцены, пьесы. Пьеса «Идея», постановка которой вызвала в городе большой резонанс и зрительский успех, имела подражательный характер – была создана по калькам символистских драм Леонида Андреева «Жизнь человека», «Царь Голод» и др.

В том же номере «Колючек», в котором опубликован фельетон Ф. Чудакова, есть и другие материалы, так или иначе касающиеся темы закрытия спектакля «Идея». Так, уже на второй странице опубликовано написанное, скорее всего, Чудаковым объявление «От редакции»:

«Некоторые наши читатели просили нас отозваться чем-нибудь в этом номере на снятие “Идей” со сцены.

На собранном по этому поводу редакционном собрании наш редактор-издатель произнёс такую речь:

«Господа! По христианскому обычаю праздник Рождества Христова является желанным отдыхом для всякого труженика. Если вы находите, что я достаточно потрудился на ниве литературной и отдых на “горке” [имеется в виду благовещенская тюрьма, расположенная на возвышенности, на *горке*. – А.У.] мне необходим, то я готов!»

Редакция прослезилась от такого самоотвержения её руководителя и единогласно постановила:

«Ввиду того, что редакция “Колючек” составляет тесную семью, связанную самыми тесными узами литературного родства, почему празднование Рождества Христова в отсутствие главы этой семьи будет несчастливым и мрачным, – так что празднование может быть предпринято только полным составом редакции, – выяснить вопрос: где редакция находит более удобным праздновать: на горке или дома.»

При обсуждении этого вопроса мнения разделились:

Господа *Босяк* и *Proletaire* категорически отказались от “горки”.

Прочие ничего против неё не имели, руководясь принципом: всё равно, рано или поздно.

Таким образом, вопрос остался открытым. В качестве компромисса редакция выработала следующее

Обращение к читателям

«Милостивые государи! Где вы находите более удобным быть составу редакции на Рождество: на горке или помимо оной? Ответ направьте по адресу: Благовещенск, Графская, 35. Или по телефону: № 172.

Редакция».

Самая объёмная публикация этого же номера «Колючек» – рецензия *Босяка* (Ф. Чудакова) «Кинжальные слова» – разбор пьесы В. Андриенко и спектакля, поставленного труппой антрепренёра И. Арнольдова. Автор очень точно определяет сущность этого драматического феномена – «изящная риторика», заимствованная из кадетских брошюр. Остроумно высмеивая идейное наполнение и формальные свойства доморощенного опуса Андриенко, Чудаков объяснил причину его «успеха» у публики. Рецензия Ф. Чудакова открывает новые грани его таланта, поэтому публикуется здесь в полном виде, с предисловием:

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый государь, господин редактор!

Ввиду несогласия редакции «Амурского края» [с этой газетой в то время Ф. Чудаков сотрудничал. – А.У.] с моими взглядами на пьесу г. Андриенко «Идея», я не мог поместить в этой газете своей рецензии.

Между тем, громадный успех первого и последнего представления этой пьесы вызывает необходимость её толкования и объяснения.

Местная пресса совершенно замолчала это большое событие благовещенской жизни, ибо короткая и сухая рецензия г. Кордэ в «Т-П. Л. О.» [газета «Торгово-промышленный листок объявлений». – А.У.] не может идти в счёт.

Всё это понудило меня прибегнуть к Вашей, милостивый государь, любезности и просить дать в вашем журнале место для нижеследующей статьи.

КИНЖАЛЬНЫЕ СЛОВА

(По поводу постановки труппой г. Арнольдова пьесы г. Андриенко «Идея»)

Прежде всего, я рассматриваю пьесу г. Андриенко с обывательской точки зрения. Это единственная позиция, с которой можно произвести более или менее определённый анализ философии автора. Художественная мерка неприложима к этому произведению, главная особенность коего заключается именно в отсутствии всякой художественности. Судорожные попытки автора слепить целый и выпуклый образ из манекена, сыплющего парадоксами и фразами из брошюры явочного порядка, претерпели крах по отношению к каждому из действующих лиц пьесы. А центральное лицо в пьесе – Идея – «Логос» древних, этот мировой разум, двигатель жизни и прогресса, у г. Андриенко и вышла одностороннею и узкою, и тенденциозною, и... не особенно умною... Тенденция имеет смысл и место в литературе партии, в литературе агитационной, но она совершенно неприложима к искусству в том его виде, следовать которому автор имел намерение.

Если идеалы автора осуществляются, и Труд в конце концов свергнет с себя иго Капитала (а произойдёт это совершенно не тем порядком, как думает автор), тогда пьеса г. Андриенко будет иметь успех у массы. Тогда она явится очень интересным и бойким сюжетом для... лубочной картины. Таким же бойким сюжетом, каким в наше время являются похождения Бовы Королевича, похороны kota мышами и прочее, чему рукоплещет толпа... Но ведь Бова не художественный образ, а лубочная картина – не искусство.

Итак – обывательская точка зрения.

Та точка зрения, которая послужила основанием для снятия этой пьесы со второго спектакля.

Та самая точка зрения, которой объясняются громовые аплодисменты, бушевавшие после каждого акта.

Именно та самая точка зрения, которая не мешала рукоплескавшим пьесе г. Андриенко ровно черед двадцать четыре часа рукоплескать с таким же одушевлением Шерлоку Холмсу.

Глубокий трагизм обывательщины кроется в последнем обстоятельстве.

И вот этот-то трагизм я и хочу по мере сил осветить, попытаться выяснить, насколько крепки объятия «обезьянних лапок», мягко и настойчиво охвативших психологию обывателя.

Обыкновенно, когда кто-либо из пишущей братии говорит об обывательщине, он всегда имеет в виду толпу, массу – «их», а «себя» ставит в стороне, и потому-то порою так едки и жёстки бывают его обличения.

Я – сам обыватель и буду говорить о самом себе, о своей душе, о своей психологии.

Что мне дала «Идея»?

Когда поднялся занавес и со сцены зазвучали горькие жалобы Идеи, томящейся в плену у Капитала, я чутко насторожился, я думал уловить в этих жалобах знакомые, но так редко звучащие в душе нотки протеста моего «я», того гордого, всемогущего «я», которое, как искра, тлеет под пеплом обиденщины где-то там, в глубине...

Я насторожился, я весь ушёл в слух...

Но чем больше говорила Идея, тем яснее становилось, что это всё не то, что это всё только парадоксы.

Выходили из кулис другие лица, говорили другие фразы, – и всё фразы, всё парадоксы.

Много было их... красивые по форме, остроумные, гибкие, грациозные, но – знакомые, старые, ненужные.

Первый акт сулил что-то большое. Было много подъёма, нервного напряжения – и я рукоплескал, считая пляску нервов за протест моего «я», за звон самых сокровенных струн души. А было только нервное напряжение.

Нервы скоро устали. Их не могла долго держать в напряжении изящная риторика, скользившая, как сталь по стеклу, не оставляя никакой царапины. Нервы устали, и каждая фальшивая фраза всё ослабляла их напряжённость.

Но как только опускался занавес, я опять рукоплескал, до боли в ладонях. Почему? Не знаю, право. Все так делали.

Все так делали. Я знаю, многие так делали из... дешёвого либерализма. Другие хлопали только артистам... Третьи – сами не знали, чему хлопали.

А пьесе, философии автора кто рукоплескал?

После конца спектакля ко мне подошли два марксиста.

«Видите, как просто это делается! – сказал один. – Вышел на сцену рабочий, снял с труда цепи, капитала хватил паралич – и величайшая проблема человечества решена!»

«По шучьему веленью, по моему хотенью!» – сказал другой.

Я сказал: философия автора...

Вот её квинтэссенция.

«Не капитал, а труд основа жизни!

Не капитал, а труд рождён повелевать».

Не правда ли, ново?

Каким же путём хочет привести автор к тожеству труда над капиталом?

Это сделает Идея, ушедшая в народ.

Но что же делает, по пьесе, Идея в народе?

Она говорит рабочему:

Не капитал, а труд основа жизни.

Не капитал, а труд рождён повелевать.

И это всё, что может сказать она народу. Видите, народ-то очень уж глупый: трудится он весь век, а всё-таки не знает, что труд основа жизни. Даже подозрительно, трудился ли народ, не знающий, что труд – основа его жизни?

Но как бы то ни было, народ поверил Идее, что труд – основа. Что же народ делает? Само собой, он, вся жизнь коего сплошной труд, безусловно, хочет провести слова Идеи в жизнь и повелевать капиталом... Он идёт куда-то, кажется, на баррикады. Что же, побеждает он?

То есть, ни в коем случае!

Капитал устраивает побоище, и народ...

Мёртвые успокаиваются вечным сном, а живые успокаиваются сном обывательским, то есть попросту говоря:

Народ опять подставил спины,

Сгибает шею под ярмом...

Под вой гудка, под стук машины

Он тянет лямку день за днём...

Но, как и подобает в обывательской пьесе, – добродетель торжествует... «Новое время» без всякого шума, тишком да ладком сживает капитал со свету, и... пьесе конец.

Вы, читатель, знакомы с кадетской литературой?

.....

Значит, очень уж вкоренилась в нас обывательщина, что даже трафаретные кадетские фразы кажутся нам революционными настолько, что...

Будь эта пьеса показана в девятьсот пятом году, ей начали бы сви-
стать.

А теперь рукоплещут.

Босяк

От редакции: По некоторым соображениям настоящая статья печатается с сокращениями.

(Колючки. № 4–5. 1909. 6 декабря. С. 22–25).

52. Имеется в виду выходявшая в Благовещенке газета «Торгово-промышленный листок объявлений» (вскоре она будет переименована в «Амурский листок»), с редактором которой А.А. Константиновым у Ф. Чудакова шёл постоянный обмен колкостями.

ПРИМЕР

Язва (Колючки. № 4–5. 1909. 6 декабря. С. 13).

ПАТРИОТ

Босяк (Колючки. № 7. 1910. 24 января. С. 3–4). Этот же фельетон в тот же день и под тем же псевдонимом был напечатан (без подзаголовка «Желчные песни») в одной из благовещенских газет: Амурский край. 1910. № 18. 24 января (6 февраля). С. 3.

53. *Статский советник* – в российской Табели о рангах до 1917 г. гражданский чин 5-го класса. Лица, его имевшие, занимали должности вице-директора департамента и вице-губернатора.

54. *Елико возможно* (устар. и шутол.) – насколько возможно, по мере сил.

ЮНОШЕ

Я. (Колючки. № 7. 1910. 24 января. С. 4).

55. *Ланита* (церк.-слав., книжн.-поэт., устар.) – щёки.

ДУЭЛЬ

Язва (Колючки. № 7. 1910. 24 января. С. 11–12).

В фельетоне «Дуэль» звучат отголоски тех баталий, которые вели между собой благовещенские газеты. И если прежде главным объектом сатирических уколов в фельетонах Чудакова был редактор «Торгово-промышленного листка объявлений» («Амурского листка») А.А. Константинов, то в этом произведении на первый план вышел редактор «Благовещенска» К.К. Куртеев 1-й. Поводом для написания «Дуэли» послужил подлинный случай, о котором сообщается в предисловии. Обращение к этому анекдотическому факту дало автору фельетона возможность довести до читателей «Колючек» мысль, что проблемы печати не сводятся лишь к давлению на неё извне, к действиям государственных институтов по удушению свободы слова. Российская журналистика, в изображении *Язвы*, поражена теми же сами недугами, что и всё российское общество в целом: ради привлечения подписчиков и финансового благополучия она готова «копаться в навозе», заниматься «коммерцией», быть «содержанкой» богатеев.

56. Имеется в виду *Губанов Николай Филиппович* (1878–?), который занимался не только журналистской и редакторской деятельностью, но и служил в различных городских учреждениях Благовещенска: секретарём Сиротского суда; секретарём городской думы и т.д. В 1908–1915 гг. он был редактором-издателем газеты «Эхо» – на первых порах печатного органа «умеренно-прогрессивного» направления, тон в котором задавали люди, близкие к городской думе и управе или состоявшие на службе в тех или других органах городского самоуправления. Помимо исполнения редакторских обязанностей, Губанов был ещё и репортёром в своей газете, поставщиком сведений из городской управы (для «городской хроники»). Позже газета полевела. В 1915–1916 гг. Губанов являлся редактором-издателем газеты «Амурское эхо». В 1910-е гг. Ф. Чудаков тесно сотрудничал с редактируемыми Н. Губановым газетами «Эхо» и «Амурское эхо», опубликовав в них большую часть своих произведений.

57. Намёк на то, что газета А.А. Константинова «Торгово-промышленный листок объявлений» часто перепечатывает без ссылок материалы из центральных газет. Подробнее о Константинове и об отношении к нему Чудакова см. в комментариях к фельетону «Куски жизни бедной и грубой».

58. Судя по всему, *Язва* имеет в виду не официального (номинального) редактора – А.И. Хворова, а себя – фактического редактора журнала «Колючки».

59. Имеется в виду *Куртеев Константин Константинович старший*, или 1-й (1853–1918) – сотрудник и редактор нескольких газет, выходивших в Благовещенске в начале XX века. С 1908 по 1912 он с

перерывами редактировал газету «Благовещенск», которая издавалась на деньги купцов-молокан. Эта «квасная, махрово-консервативная» (А. Лосев) газета оказалась наиболее соответствующей его общественно-политической позиции, именно в ней с наибольшей полнотой проявились свойства его натуры. Красноречив уже сам факт сотрудничества недавнего карийского каторжанина и политического ссыльного в газете, откровенно прислуживающей местным богатым, у которых она находится на содержании. В газете, которая и создана была после разгона II Думы как противовес революционно-демократическим печатным органам, в которой постоянно публиковались статьи, содержащие грубые выпады против левых партий и их сторонников. В газете, которая не брезговала клеветой и сплетней в своём поистине маниакальном стремлении опорочить уважаемых в городе людей, представляющих «прогрессивную» интеллигенцию.

В результате, редактор «Благовещенска» очень быстро приобрёл репутацию клеветника и шантажиста, человека, неразборчивого в средствах. Над ним смеялись, его презирали многие из благовещенских газетчиков, о нём ходили анекдоты, иллюстрирующие его ограниченность, малообразованность, его болезненную самонадеянность, что в соединении не раз оборачивалось конфузами или скандалами. Редактора это, похоже, ничуть не смущало. Его газета объявила настоящую войну сторонникам левых взглядов, а затем и вовсе «перешла к травле местной интеллигенции, к атаке на людей “с дипломами”» (А. Лосев), настроив против себя практически всю интеллигенцию города. В истории дореволюционной амурской журналистики, пожалуй, только один человек мог конкурировать с Куртеевым в борьбе за звание самого одиозного в глазах общественности редактора – А. Матюшенский (*Sedoi*).

Злобным нападкам, нередко в недопустимо грубой, оскорбительной форме, в «Благовещенске» подвергался любой, кто решался вступить в полемику с газетой и особенно её редактором, кто посмел публично высказать о нём критические суждения. Особенно яростно «изничтожал» оппонентов сам Куртеев, действительно не стеснявшийся в выборе средств. И потому за клевету в печати его не раз привлекали к суду. Одна из таких скандальных историй разыгралась на страницах амурской периодики летом 1908 г. Куртеев опубликовал в «Благовещенске» целый ряд статей, в которых издевательски писал и об известном в городе враче А.И. Дацкове, и о тех из его коллег, которые попытались печатно защитить доктора. О них, уважаемых в Благовещенске людях, он писал в таких, например, развязных выражениях: «Рабы души рады, когда найдут себе божка. Толстый Дацков теперь для них страстотерпец... И сколько бы подписей ни собрали блаженные рабы для своего бурханчика – его славное имя не станет более известным и знаменитым» (статья

«Убогеньким»: Благовещенск. 1908. № 120. 7 июня); «нищие духом дацковцы»; «ничтожная группа праздных болтунов»; «какие-то недоучки» (статья «Нравственным босякам»: Благовещенск. 1908. № 129. 18 июня) и т.д. Дошло до того, что на частном совещании врачей, созванном для рассмотрения заметок в газете «Благовещенск», было сделано заключение, что «редактирует эту газету лицо, безусловно психически ненормальное» (Амурские отголоски. 1908. 25 мая). Так или иначе, но при Куртееве газета «Благовещенск» превратилась, как выразился один из журналистов газеты «Торгово-промышленный листок объявлений», в «ящик для отбросов».

Не раз К. Куртеев вступал в полемику с благовещенскими журналистами и редакторами газет, и в этих случаях используя не аргументы, а хлесткие, язвительные уколы, переходящие порой в прямые оскорбления. Так, в статье «К городским выборам» (Благовещенск. 1910. № 7. 15 января) Куртеев «прошёлся» по трём редакторам благовещенских газет – Клитчоглу, Константинову и Губанову: «Беда в том, что наши три редактора учились на медные гроши чему-нибудь и как-нибудь и с интеллигенцией ничего общего не имеют. <...> Ясно, что у них на уме начинка от городского пирога». Последнее – намёк, что редакторы служат не идее, а местному капиталу. Что касается Ф. Чудакова, то он отвечал Куртееву соответствующим образом, как, например, в иронической миниатюре «На улице», напечатанной в журнале «Колючки» (№ 8. 1910. 31 янв. С. 11): «*Оборванец*: Господин хороший! Подайте благородному, но голодному человеку гривенник! / *Господин* (вынимая 3 коп.): Изволь! / *Оборванец* (обидчиво): Ну, уж это при себе оставьте. Чай я вам не Куртеев». В том же номере «Колючек» помещена ироническая «пословица», автором которой тоже был Чудаков: «С молокан по нитке – ан, глядь, Куртееву и рубаха» (намёк, что газета «Благовещенск» и её редактор находятся на содержании у купцов-молокан). Подобную по смыслу пословицу Чудаков составлял и немного раньше – для 6-го номера «Колючек»: «Как молоканин аукнется, так Куртеев откликнется» (№ 6. 1910. 17 янв. С. 11).

ПАПА И МАМА

Босяк (Колючки. № 8. 1910. 31 января. С. 3).

60. См. коммент. к фельетону «*Дуэль*».

ТИПЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Гусяр (Колючки. № 8. 1910. 31 января. С. 6–7).

Причины появления этого фельетона, содержащего грубый выпад по адресу известного и многими уважаемого амурского поэта, журналиста, редактора, понять непросто. Коротаев, в отличие от ряда других благовещенских редакторов (А.А. Константинова, К.К. Куртеева, А.И. Матюшенского), никогда не был героем скандальной хроники, не являлся конфликтным человеком. Никаких публичных столкновений с Чудаковым или с кем-то другим у него прежде не было. Более того, незадолго до публикации в «Колочках» фельетона «Типы избирателей» Ф. Чудаков напечатал в этом журнале стихотворение Ф. Коротаева «Море» (Колочки. № 4–5. 1909. 6 декабря. С. 18–19):

Взволновалось сине море,
Вековые скалы бьёт,
О свободе и просторе
Песни вольные поёт.
За волной волна стремится,
Нет уж прежней тишины,
Сила грозная родится
И встаёт из глубины.
Смотрят скалы с удивленьем:
Что с пучиною морской?
И с тревогой и смущеньем
Ждут: ударит страшный бой!
Век, пучина, ты дремала
В мёртвый сон погружена,
И стопы наши лизала
Лести полная волна.
Мощны, силой некрушимой
Над тобой стояли мы,
Внемля песне говорливой
Нас ласкающей волны.
Брызги к нам порой летели,
Ропот бурный достигал,
Но смирять его умели
Мы в тисках холодных скал.
И пучина отступала,
Грудой скал окружена,
И до нас лишь долетала
Нам покорная волна.
Тишина была немая
У высоких берегов,
Ты молчала, засыпая
И не чувствуя оков.

Но теперь ты взволновалась
В гневе яростном бежишь
И, о скалы ударяясь,
Белой пеною кипишь.
Сокрушить ты нас желаешь,
Встав от спячки вековой,
Волны грозно поднимаешь
И ведёшь на страшный бой.
Впереди тебя не видим
Мы волны, ласкавшей нас,
Вместо лести крики слышим:
«Сторонись, не нужно вас!
Дайте нам простор и волю –
Мы пойдём тогда вперёд
И свою поищем долю,
Сбросив тяжести невзгод».

Публикация эта вызывает вопросы, на которые непросто ответить. Зачем «Колючки», фактическим редактором которых был Чудаков, напечатали стихотворение во многих отношениях чуждого направлению журнала автора? Чем объяснить, что обычно крайне осторожный и взвешенный в выражении своих политических взглядов Коротаев решил опубликовать аллегорическое по форме, но содержательно недвусмысленно революционное, антиправительственное произведение, да ещё и в периодическом издании, которое постоянно пикировалось с газетой «Благовещенск»? Почему, наконец, стихотворение «Море» подписано не одним из псевдонимов Ф. Коротаева (как он обычно делал во всех других периодических изданиях), а подлинным именем: *Фёдор Коротаев*? Особенно странным эта публикация выглядит в свете того, что «Колючки» вообще крайне редко печатали кого-нибудь, кроме Ф. Чудакова, выступавшего под разными псевдонимами. А если кого-то и печатали, то лишь под прикрытием псевдонимов – причём, как правило, ранее не применявшихся (из-за чего крайне трудно определить подлинный круг авторов журнала). Все эти странные обстоятельства дают веские основания для предположения, что Ф. Чудаков опубликовал не предназначавшееся для публикации стихотворение Коротаева, причём без разрешения (и даже без уведомления) автора. Если всё было именно так (а это очень похоже на правду), Ф. Коротаев не мог не возмутиться и не высказать в адрес фактического редактора «Колючек» резкие слова. А это, в свою очередь, могло побудить сатирика написать фельетон «Типы избирателей», в котором он вывел Коротаева двуличным человеком, «стишки» которого никак не связаны с содержанием и направленностью его общественной деятельности.

Публикация *Гусляра* больно задела Коротаяева. В статье «Мой взгляд на городские дела» (Благовещенск. 1910. № 19. 2 февраля) он с негодованием отверг обвинения Чудакова: «В № 8 “Колочек” за текущий год некто “Гусляр” поместил статью под заглавием “Типы избирателей”, в которой он, стараясь скомпрометировать меня в глазах общества, презрительно относится к моим стихам, сравнивает меня с шулерами и разными тёмными господами, обвиняет меня в неискренности и сознательном обмане избирателей, говорит, что я играю на народной темноте. / Не Гусляру критиковать мои стихи. Я писал их не для него, а для себя. В них вкладывал я всю душу и с ними я отдыхал от всех тревожных моментов жизни, забывал массу неприятностей, столкновения с пройдохами и авантюристами и снова начинал верить в светлое будущее человечества. Они помогали мне сохранять душу и не давали разлагаться ей. И я до сих пор помню слова Станислава Осиповича Хлусевича: “Феодор Филиппович, сохраните стремление к свету и знанию и вы будете честны!” <...> Да, я могу сказать, что хотя я и коммерсант, но торговал только товаром, а не честью, не совестью, не добрым именем».

Немного позже Ф. Чудаков, очевидно, не желая, чтобы последнее слово оставалось за Коротаяевым, вновь сделал резкий выпад против своего коллеги по поэтическому цеху, опубликовав в газете «Амурский край» фельетон «В кривом зеркале (*Отражения жизни нашей изо дня в день*)». Часть II. «Квартет с приключением» (Амурский край. 1910. № 47. 10 (23) марта. С. 2). Фельетон включен в данное издание.

61. *Коротаяев Фёдор (Феодор) Филиппович* (1881–1918) – представитель третьего поколения известной молоканской купеческой династии Благовещенска, игравший видную роль в местной молоканской общине, в общественной жизни города. Он был образованным, преуспевающим коммерсантом, имевшим широкие торговые связи, в том числе с заграничными фирмами. Занимался благотворительной деятельностью.

Коротаяев сыграл значительную роль в становлении амурской журналистики, был основателем, одним из авторов, а в отдельные периоды и редактором газеты «Благовещенск» (1907–1912). Сотрудничал также в «Амурской газете», «Благовещенском утре» и «Амурской речи» В этих изданиях печатались его стихотворения, очерки, фельетоны, статьи на темы местной жизни за подписями (псевдонимами) *З, Он самый, Молоканин, К.Ф., Ф.К., Фео, Ф. Дудка* и др.

В 1912 г. в Москве, в типографии О. Морнеля и А. Майера, небольшим тиражом вышла первая и единственная его книга – «Сборник стихотворений Фёдора Коротаяева». Она вобрала в себя произведения, большая часть которых прежде печаталась на страницах амурских

газет. Некоторая вторичность, узнаваемость тем и мотивов, интонационного рисунка, рифм – отличительная особенность книги. Сюжеты и проблематику Коротаев черпал преимущественно из произведений наиболее близких ему поэтов – Н. Некрасова, А. Кольцова, И. Сурикова, М. Лермонтова. В некоторых случаях такие перепевы больше подходят не на творческое преломление традиций, а на откровенные заимствования. Художественный уровень большинства произведений Коротаева невысок. Для них характерен чрезмерный дидактизм, склонность автора к морализированию, к нравственно-религиозному проповедничеству. Мораль, которую он неустанно декларирует, очень часто заслоняет сами картины амурской жизни, ставшие для автора поводом для сентенций. Типичный образец – стихотворение «На крутом берегу быстрой Зеи реки», которым автор отрывает сборник: «На крутом берегу быстрой Зеи-реки / Появился кабак обирать пятаки. / Появился кабак – полилось вино / И в карманы крестьян забралось оно; / Забралось оно, затуманило ум, / И поднялся содом и послышался шум...» Упоминание реки Зеи в стихотворении – ничего не значащая деталь. Коротаев пишет не о жителях Амурского края, а о крестьянине как таковом. Ситуация, которую он воссоздаёт – лишь повод для наставления, адресованного тем, кому автор сочувствует и кого он пытается предостеречь от порока: «Эй, крестьянин, мой друг! береги ты свой век, / Не ходи ты в кабак, пожалей ты себя, / И сторицею Бог успокоит тебя! / Пожалей ты семью, пожалей и детей – / Ведь погибнут они в этой страсти твоей...»

В сборнике есть и произведения, заслуживающие серьёзного отношения. В их числе – стихотворение «Пионеры (Переселенцы 1861–63 г.)», в обобщённой форме передающее умонастроение, чувства тех, кто, как и предки Коротаева – его дед и бабушка, в числе первых осваивал амурские земли. Кто с тоскою покинул «родину святую» и в течение двух лет добирался сюда, чтобы в труднейших условиях, живя в шалашах и землянках, строить дороги, «поля пшеницей засевать», на «топком диком берегу» отстраивать «великий город» – Благовещенск. Кто верил в будущее этой земли, которой ещё только предстояло стать подлинно русской: «Настанет время – пароходы / Амур пустынный оживят; / Пройдут горами паровозы, / Аэропланы полетят. / И станет край Амурский русским / И будет родиной второй. / И, может быть, спасибо скажут, / Что мы трудились над тобой».

Ф. Коротаев был застрелен среди бела дня на одной из улиц Благовещенска во время подавления так называемого Гамовского мятежа (март 1918 г.) – то есть фактически в те же дни, когда Ф. Чудаков, потрясённый кровавыми событиями в городе, решил покончить жизнь самоубийством. Есть свидетельства, что Ф. Коротаев готовил к печати вторую книгу, рукопись которой, судя по всему, навсегда утрачена.

62. Пересекающиеся улицы города Благовещенска; в советское время Торговая была переименована в улицу Богдана Хмельницкого.

63. *Ренский погреб* – магазин, торгующий виноградным вином.

64. *Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й)* (1866–1945) – русский политик крайне правых взглядов, по образованию инженер, один из лидеров Союза русского народа, глава фракции крайне правых в III и IV Государственной думе. Марковым 2-м его стали называть из-за того, что в Думе оказалось несколько депутатов по фамилии Марков. Марков 2-й имел репутацию скандалиста (большинство потасовок в Думе были связаны с его именем) и антисемита.

ПАРОДИЯ

Я. (Колючки. № 8. 1910. 31 января. С. 11).

Произведение строится на перефразировании стихотворения М.Ю. Лермонтова 1840 г. «Тучи» («Тучки небесные, вечные странники!..»).

65. *Бурхановка* – небольшая речка, протекающая через Благовещенск, а также прилегающий к ней район города, имевший репутацию бандитского, хулиганского.

66. Имеется в виду водка, производимая или реализуемая в Благовещенске торговыми домами «В.М. Лукин с Сыновьями» и «Братья Бутины».

КУСКИ ЖИЗНИ ГРУБОЙ И БЕДНОЙ

Гусляр (Колючки. № 8. 1910. 31 января. С. 13–16).

«*Куски жизни грубой и бедной*» (или «*Куски жизни*») – название рубрики, серии прозаических фельетонов Ф. Чудакова, печатавшихся в ряде периодических изданий Приамурья.

67. *Пристав* – в царской России начальник полиции небольшого административного района, участка, территории.

68. «*Торгово-промышленный листок объявлений*» – газета, выходившая в Благовещенске под редакцией А.А. Константинова в 1908–1910 гг. (а с 1910 г. – под названием «Амурский листок»).

69. *Константинов Анатолий Александрович* (1880–?) – журналист, редактор газет, выходивших в Благовещенске в начале XX века. До этого служил надзирателем при дорожных командах на постройке Амурской колёсной дороги («Амурской колесухи»), помощником начальника станции на КВЖД; в 1902–1904 гг. – в канцелярии военного губернатора

Амурской области. После выхода в отставку служил по вольному найму акцизным надсмотрщиком. В 1907 г. судился по делу о вымогательстве взяток с владельцев ренсковых погребов. В Благовещенске Константинов имел репутацию человека скандального и беспринципного, в моральном отношении неразборчивого. Ходили слухи о его причастности к разного рода мелким аферам и мошенничествам.

С 1908 г. он стал редактором (а его жена – издателем) газеты «Торгово-промышленный листок объявлений», оставаясь в этой роли (с перерывами) до 1913 г. – то есть и после того, как с № 676 (29 августа 1910 г.) она расширила формат и сменила название, превратившись в «Амурский листок».

Став редактором, А. Константинов не изменил своим привычкам: в газете отстаивая либеральные ценности, в непосредственном жизненном поведении он часто пренебрегал ими. Один такой скандальный случай стал объектом внимания сатирического журнала «Колючки» (1910. № 8. 31 января С. 12–15). Вначале в традиционной рубрике «Пословицы», автором которой, судя по всему, являлся Ф. Чудаков, было приведено следующее «крылатое выражение»: «У Константинова служи, а пристава для протокола поблизости держи». Причина, побудившая автора составить столь странную поговорку, и раскрывается в фельетоне Гусляра (Ф. Чудакова) «Куски жизни грубой и бедной».

После того как редактируемый Константиновым «Торгово-промышленный листок объявлений» откликнулся на эту публикацию, вылив на Чудакова ушат газетных помоев, сатирик вернулся к теме – в двух анонимных миниатюрах: «На улице» («*Китаец-санитар* с полной бочкой нечистот: Ходя! Где моя свалить мозна? / *Случайный прохожий*: Поезжай на угол Никольской и Зейской, в редакцию “Листка”. Там в кабинете редактора свалка нечистот производится») и «Шумим, братцы, шумим»: «*Баскаков*: Ну, Анатолий Александрович, поздравьте: трёх дам с тротуара столкнул и двое ворот дёгтем измазал. / *Константинов*: Ну, брат, это чепуха. Я редакцию “Колючек” так “обложил”, что тебе и вовеки так не выругаться. / *Баскаков* (радостно): Неужто? Вашу руку! / *Константинов* (гордо): Вот она!» (Колючки. № 9. 1910. 7 февраля. С. 16). Но главный ответ на оскорбительный выпад ведомого Константиновым «Торгово-промышленного листка объявлений» – прозаический фельетон *Авессалома* (возможно, всё того же Ф. Чудакова) «Письмо в редакцию». Автор «Письма...» со знанием дела реконструирует историю появления скандальной статьи:

«Вот как это случилось.

Редактор “Листка” вечером купил у разносчика Вахлакова № 8 “Колючек” и лёг на кушетку, чтобы посмотреть, “над кем смеются”. <...>

Перелистав 12 страниц, редактор вдруг остолбенел.

Как! Его физиономия энергично и внушительно выглядывает с 13-й страницы! Чёрт возьми! Что же это такое?

Он стал читать. Оказывается, дело приняло очень скверный оборот. Проклятый хроникёр “Эхо” в погоне за построчной платой не постеснялся черкнуть об этом неприятном случае с кучером, а сугубо неприятный “Гусляр” цинично сравнил по этому поводу редактора с хулиганом Баскаковым!

Нет! этого оставить нельзя. Надо написать опроверженье.

Гм, опроверженье. Но ведь этот неприятный случай с кучером зарегистрирован в участке, во-первых, и у городского врача – во-вторых. <...>

Значит, надо “вступить в полемику”.

Т.е. – “надо разругать их, на чём свет стоит”» (Колючки. № 9. 1910. 7 февраля. С. 10–11).

И далее *Авессалом* показывает изнанку редакционной кухни «Торгово-промышленного листка объявлений», описывая, как создаются «заказные» разоблачительные материалы, от которых стыдно всем – и исполнителю, и другим сотрудникам газеты.

70. Слегка изменённая цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Прекрасная партия» (1852):

Есть русских множество семей,
Они как будто добры,
Но им у крепостных людей
Считать не стыдно рёбры.

71. Соль в том, что упомянутая в фельетоне домовладелица – жена редактора «Торгово-промышленного листка объявлений» А. Константинова Вера Михайловна, урождённая Бусыгина, издатель той же самой газеты.

72. *Гусляр* имеет в виду очерк Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы».

73. Улица Никольская – ныне ул. Комсомольская. По этому адресу находилась редакция газеты А. Константинова.

74. «Картина» на 13-й странице «Колючек» (её автором, очевидно, является Ф. Чудаков) представляет собой рисунок-шарж, изображающий человека с внешностью редактора «Торгово-промышленного листка объявлений», который наносит удары по лицу своему визави.

75. См. коммент. к *фантастической пьесе* «Колдунья».

НА ЧУЖОЙ МОТИВ

Я. (Колючки. № 9. 1910. 7 февраля. С. 4).

ОПЫТ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Босяк (Колючки. № 4–5. 1909. 6 декабря. С. 16–17; № 6. 1910. 16 января. С. 14; № 7. 1910. 24 января. С. 8).

76. «Листок объявлений» – «Торгово-промышленный листок объявлений» (с 1910 г. – «Амурский листок») – газета, редактором которой был постоянный оппонент Ф. Чудакова А.А. Константинов.

77. См. коммент. к фельетону «На тему дня».

78. См. коммент. к фельетону «Дуэль».

79. См. коммент. к сатирико-юмористическому стихотворению «Пародия».

80. «Горкой» в Благовещенске в начале XX в. называли местную тюрьму, располагавшуюся на возвышении, «на горке». См. коммент. к фельетону «На тему дня».

81. Намёк, что консервативная газета «Благовещенск» издавалась на деньги купцов-молокан. См. коммент. к фельетону «Дуэль».

82. См. коммент. к сатирико-юмористическому стихотворению «Пародия».

3. «АМУРСКИЙ КРАЙ»

«Амурский край» – литературная и политическая» газета, выходившая в Благовещенске в 1899–1910 гг.: вначале 3 раза в неделю, с 1906 г. – ежедневно. Официальным редактором-издателем газеты был в недавнем прошлом банковский служащий Г.И. Клитчоглу, однако на первых порах направление и наполнение газеты определял не он. Инициаторами издания в Благовещенске (в противовес проправительственной, консервативно-официозной «Амурской газете») независимой, прогрессивной газеты стали политические ссыльные, преимущественно социал-демократы: Л.Г. Дейч, А.В. Прибылёв, А.П. Прибылёва-Корба, С.С. Синегуб, Э.А. Плосский, А.И. Комов, А.Н. Бибергаль, П.И. Торгашов, С.Ф. Хроновский, И.Л. Манучаров, Б.И. Еллинский, Б.И. Онуфрович и др. Однако к осени 1908 г., к моменту появления в Благовещенске беглого ссыльного Ф. Чудакова, никого из ссыльных в газете уже не было, а само издание поблекло, заполняя свои страницы преимущественно рекламными объявлениями и материалами, перепечатываемыми из центральной периодики. Произведения Ф. Чудакова, время от времени публикуемые в «Амурском крае», несколько оживили его, но не спасли. Потеряв большую часть подписчиков, в начале сентября 1910 г. некогда популярная на Амуре газета прекратила своё существование.

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Босяк (Амурский край. 1909. № 1. 3 (16) января. С. 3).

Фельетон «Торжество победителей» является откликом сатирика на важнейшее внутривластическое событие конца 1908 – начала 1909 года – объединение во время работы III Государственной думы двух групп депутатов правого толка – так называемой «национальной группы» (группы крайних националистов) и «умеренно-правых» и создание нового думского «союза» – «русской национальной фракции». В результате, «союзники» (91 депутат) стали второй по влиянию (после октябристов) фракцией Думы. Тактическая блокировка националистов с октябристами (лидер партии и Председатель Государственной думы в 1910–1911 гг. – А.И. Гучков) фактически позволяла им получить большинство по любому выносимому на голосование вопросу.

83. См. коммент. к фельетону «Колдунья».

84. См. коммент. к фельетону «Колдунья».

85. *Гегечкори Евгений Петрович* (1881–1954) – видный российский меньшевик, член III Государственной думы от Кутаисской губернии, один из лидеров меньшевистской думской фракции. Наряду с такими одиозными депутатами националистического толка, как В.М. Пуришкевич и Н.Е. Марков (Марков 2-й), их политический оппонент эсдек Гегечкори был постоянным участником шумных думских скандалов и провокационных заявлений и действий.

86. См. коммент. к фельетону «Колдунья».

87. *Архимандрит Михаил* (в миру *Семёнов Павел Васильевич*) (1873–1916) – известный религиозный деятель, духовный писатель, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (с 1905 г.), один из самых популярных среди санкт-петербургской интеллигенции священников, блестящий проповедник, постоянный участник публичных диспутов, лекций и бесед на религиозно-этические темы. В 1906 г. примкнул к партии народных социалистов, после чего был уволен с должности профессора. Вскоре после этого Михаил присоединился к старообрядчеству и в 1908 г. получил номинальное звание епископа Канадского. За переход в старообрядчество был лишён Синодом сана архимандрита. Деятельность архимандрита Михаила подвергалась резкой критике со стороны правых политических деятелей (в том числе депутатов III Государственной думы), которые концентрировали внимание на его еврейском происхождении.

88. См. коммент. к фельетону «Сказание об Исаакии-витязе».

89. *Петров Григорий Спиридонович* (1866–1925) – священник, общественный деятель, журналист, публицист и проповедник, пользова-

шийся огромной популярностью в предреволюционной России. Его публичные лекции привлекали толпы людей. Петров был сторонником христианского социализма. В своих выступлениях и сочинениях он выдвигал на первый план внутреннее нравственное содержание христианской религии – в противовес её внешней, обрядовой стороне. Кроме того, в своих трудах он касался различных областей жизни современного общества, подвергая многие явления резкой критике с точки зрения идеала праведной жизни. В 1907-м Петров был избран в III Государственную думу. Тогда же за критическое письмо митрополиту Антонию его направили на послушание в один из монастырей. В 1908 г. Петров был лишён сана.

90. Очевидно, имеется в виду *Суворин Алексей Сергеевич* (1834–1912) – известный российский журналист, публицист, издатель охранительно-консервативной газеты «Новое время» (1868–1917).

91. *Лорд Пальмерстон (Генри Джон Темпл)* (1784–1865) – знаменитый английский государственный деятель консервативного толка.

92. *Меньшиков Иван Алексеевич* – депутат III Государственной думы от Орловской губернии.

93. *Евлогий* (в миру *Георгиевский Василий Семёнович*) (1868–1946) – церковный и общественный деятель, депутат II и III Государственной думы, активный сторонник монархистов-националистов.

94. См. коммент. к фельетону «Колдунья».

95. *Гучков Александр Иванович* (1862–1936) – крупный капиталист и известный общественный деятель, лидер партии октябристов, депутат III Государственной думы, в 1910–1911 гг. – её председатель.

96. *Кассандра* – в греческой мифологии дочь царя Трои Приама, получившая от Аполлона дар пророчества, но наказанная тем, что никто не верил её по большей части неблагоприятным предсказаниям.

97. Очевидно, авторская ошибка: судя по контексту, имеется в виду *Шульгин Василий Витальевич* (1878–1976) – известный российский политический деятель, публицист, депутат Государственной думы II, III, IV созывов, один из лидеров русских националистов.

98. См. коммент. к сатирическому стихотворению «Колыбельная песенка».

ЧТО ДУМАЕТ АНТРЕПРЕНЁР, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ

Гусляр (Амурский край. 1909. № 56. 13 (26) марта. С. 4).

Едва ли не с первых дней появления на Амуре Ф. Чудаков очень живо реагировал на события театральной жизни Благовещенска, отзывался на многие спектакли: рецензиями (см., например, рецензию «Кинжалные слова» – в коммент. к фельетону «На тему дня»), фельетонами

(«На тему дня», «Весёлый народец!», «В балете» и др.), сатирическими ремейками на поставленные в столице Приамурья пьесы популярного в 1910-е гг. драматурга Е. Чирикова («Колдунья», «Царь природы»), короткими, чаще всего язвительными замечками и репликами в разных рубриках журнала «Колючки», стихотворными поздравлениями («Дорогому юбиляру, Александру Николаевичу Каренину, слава и многие лета!»). Имена амурских актёров, антрепренёров часто упоминаются в его газетных и журнальных материалах. Судя по всему, фельетон «Что думает антрепренёр, когда ему не спится» обращён к одному из известных в Приамурье антрепренёров И.М. Арнольдovu, но для того, чтобы придать произведению более широкий смысл, автор не называет имя того, кого имеет в виду.

99. *Охти* (разг., сниж.) – междометие выражающее сожаление, недовольство и т.п. То же, что «ох».

100. *Сало* (здесь в значении *сальность*) – непристойное, грубоциничное выражение; *грязь иная* (то есть «грязь» не в буквальном, а в переносном значении) – безнравственность, аморальность.

101. *Мельпомена* – в греческой мифологии одна из девяти муз, покровительница трагедии; позже стала символом театрального искусства.

ЖЕРЕБЦЫ

Гусляр (Амурский край. 1909. № 58. 15 (28) марта. С. 4).

102. *Тимошкин Фёдор Фёдорович* (1872 – не ранее 1917) – видный деятель право-монархического движения, член правой фракции III Государственной думы, из крестьян Саратовской губернии. Принимал участие в деятельности черносотенных организаций: Русский народный союз имени Михаила Архангела и Союз русского народа.

103. *Октябристы* – члены партии (и имеющей большинство в III Государственной думе партийной фракции) Союз 17 октября – существовавшей в России в 1905–1917 гг. правоцентристской, праволиберальной партии крупных землевладельцев, промышленников и чиновников.

104. См. коммент. к фельетону «Сказание об Исаакии-витязе».

105. См. коммент. к фельетону «Закрытие порто-франко».

РАЗВЕ НЕ ПАКОСТЬ?

Гусляр (Амурский край. 1909. № 71. 5 (18) апреля. С. 4).

ТОЖЕ НАГРАДА

Гусляр (Амурский край. 1909. № 73. 9 (22) апреля. С. 4).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Сотрудник «Бузуй» Язва (Амурский край. 1909. № 73. 9 (22) апреля. С. 2).

106. Намёк на то, что постоянный автор газеты «Амурский край» *Босьяк* (Ф. Чудаков) в это время (первое полугодие 1909 г.) находится в благовещенской тюрьме.

107. *А-ля* (франц. а la) – подобно, наподобие, словно, по образцу.

108. *Буренин Виктор Петрович* (1841–1926) – русский писатель-сатирик, в 1860-е гг. печатавший свои фельетоны, пародии, памфлеты, критические статьи в демократических изданиях, а с 1876 г. – в консервативно-охранительной газете «Новое время». Оказавшись в консервативном лагере, он ожесточённо травил прогрессивно мыслящих писателей, не брезгуя при этом откровенной клеветой, что сделало имя Буренина символом реакционной журналистики.

109. Пикантность ситуации состоит в том, что и автор этой статьи *Язва*, и подвергаемый жёсткой критике *Амурец*, и *Босьяк*, которого *Язва* берёт под защиту, – одно и то же лицо: сатирик Фёдор Чудаков, скрывающийся за всеми этими псевдонимами. Ещё более поразителен тот факт, что активно печатающийся под разными псевдонимами сразу в нескольких изданиях («Амурский край», «Бузуй», «Эхо») автор отбывает в это время заключение в местной тюрьме – «на горке».

МИНИСТЕРСКИЙ НЕДОСМОТР

Гусляр (Амурский край. 1909. № 76. 12 (25) апреля. С. 2).

110. *Камчатка* (разг., обычно с оттенком шутливости) – задние парты в классе.

111. *Эсерство* – производное от слова «эсеры» (социалисты-революционеры).

112. «*Домострой*» – памятник русской литературы XVI в., составленный при участии священника Сильвестра свод строгих и косных житейских правил и наставлений, отражающих принципы патриархального уклада.

БАСТА ХОДИТЬ БЕЗ ЦЕНЗУРЫ!

Босьяк (Амурский край. 1909. № 195. 10 (23) сентября. С. 2).

113. Имеется в виду русская революция 1905 года.

114. Намёк на возможность для журналистов и издателей оказаться в ссылке в суровых северных краях.

115. Намёк на возможность угодить в тюрьму за свободное слово.

ТИШЬ ДА ГЛАДЬ

Босяк (Амурский край. 1909. № 208. 26 сентября (9 октября). С. 2).

116. Имеется в виду московское отделение созданного в России в 1904 г. по инициативе министерства финансов, министерства внутренних дел и министерства иностранных дел СПТА – Санкт-Петербургского телеграфного агентства.

117. *Азеф Евно Фишелевич* (1869–1918) – один из лидеров партии эсеров и одновременно провокатор, секретный сотрудник департамента полиции (с 1892 г.).

118. *Ландезен Абрам* (наст. имя – *Геккельман Авраам Мойшевич*) (1861–?) – известный провокатор; начал свою деятельность ещё в 1880-х гг., разоблачён В.Л. Бурцевым в 1909 г.

ОСМЕЯНА-ЦАРЕВНА

Босяк (Амурский край. 1909. № 211. 1 (14) октября. С. 2–3).

119. *Сера, серка* – в Восточной Сибири топлёная смола лиственницы, подобие жевательной резинки.

120. *Дактиль* – в русском силлабо-тоническом стихосложении трёх-сложный размер с ударением на первом слоге в каждой стопе.

121. Амурская прерия открыта в августе нынешнего года г. Кауфманом. – *Примеч. автора.*

Кауфман Александр Аркадьевич (1861–1919) – русский учёный-экономист, автор работ по переселенческим вопросам, статистике, а также по проблемам землепользования и землевладения в Сибири. Один из лидеров кадетской партии.

122. Пароход «Сибирь» плывал по Амуру с 1908 г., совершая рейсы по маршруту Сретенск – Благовещенск.

123. *Джалинда* – небольшая река, левый приток реки Ульмы (совр. Мазановский р-н Амурской области).

124. «Амурка» – Амурская железная дорога.

125. *Мон шер* (франц. *mon cheri*) – мой дорогой.

126. Вторая глава фельетона в «Амурском крае» не появилась.

ЦАРЬ ПРИРОДЫ

Босяк (Амурский край. 1909. № 219. 11 (24) октября. С. 2).

Фельетон Ф. Чудакова «Царь природы» повторяет название написанной в 1909 г. пьесы Евгения Николаевича Чирикова, в которой высмеиваются анекдотические формы протеста уездных интеллигентов против косного мещанского быта. Герой произведения Чирикова чиновник Передрягин, стремясь любой ценой вырваться из затхлой повседневности, готов взлететь на воздушном шаре. Финал пьесы Е. Чирикова, как и фельетона Ф. Чудакова, отражает крах иллюзий на новый общественный подъём в России.

127. См. коммент. к фельетону «Колдунья».

128. *Кадет* – конституционный демократ, член конституционно-демократической партии («партии народной свободы»), одной из самых влиятельных политических сил в дореволюционной России (существовала в 1905–1917 гг.).

129. *Исправник* – в дореволюционной России начальник уездной полиции.

130. *Глюк* – в данном контексте галлюцинация; намёк на призрачность, эфемерность конституционных свобод в предреволюционной России.

131. *Назад тому четыре года* – то есть во время Первой русской революции (1905–1907).

132. «*Речь*» (1906–1917) – ежедневная газета либерального направления, центральный орган партии кадетов.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ

Босяк (Амурский край. 1909. № 236. 1 (14) ноября. С. 2–3).

133. «*Нива*» (1870–1918) – самый популярный в предреволюционной России еженедельный иллюстрированный литературно-художественный и научно-популярный журнал, рассчитанный на массового читателя.

134. *Грёзовские головки* – многочисленные живописные изображения женских и детских головок, автором которых является *Грёз Жан Батист* (1725–1805) – французский художник, для работ которого характерно сочетание чувствительности с преувеличенным пафосом, идеализация натуры, доходящая до слащавости.

135. *Гекатомба* (греч. hekatombe, от hekaton – сто, и bus – бык) – в Древней Греции жертвоприношение, состоявшее из 100 быков; впоследствии – всякое значительное общественное жертвоприношение. В

переносном значении – огромные жертвы, жестокое и бессмысленное истребление или гибель большого числа людей.

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ

Босьяк (Амурский край. 1909. № 262. 3 (16) декабря. С. 2).

136. *Мордин Павел Васильевич* (1864–1925) – известный благовещенский купец, крупный золотопромышленник, владелец нескольких золотых приисков, стекольного и кирпично-гончарного заводов, паровой лесопильни, водяной мельницы и т.д. Выведен в коллективном романе «Амурские волки» (1912) под именем Харин.

137. *Ундервуд* – марка пишущей машинки, производившейся с 1895 г. одноимённой компанией (по имени американского предпринимателя Джона Томаса Ундервуда) со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

КУПЛЕТНЫЕ ВИРШИ

Босьяк (Амурский край. 1909. № 268. 10 (23) декабря. С. 2).

138. *Аджемов Моисей Сергеевич* (1878–1950) – российский политик, член кадетской партии, депутат III Государственной думы.

139. См. коммент. к фельетону «Жеребцы».

140. Не вполне точно цитируемая первая строфа стихотворения В.А. Жуковского «Старая песня на новый лад (На голос: “Гром победы, раздавайся!”)» (1831):

Раздавайся, гром победы!
 Пойте песню старины:
 Бились храбро наши деды;
 Бьются храбро их сыны.

141. *Живительный напиток* – в данном контексте контрабандный китайский спирт.

142. Имеется в виду благовещенская тюрьма, расположенная «на горке».

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПАТРИОТА

Босьяк (Амурский край. 1909. № 274. 17 (30) декабря. С. 2).

143. *Бубновый туз* – в дореволюционной России нашивка в виде красного или жёлтого ромба на спине халата каторжника.

144. *Казённая квартира* – тюремная камера, тюрьма.

ВЕСЁЛЫЙ НАРОДЕЦ!

Язва (Амурский край. 1909. № 277. 20 декабря (2 января). С. 2).

145. *Чиновники одного синеворотничного ведомства* – имеются в виду жандармы, носившие форму синего цвета.

146. *Ей-богу, господа, в партере. Хоть у билетёра спросите: «где, мол, Язва в пятницу сидела?»* – *Примеч. автора.*

Данное примечание – характерный пример авторской иронии и самоиронии, склонности Ф. Чудакова к мистификациям, к «запутыванию следов».

147. *«Анатэма»* (1909) – пьеса Л.Н. Андреева, по которой в Благовещенске труппой антрепренёра Ивана Макаровича Арнольдова был поставлен спектакль.

148. *Штиль* (устар.) – стиль, слог, манера речи.

149. *Вистую* – играю, термин в карточной игре.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Босяк (Амурский край. 1910. № 6. 9 (22) января. С. 2).

150. *«Амурка»* – здесь имеется в виду Амурская железная дорога, строительство которой велось в 1907–1916 гг.

151. *«Дэк»* – эсдек, социал-демократ.

152. *«Эрка»* – эсерка, социалистка-революционерка.

ОКАЗИЯ!

Босяк (Амурский край. 1910. № 41. 21 февраля (6 марта). С. 3).

153. *Голицын Александр Дмитриевич* (1874–1957) – князь, общественный и политический деятель, один из основателей «Союза 17 октября», депутат III Государственной думы от Харьковской губернии.

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Босяк, *Гусляр* (Амурский край. 1910. № 47. 10 (23) марта. С. 2 – первые две части; № 51. 14 (27) марта. С. 3 – третья часть).

Редчайший случай: амурский сатирик подписал одно произведение двумя своими псевдонимами: первый псевдоним (*Босяк*) стоит под первой частью фельетона и третьей, второй (*Гусляр*) – под второй.

154. Имеется в виду возникший в декабре 1909 г. в III Государственной думе новый политический союз – «русская национальная фракция», которую образовали две группы депутатов правого толка – так называемая «национальная группа» (крайние националисты) и «умеренно-правые».

155. Очевидно, имеется в виду *Прошьянц Гагик Аракелович* – в 1910-е гг. сверхштатный чиновник при областном врачебном управлении, практикующий врач, врач Благовещенского реального училища, врач частной лечебницы для стационарных больных.

156. *Эскулап* – в античной (римской) мифологии бог врачевания; в переносном значении (обычно ироническом) – врач, медик.

157. *Ефимов, Власов, Залетаев* – благовещенские купцы, предприниматели.

158. См. фельетон «Типы избирателей» и коммент. к нему.

159. Игра слов: один из литературных псевдонимов Фёдора Коротаева – *Ф. Дудка*.

160. *Тауц Лев* – хабаровский полицмейстер (1906–1909), из бывших тюремных надзирателей. Приобрёл скандальную известность тем, что, вступив в должность, разогнал профессиональные полицейские кадры, набрав им на смену, в том числе, бывших уголовников, с которыми вступил в сговор с целью личного обогащения. Хабаровская полиция под руководством Тауца занималась поборами, обложила торговые заведения «данью». Когда в 1909 г. по инициативе и усилиями возмущённых граждан это стало достоянием гласности, Л. Тауца, вместо того, чтобы отправить в тюрьму, перевели в Никольск-Уссурийский, где он продолжил «борьбу с преступностью».

161. *Саврас без узды* (устар., разг.) – необузданный, бесшабашный молодой человек (чаще купеческий сынок), предающийся кутежам и буйному разгулу.

162. *Шпик* – агент полиции, сыщик.

163. Неточно процитированное начало стихотворения Н.А. Некрасова «Зелёный шум» (1863):

Идёт-гудёт Зелёный шум,
Зелёный шум, весенний шум!..

164. *Куртеев Костя* – Куртеев Константин Константинович старший (2-й). См. о нём коммент. к фельетону «Дуэль».

165. *Дума новая* – имеется в виду избранная в 1910 г. городская дума Благовещенска.

166. «*Умерла моя газета*» – имеется в виду редактируемая К.К. Куртеевым-старшим газета «Благовещенск» (1907–1912), выходившая на деньги купцов-молокан города.

ВЕСЕННИЙ ФЕЛЬЕТОН

Босяк (Амурский край. 1910. № 60. 25 марта (7 апреля). С. 3).

167. *Благовещение* – православный праздник, отмечаемый 25 марта (7 апреля).

168. Строчка, очевидно, была вычеркнута по цензурным основаниям.

4. «ЭХО»

«Эхо» – «прогрессивная» (умеренно-либеральная) общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Благовещенске в 1908–1915 гг., предшественница «Амурского эха».

ЛИРИКА

Язва (Эхо. 1911. 9 (22) января. № 659. С. 4).

169. *Ergo* – следовательно, в результате.

НАСТРОЕНИЕ

Язва (Эхо. 1911. 6 (19) февраля. № 682. С. 4).

Фельетон «Настроение» является откликом на закрытие пограничного перехода и таможи между Благовещенском и китайским городом Сахалином (совр. Хэйхэ) из-за эпидемии холеры в Китае, в результате чего оказалась парализована поставка китайского спирта и водки («харбинки»).

170. *Ротт Вениамин Яковлевич* (1884–1938) – известный благовещенский адвокат, в 1911 г. помощник присяжного поверенного (в 1913–1916 – присяжный поверенный). В конце 1930-х, когда он проживал в Красноярске, обвинён в шпионаже и расстрелян.

171. *Мастодонт* – огромное вымершее животное, по внешнему виду напоминающее слона.

172. См. коммент. к фельетону «Феноменальный организм».

КОШМАР ФЕЛЬЕТОНИСТА

Язва (Эхо. 1911. 13 (26) февраля. № 688. С. 4).

Фельетон «Кошмар фельетониста», как и написанный в 1918 году фельетон «Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!», даёт

основание утверждать, что день рождения сатирика приходился на первую половину февраля.

ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ

Язва (Эхо. 1911. 18 февраля (3 марта). № 692. С. 4).

Фельетон «Через 50 лет» посвящён критике аграрной политики премьер-министра П.А. Столыпина по разрушению общинного устройства крестьянской России, а также содержит выпады, направленные против III Государственной думы, поддержавшей данную программу. «50 лет» – срок, прошедший с момента отмены в России крепостного права (1861).

173. *Grand-mère* (фр.) – бабушка.

174. *Крупенский Павел Николаевич* (1863–1939) – общественный и политический деятель, один из лидеров Всероссийского национально-го союза, член II, III, IV Государственной думы.

175. См. коммент. к фельетону «Торжество победителей».

176. *Отруб* – земельный участок, выделяемый из общинной земли (в результате аграрной реформы П.А. Столыпина начала XX века) в единоличную крестьянскую собственность (в отличие от хутора – без переноса усадьбы).

177. См. коммент. к фельетону «Сказание об Исаакии-витязе».

178. «*Пойдёшь в кусочки*» – пойдёшь побираться, просить кусочек хлеба.

ЛИРИЧЕСКИЕ БАСНИ

Язва (Эхо. 1911. 3 (16) апреля. № 727. С. 4).

ЛЕВОЕ ЗАСИЛЬЕ

Гусляр (Эхо. 1911. 6 (19) апреля. № 729. С. 3).

179. *Союз Михаила Архангела* (*Русский народный союз имени Михаила Архангела*) – крайне правая, черносотенная политическая организация, возникшая в начале 1908 г. в результате выхода из «Союза русского народа» части её членов.

180. *Треф* – полицейская собака-ищейка, получившая легендарную известность в 1909 году.

181. *Шерше ля крамола* – перефразирование известного французского выражения *Шерше ля фам* (*Cherchez la femme*) – ищите женщину.

182. *Макс (Максим, Максимка)* – собака Фёдора Чудакова, упоминаемая или фигурировавшая в ряде его произведений. Застрелена хозяином в ночь самоубийства (28 февраля 1918 г.).

183. «*Амурская волна*» – газета, в начале XX века выходившая в Благовещенске.

184. *Чернов Виктор Михайлович* (1873–1952) – один из основателей и лидеров партии эсеров, её теоретик.

185. *Лорд-мэр* – городской голова.

НА ДОСУГЕ

Язва (Эхо. 1911. 8 (21) апреля. № 731. С. 5).

186. Очевидно, имеется в виду газета «Голос Москвы» – печатный орган партии Союз 17 октября.

$$2 \times 2 = 4$$

Язва (Эхо. 1911. 14 (27) апреля. № 732. С. 3).

МАЁВКА

Язва (Эхо. 1911. 1 (13) мая. Прибавление к № 747. С. 2).

187. «*Сакья-Муни*» (1885) – стихотворение поэта-символиста Д.С. Мережковского.

ПРОВОДЫ ВЕСНЫ

Язва (Эхо. 1911. 12 (25) июня. Прибавление к № 780. С. 2).

Откликом на шуточно-серьёзное стихотворение Ф. Чудакова «Проводы Весны» стала «дружеская» пародия автора, скрывшегося под псевдонимом *Aveugle*. Она была напечатана в этой же газете спустя две недели (Эхо. 1911. 23 июня. № 789. С. 3). В переводе с французского, *Aveugle* – слепой. То ли по причине идейно-эстетической «слепоты» и «глухоты» автора пародии, то ли в силу сознательной его установки, взятые в качестве эпиграфа строчки Чудакова приведены неточно. Вместо «И опять призывал я весенний трезвон...» у *Aveugle* в эпиграфе звучит: «И опять прозевал я весенний трезвон...». Само же содержание пародии почти не отражает идейный смысл произведения Чудакова, в котором акцент делается вовсе не на интимной, не на «романтической», а на социально-политической проблематике.

Тем не менее, пародийный отклик *Aveugle* заслуживает (в силу того, что Чудаков редко упоминался газетных упоминаний – в том числе и сатирико-юмористических) того, чтобы привести его полностью.

Дружеский экспромт

Посвящаю Ф.И. Ч. [Ф.И. Чудакову]

*Караул! Вот опять улетела весна,
Отлетела, как утренний сон.
И опять прозвевал я весенний трезвон,
Как дурак, ни в кого не влюблён.*

ЯЗВА. Проводы Весны

Не кричи «караул», беспокойный поэт,
Не тревожь ты читателя сон;
Лучше выслушай дружески-тёплый совет,
Продиктован участием он.

Всё на свете имеет свой смысл и резон
(*Raison d'être*, говоря по-французски)¹,
Ты пойми, примиришь и «не при на рожон»
(Выражаясь по истинно-русски).

Что случилось? Пожар? Наводнение? Разбой?
Кошелёк из кармана стащили?
Иль «аферу» какую сыграли с тобой?
На мозоль невзначай наступили?
«Улетела Весна...» Есть о чём горевать,
А кричать уж совсем неуместно;
Проводил ты весну – надо лето встречать,
Это каждому, друг мой, известно.

И какого ж трезвона ты ждал от весны?
Вот на Пасху бывает трезвон...
Впрочем... мог получить и от умной жены,
Если б вдруг оказался влюблён...

Всё проходит... Прошла и весна,
Пыльно-жарким сменилася летом;
Будет осень, зима – эта смена ясна,
И напрасно грустишь ты об этом.

¹ *Raison d'être* (фр.) – смысл, смысл существования, разумное основание существования.

Ободришь же, отбрось ты унынье твоё,
И встряхни кучерявой главою.
Помни: «Каждому овощу время своё»,
Не найдёшь ты редиски зимою!..

188. *Восторгов, Марков, Попов, Гучков* – фамилии представителей правого, доминирующего крыла III Государственной думы.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Язва (Эхо. 1911. 19 июня (2 июля). № 786. С. 3).

ПОБОЧНЫЙ ТРУД

Язва (Эхо. 1911. 22 июня (5 июля). № 788. С. 3).

УТРОМ В ЛОДКЕ

Язва (Эхо. 1911. 24 июня (7 июля). № 790. С. 3).

ЧИТАТЕЛЬ

Язва (Эхо. 1911. 26 июня (9 июля). Прибавление к № 792. С. 2).

ВОПЛЬ ФЕЛЬЕТОНИСТА

Язва (Эхо. 1911. 29 июня (12 июля). № 794. С. 3).

189. *Могарыч* – выпивка по случаю заключения какой-либо сделки.

190. Очевидно, Ф. Чудаков подготавливает читателей к стихотворению «Светляк» с посвящением «Ей», которое появится в «Эхе» спустя четыре дня (см. раздел «Лирика»).

ЗАСЕДАНИЕ В «КУРЬЕ»

Язва (Эхо. 1911. 3 (16) июля. Прибавление к № 797. С. 1).

191. *Курья* – в Приамурье так именуют речной залив, старое невысохшее русло реки, небольшую протоку.

192. *Косатка-скрипун* – небольшая рыба, широко распространённая в бассейне реки Амур.

БЕЗРАБОТНЫЙ

Язва (Эхо. 1911. № 799. 6 (19) июля. С. 3).

ИЗ ДОРОЖНОГО АЛЬБОМА

Я–а (Эхо. 1911. 16 (29) июля. № 808. С. 3).

ИЗ «АМУРСКИХ БАСЕН»

Гусляр. (Эхо. 1911. 19 июля (2 августа). № 810. С. 3).

НУЖДЫ КРАЯ

Язва (Эхо. 1911. 20 июля (3 августа). Прибавление к № 811. С. 2).

193. *Ямщина* (устар.) – занятие ямщиков; ямщичество; выполнение соответствующей повинности.

ЗАКЛАДКА

Язва (Эхо. 1911. 20 июля (3 августа). Прибавление к № 811. С. 2).

194. См. коммент. к фельетону «Блины с гарниром».

НАКИПЬ ДНЯ

Гусляр (Эхо. 1911. № 816. С. 3).

195. «*Голос Москвы*» – ежедневная политическая газета, орган партии октябристов (Союза 17 октября), издававшаяся в 1906–1915 гг. Издатель и первый редактор, а в дальнейшем фактический руководитель (и партийный лидер) – А.И. Гучков. Издание, субсидировавшееся крупными промышленниками, выступало за умеренные буржуазные реформы, поддерживало внешнеполитическую экспансию и гонку вооружений, в недалёком будущем одобрило участие России в 1-й мировой войне. Гучков и его партия, Гучков и октябристская III Дума – постоянные мишени для сатирических и иронических стрел Ф. Чудакова.

196. *Алексинский Николай Павлович* – зав. гидротехническим отделом Амурского переселенческого района, по образованию горный инженер, казначей попечительного совета общины сестёр милосердия, член и казначей Амурского окружного правления общества спасания на водах, гласный городской думы, покинул Благовещенск в 1911 г.

197. Имеется в виду газета «Амурский листок» выходившая в Благовещенске в 1910–1914 гг.

198. *Лорд-мэр* – в Англии глава муниципалитета, городской голова. Н.П. Алексинский до бегства из Благовещенска был в числе кандидатов на должность городского головы.

199. Это ироничное примечание Ф. Чудакова призвано не опровергнуть, а, напротив, подтвердить сложившееся в демократических кругах представление о казаках (в том числе кубанских), как о карателях, участвующих в подавлении революционного движения в царской России.

НАКИПЬ ДНЯ

Язва (Эхо. 1911. № 820. С. 4).

ОЧЕНЬ ПРОСТО!

Язва (Эхо. 1911. 10 (23) августа № 827. С. 3).

В СОБАЧЬЕЙ ЯМЕ

Гусляр (Эхо. 1911. 11 (24) августа. № 828. С. 3).

200. *Будунда* (совр. *Ивановка*) – небольшая (176 км) река в Амурской области, левый приток Зеи, впадает в районе с. Усть-Ивановка, немного выше Благовещенска, на противоположном берегу; то есть там же, где находится и упомянутое в фельетоне Чудакова озеро *Моховое*.

НАКИПЬ ДНЯ

Гусляр (Эхо. 1911. № 831. С. 4).

201. *Стуков Иннокентий Платонович* – бывший псаломщик благовещенской Вознесенской церкви, учитель Вознесенской церковно-приходской школы, уволенный в 1900 г. от этой должности и из духовного звания. В 1911 г. учитель, зав. училищем им. Гоголя.

202. См. коммент. к фельетону «Левое засилье».

203. См. коммент. к стихотворению «В библиотеке».

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

Гусляр (Эхо. 1911. 3 (16) сентября. № 845. С. 3).

ДВЕ ТРЕТИ

Язва (Эхо. 1911. 6 (19) сентября. Прибавление к номеру. С. 2).

204. *Кассо Лев Аристидович* (1865–1914) – в 1911–1914 гг. министр народного просвещения Российской империи, убеждённый сторонник консервативно-охранительной политики в сфере образования, из-за чего находился в конфликте с либеральным общественным мнением. При Кассо проводилась в жизнь программа реформирования среднего образования, сводящаяся к усилению государственного контроля над учебными заведениями. В частности, он ввёл в действие правило, согласно которому был установлен высокий – 2/3 от числа всех родителей – кворум для собраний, избравших родительские комитеты, что фактически привело к прекращению деятельности подобных общественных органов. *Фельетон Ф. Чудакова* – реакция на введение этого правила.

17 ОКТЯБРЯ

Язва (Эхо. 1911. 18 (31) октября. № 879. С. 3).

Фельетон написан по случаю шестой годовщины со дня подписания Николаем II манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором были провозглашены гражданские свободы, создание народного представительства в форме Государственной думы и др.

НАКИПЬ ДНЯ

Язва (Эхо. 1911. № 894. С. 3).

СЛОВО О ПОЛКУ АНТРЕПРЕНЁРОВЕ

Гусляр (Эхо. 1911. 8 (21) ноября. № 896. С. 3; 11 (24) ноября. № 899. С. 3).

205. См. коммент. к сатирическому рассказу «Драма в вагоне».

206. См. коммент. к фельетонам «На тему дня» и «Что думает антрепренёр, когда ему не спится».

207. См. коммент. к фельетону «Краткая история Амурского края...»

208. *Антреприза* – частное зрелищное предприятие (театр, цирк и т.п.), небольшая (из 3–5 актёров) труппа, создаваемая обычно на какое-то время и выступающая с минимумом декораций.

209. *Ник Картер* – герой детективных историй популярной в конце XIX в. серии романов (их авторы: Д.Р. Корнелл, Т.Ч. Харбо и Ф. ван Дей), рассчитанных на непритязательного читателя.

210. *Аркадки* – авторский неологизм, производное от *Аркадия* (книжн., устар., ныне преимущественно ирон.) – древнегреческая об-

ласть, в переносном смысле место беспечной, счастливой жизни, идиллического пастушеского счастья.

211. *Пан Твардовский* – герой польской народной легенды, живший в XVI в. Желая приобрести сверхъестественные познания и пожить в своё удовольствие, продал свою душу дьяволу, после чего имел много весёлых приключений. Когда по истечении условленного срока дьявол уводил пана Твардовского в ад, тот спасся, запев духовную песнь; однако был осуждён пребывать между небом и землёй до Страшного Суда. Легенда о пане Твардовском является польской версией легенды о Фаусте; эта тема многократно обрабатывалась польскими авторами. Возможно, в фельетоне Чудакова речь идёт о театральной переработке этой легенды.

212. *Трефилов Сергей Александрович* – театральный деятель начала XX века, актёр и антрепренёр, известный постановщик антреприз в ряде провинциальных театров России.

213. См. в разделе «Лирика» стихотворное посвящение Ф. Чудакова «Дорогому юбиляру, Александру Николаевичу Каренину, слава и многие лета!» (1910).

ПО БОЛЕЗНИ, С МУНДИРОМ И ПР.

Язва (Эхо. 1911. 10 (23) ноября. № 898. С. 3).

214. См. коммент. к фельетону «Колдунья».

215. См. коммент. к фельетону «Сколько их!..»

НАКИПЬ ДНЯ

Язва (Эхо. 1911. № 904. С. 3).

216. См. об Алексинском более ранний фельетон Чудакова в этой же рубрике (*Гусляр. Накипь дня (Расхрабрившись, точно кочет...)* // Эхо. 1911. № 816). Подмеченное и язвительно прокомментированное автором фельетона изменение в общественном мнении Благовещенска по отношению к инженеру Алексинскому, растратившему крупную сумму общественных денег и сбежавшему за границу, имело свою подоплёку. В подобной «реабилитации» были заинтересованы очень влиятельные персоны, прежде всего Александр Гаврилович Чаплинский – вице-губернатор (с мая 1909 г.) Амурской области.

В июле 1911 г. в одном из номеров (№ 59) издаваемой и редактируемой Александром Матюшенским (Седым) газеты «Амурский пионер» появилась статья, в которой утверждалось, что Чаплинский тесно связан с обвинённым в хищениях и бежавшим из области Алексин-

ским. Газета утверждала, что Алексинский жил в одной квартире с Чаплинским, что он является всего лишь «жертвой» кружка лиц, втягивавших его в разгульную жизнь, что и вызвало растрату казённых средств. Во главе этого кружка, по утверждению газеты, был именно вице-губернатор Чаплинский, а входили в его состав полицмейстер Данильчук, его помощник Цесарский, уездный начальник Адрианов и другие влиятельные лица. Газета сообщала, что растроченные членами «клики» казённые деньги и добытые ими взятками суммы «прокучивались» и проигрывались в квартире Чаплинского. В течение нескольких месяцев «Амурский пионер» опубликовал ещё ряд статей на эту тему. Конфликт между Матюшенским и Чаплинским, поводом для которого стало бегство из Благовещенска инженера Алексинского, разрастался, приобретая чрезвычайно скандальный характер.

17 февраля 1912 г. исполнявший в то время обязанности военного губернатора области Чаплинский издал постановление о наложении на Матюшенского за публикацию статьи «Потешные в крае» штрафа в размере 1000 рублей с заменой, при неспособности выплатить штраф, тюремным заключением сроком на 1 месяц. В ответ на это редактор «Амурского пионера» направил жалобы генерал-губернатору Приамурья Н.Л. Гондатти, министру внутренних дел Российской империи А.А. Макарову, министру юстиции, председателю Совета министров; в них он обвинял вице-губернатора в «преступных деяниях» и утверждал, что тот мстит журналисту «за статью о его сожителе Алексинском». А. Чаплинский, в свою очередь, обращался к Н.Л. Гондатти с просьбой закрыть газету «Амурский пионер» и выслать её редактора «из пределов области». Чувствительный к либеральному общественному мнению Гондатти, опасавшийся прослыть «душителем свободной печати», какое-то время колебался, не принимал мер по отношению к редактору «Амурского пионера». Однако властям пришлось «тушить пожар»: в конце концов газета «Амурский пионер» была закрыта, а Матюшенский за «клевету» был осуждён на 4 месяца тюрьмы. «Сожителя» же инженера Алексинского А. Чаплинского от греха подальше перевели в Петропавловск-Камчатский.

Судя по всему, именно замешанные в скандале официальные лица во главе с вице-губернатором А. Чаплинским направляли общественное мнение Благовещенска в русло «реабилитации» растратчика Алексинского. Прямо не называя причины реабилитации Алексинского, Ф. Чудаков, тем не менее, намекает читателям газеты «Эхо», конечно же посвящённым в детали этой скандальной истории, что здесь не обошлось без двойной морали и без высоких покровителей.

СЛЕЗНИЦЫ

Гусляр (Эхо. 1911. 30 декабря (12 января). № 936. С. 3).

КОЛЁСНАЯ

Гусляр (Эхо. 1911. 31 декабря (13 января). С. 3).

Сатирическое стихотворение «Колёсная» посвящено *Амурской колёсной дороге* (так называемой «*Амурской колесухе*») – трактовой дороге для гужевого транспорта между Благовещенском и Хабаровском, которая строилась с 1898 по 1910 г. силами крестьян-переселенцев, солдат и, в основном, каторжан.

5. «ЗЕЯ»

«*Зея*» – еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся в Благовещенске в 1914–1915 гг. Дата выхода первого номера – 19 января (1 февраля) 1914 г., последнего – 24 января (5 февраля) 1915 г. Из-за постоянных цензурных запретов и административных санкций вышло всего несколько номеров. Официальный (номинальный) редактор-издатель журнала – Андрей Степанович Лобанов. Реальным редактором и автором едва ли не большинства опубликованных в издании материалов был Ф. Чудаков. В отличие от сатирических произведений, созданных им в первые годы пребывания на Амуре, в том числе вошедших в сборник «Шпильки» (1909) или печатавшихся в журнале «Колючки» (1909–1910), подавляющее большинство произведений (стихотворных и прозаических фельетонов, рассказов, лирических стихов) Чудакова, опубликованных в «Зее», тематически связано с Приамурьем. Как и в «Колючках» (а позже – в журнале «Дятел, беспартийный», 1918), в «Зее» Чудаков подписывал свои произведения несколькими псевдонимами или инициалами – и часто применяемыми, а потому легко узнаваемыми: *Гусляр, Язва, Босьяк, Амурец, Фёдор Ч., К. Рез.*; и редкими: *Мисс Нелли, Мураш, Блинохват* и др. Составителю данной книги удалось отыскать в полном виде лишь третий и четвёртый номера журнала «Зея».

НЕГЛАСНАЯ РЕВИЗИЯ

Гусляр (Зея: Еженедельное иллюстрированное издание. 1914. № 3. 2 февраля. С. 8–10).

217. *Бадаев Алексей Егорович* (1883–1951) – политический (в советское время – государственный) деятель, большевик с 1904 г. В 1912 г. избран в IV Государственную думу. В ноябре 1914 г. арестован по делу думской социал-демократической фракции, в 1915 г. выслан в Туруханский край.

218. *Туляков Иван Никитич* (1887–1918) – политический деятель, меньшевик, член социал-демократической фракции IV Государственной думы, как и А.Е. Бадаев, арестован в ноябре 1914 г.

219. Депутата *Пулина* с таким отчеством в Государственной думе дореволюционного времени не было. Реально существовавший депутат: *Пулин Иван Емельянович* (1864 – не ранее мая 1917). Член IV Государственной думы от Симбирской губернии. Крестьянин, торговец, волостной судья (1904–1906). После раскола фракции правых (ноябрь 1916) примкнул к группе независимых правых во главе с князем Б.А. Голицыным. В мае 1917 г. был арестован односельчанами из-за нежелания передать им часть своей земли (был освобождён по личной телеграмме председателя Думы М.В. Родзянко). Дальнейшая судьба неизвестна.

220. «*Брюхановские отголоски*» – очевидно, вымышленное название. Возможно, автор фельетона отталкивался от названия известной ему газеты «Амурские отголоски», выходившей в Благовещенске в 1907–1908 гг. под редакцией И.О. Мокина.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АМУРСКОГО КРАЯ

Язва (Зeya. 1914. № 3. С. 10).

Предшествующие три части «Краткой истории Амурского края...» в данное издание не вошли, так как обнаружить первый и второй номера журнала «Зeya», где они напечатаны, не удалось.

221. *Поярков Василий Данилович* – русский землепроходец XVII в., один из первооткрывателей Восточной Сибири и Дальнего Востока. В 1643–1646 гг. во главе отряда численностью около 130 человек прошёл из Якутска по рекам Лена, Алдан, Учур, Гонам и через водораздел вышел на реку Зeya, затем по ней на Амур; от устья Амура Охотским морем достиг устья реки Улья. После зимовки прошёл на лыжах до верховьев реки Мая и по рекам бассейна Лены вернулся в Якутск. Собрал ценные сведения о природе и населении обширных районов Дальнего Востока. Отличался жестокостью по отношению к местным жителям. Именем Пояркова назван населённый пункт в Амурской области.

222. *Сице* (устар., диал.) – так, таким образом.

223. *Стессель Анатолий Михайлович* (1848–1915) – генерал-лейтенант (с 1901). Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

С 1899 г. командовал 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригадой, участвовал в подавлении Ихэтуаньского восстания в Китае (1900). С августа 1903 – комендант Порт-Артура, с января 1904 – командир 3-го Сибирского корпуса, с марта 1904 – начальник Квантунского укрепрайона. Невежественный, самовлюблённый и лживый, Стессель сумел снискать поддержку части прессы, которая, несмотря на его трусость во время обороны Порт-Артура, прославляла его как героя. В декабре 1904 г., вопреки решению Совета обороны, Стессель сдал японцам крепость. В 1907 г. был привлечён к суду и приговорён к смертной казни, заменённой 10-летним заключением. В апреле 1909 г. помилован Николаем II.

ТРЕНИРОВКА

Амурец (Зея. 1914. № 3. С. 10).

224. *Бочкарёво* – железнодорожная станция в 108 км к северо-востоку от Благовещенска, построенная в 1913 г. при прокладке Амурской железной дороги. В 1931 г. переименована в Краснопартизанск. С 1935 г. – Куйбышевка-Восточная, с 1957 г. – город Белогорск.

225. *Цугом* – вереницей, один за другим, толпой.

226. *Реомюр* – здесь в значении термометр, названный по имени Реомюра Рене Антуана (1683–1757) – французского естествоиспытателя, создателя спиртового термометра, шкала которого определялась точками кипения и замерзания воды и была разделена на 80 градусов. Один градус по Реомюру соответствует 1,25 градусов по Цельсию, следовательно, 30 градусов по Реомюру – это 37,5 градусов по Цельсию.

227. *Хлебная слеза* (устар., простор.) – водка.

СПУТНИК ПАССАЖИРА

Амурец (Зея. 1914. № 3. С. 13).

228. *Амурка* – Амурская железная дорога.

229. *Куэнга* – железнодорожная станция в Читинской области – ныне Забайкальском крае (Сретенский район, село Дунаево).

230. *Белогорье* – железнодорожная станция, находящаяся в 25 км от Благовещенска на правом берегу Зеи, в девяти км ниже железнодорожного моста на линии Благовещенск – Белогорск. Ныне входит в городской округ Благовещенск.

231. *Сочленовный* (анат., медиц.) – суставной, прилагательное, по значению связанное с принадлежностью к сочленению, к нахождению в области сочленения.

АТТЕСТАЦИЯ

Мураш (Зея. 1914. № 3. С. 14).

232. Ныне город Свободный Амурской области.

233. *Начальник края* – генерал-губернатор Приамурья (в 1911–1917) Н.Л. Гондатти.

234. *Лонись* (устар., диал.) – прошлого года, в прошедшем году.

235. *Шпанки* – от *шпана*, *шпаны* – арестанты (жарг., устар.); хулиганы, жулики (прост., вульг.).

КАРЬЕРА

Дед Никита (Зея. 1914. № 3. С. 13).

236. *Куртеев Константин Константинович (младший, или 2-й)* (1882–1937) – известный на Дальнем Востоке журналист, сотрудник и редактор нескольких газет, вышедших в Благовещенске и Хабаровске в начале XX в., сын Константина Константиновича Куртеева (старшего или 1-го) – редактора газеты «Благовещенск». По образованию экономист. В Благовещенске жил в начале 1900-х. Сотрудник «Амурской газеты», «Благовещенска», «Голоса окраины» и некоторых других благовещенских газет, временно исполнял обязанности редактора «Голоса окраины» (с 23 апреля по 28 июня 1906 г.). С 1907 (?) г. жил в Хабаровске. Являлся редактором вышедших там газет «Приамурье» (1911–1913) и «Приамурские ведомости» (1914–1917). В 1920-х – доцент Дальневосточного университета (Владивосток). Автор ряда статей и брошюр, посвящённых экономическому положению Дальнего Востока. В конце 1930-х жил в г. Горьком (ныне Нижний Новгород), работал кредитным ревизором Облфо. Арестован 23 августа 1937 г., обвинялся по статье 58-6 (шпионаж). В декабре 1937 г. Особым совещанием НКВД приговорён к высшей мере наказания и расстрелян.

МОМУС НА АМУРЕ

Фельетон в нескольких частях «Момус на Амуре» был опубликован в журнале «Зея» под псевдонимом *Гусляр*: третья часть (1914. № 3. С. 11–12) и четвёртая (1914. № 4. С. 14–15) представлены в данном издании, первая и вторая в книгу не вошли, так как не удалось отыскать первый и второй номера журнала (за исключением разрозненных страниц), где они были напечатаны.

237. *Момус* – в древнегреческой мифологии бог шуток, насмешек и театрального искусства, лопнувший с досады, не найдя у Венеры никаких недостатков. В фельетоне *Гусляра* Момуса заштопывают по приказанию Зевса, поэтому он здравствует и в начале XX века. И даже отправляется на Амур, узнав о строительстве Амурской железной дороги.

238. *Большая* – центральная улица Благовещенска, ныне улица Ленина.

239. *Банк (Общество) взаимного кредита* с 1913 г. располагался на углу улиц Большой и Мастерской (ныне Шевченко).

240. *Аблакат* (презрит.) – плохой, мелкий адвокат, намёк на необразованного клиента, искажающего слово *адвокат*.

241. *Камрад* (устар.; от франц. *samarade*, нем. *Kamerad*) – товарищ, друг, сослуживец (обычно по отношению к иностранцу).

242. *Гермес* – в греческой мифологии (в римской – *Меркурий*) бог торговли, прибыли, ловкости, плутовства, воровства и красноречия.

243. Названия рек в зоне строительства Амурской железной дороги и в примыкающих районах Забайкалья, Приамурья и Якутии.

244. *Макс Линдер* (1883–1925) – знаменитый в начале XX в. французский актёр-комик, сценарист и режиссёр немого кино.

245. *Ляссе-пассе* (фр. *laissez-passer*) – буквально: *позвольте пройти, пропуск*; в данном речевом контексте: я выполняю обязанности формально, могу лишь встретить и проводить.

246. См. коммент. к фельетону «Феноменальный организм».

247. *Порохов Владимир Константинович* – в 1913–1916 гг. вице-председатель вольно-пожарного общества Благовещенска.

РЕПРИМАНД НЕОЖИДАННЫЙ

Амурец (Зея. 1914. № 4. С. 12).

248. *Реприманд* (устар., шутол., от фр. *reprimande*) – 1) выговор, упрёк, укор; 2) неожиданность.

249. Ресторан «Медведь» был открыт в Петербурге в 1878 г. бельгийским предпринимателем Эрнестом Игелем в здании гостиницы Демута (Большая Конюшенная ул., 27). Ресторан пользовался большой популярностью, его постоянными посетителями были богатые фабриканты, купцы, офицеры, политики, деятели искусства. В 1910-х гг. в «Медведе» часто бывали Ф.И. Шаляпин, князь Ф.Ф. Юсупов, Григорий Распутин и другие знаменитости.

БЛИНЫ С ГАРНИРОМ

Блинохват (Зея. 1914. № 4. С. 15).

После смерти Ф. Чудакова фельетон «Блины с гарниром» перепечатан в журнале «Чайка» (1918. № 5. 2 (15) сентября).

250. Очевидно, имеется в виду *Попов Пётр Петрович* (ок. 1857–1928) – член городской управы Благовещенска (1884–1914), гласный городской думы (1888–1891, 1898–1902, 1910–1918), в 1911–1914 гг. – городской голова Благовещенска.

251. *Взаимному банку* (Обществу взаимного кредита) Благовещенска Ф. Чудаков посвятил фельетон «Момус на Амуре» (часть третья).

252. *Кравчинский Михаил Семёнович* – владелец магазина электротехнических принадлежностей, агент «Первого российского страхового общества 1827 г.».

253. Очевидно, имеется в виду *Красильников Константин Евгеньевич* – сын благовещенского купца, гласный городской думы Благовещенска (1910–1914), по основному роду деятельности инженер, помощник заведующего городской электрической станцией, владелец механической и экипажной мастерской на ул. Зейской, 82. Автор статей по вопросам городского электрического хозяйства в газетах «Благовещенское утро», «Заря Востока» и др.

254. *Дулетов Дмитрий Васильевич* (1871–1919) – юрист, кандидат правоучения, общественный и политический деятель Приамурья первых двух десятилетий XX в. В период первой русской революции увлёкся политической деятельностью, возглавлял местное отделение кадетской партии. Выдвигал свою кандидатуру во II Государственную думу. В 1908–1909 гг. являлся редактором-издателем газеты «Амурская речь», позже сотрудничал с газетами «Эхо» и «Амурское эхо». В 1909 г. привлекался к суду за помещение в «Амурской речи» статей «вредного направления», был приговорён к заключению в крепости на один год. По-видимому, от наказания освобождён в связи с подачей им в министерство юстиции прошения о помиловании (с приложением выписок из газет). В прошении уверял в своей лояльности по отношению к правительству. В январе 1909 г. подал в отставку с должности податного инспектора Зейского участка. После этого перешёл в число присяжной адвокатуры округа Иркутской судебной палаты. В 1911 г. распоряжением министра юстиции лишён права выступать в судах по процессам третьих лиц (Амурский пионер. 1911. № 14. 2 июня. «Хроника», заметка «Из думского зала» – о заседании Думы 31 мая 1911 г.). В мае 1911 г. приглашён на должность городского юрисконсульта Благовещенска. В 1912–1913 г. – помощник присяжного поверенного в Благовещенске. В ноябре 1912 г. – секретарь совета Съезда золотопромышленников Амурского и Буреинского горных округов. На съезде в марте 1913 г. не избран на эту должность. В 1913 г. – годовой член Благовещенского

местного управления Российского Красного Креста. В феврале 1915 г. был делегатом Всероссийского съезда золотопромышленников. В 1917–1919 гг. – активный деятель Союза амурских республиканцев. Участник вооружённого конфликта в Благовещенске в феврале-марте 1918 г. В 1919 г. – член Областного земского собрания. В сентябре 1919 г. – юрисконсульт совета Съезда золотопромышленников Амурской обл. 12 сентября 1919 г. застрелен мужем любовницы, штабс-капитаном П.И. Шаныгиным.

255. *Долин* (наст. фам. *Коган*) *Ефим Михайлович* – известный антрепренёр, артист императорских театров, режиссёр, организовывавший театральные представления в Благовещенске, Иркутске, Чите и других городах Восточной Сибири. В столице Амурской области Долин создал, помимо театра Общественного собрания, театр «Мозаика», в котором ставились низкопробные водевили и оперетки.

256. *Циперштейн Давид Михайлович* – в 1914 г. учитель 2-й женской гимназии.

257. *Мыслéте* – название буквы «м» древней славянской или старой русской азбуки. *Писать мыслете* (разг., шутол.) – то же, что писать вензеля.

258. Очевидно, имеется в виду один из сыновей (Владимир, Константин или Николай) *Лукина Владимира Михайловича* (1843–1908) – купца 1-й гильдии, основателя торгового дома «В.М. Лукин с Сыновьями», одного из владельцев «Сергеевского винокуренного завода» в Хабаровске.

259. *Вешить* – ставить вехи, намечать направление движения, пути.

6. «АМУРСКОЕ ЭХО»

«Амурское эхо» – «политическая и литературная» ежедневная газета «прогрессивного» (на деле, на первых порах скорее умеренно-либерального) направления, выходившая в Благовещенске с 3 февраля 1915 г., вскоре после приостановки (фактически закрытия) газеты «Эхо». Редакторами-издателями газеты в разное время были: Н.Ф. Губанов; с № 136 А.К. Лейснер; с № 151 Ф.И. Галкин; с № 160 вновь Н.Ф. Губанов; с июля 1916 г. А.М. Бродовиков; с № 523 М.Х. Катаев. О программе «Амурского эха» можно судить по объявлению о подписке, помещённому в № 503 за 3 ноября 1916 г.: «Выдвигая на первый план служение краевым интересам, исповедуя, что культурное и экономическое процветание нашего края немыслимо вне широкой самостоятельности населения и демократизации органов управления, – газета, по мере сил,

будет по-прежнему стремиться к возможно полному освещению местной, областной, а также общерусской жизни».

«Амурское эхо» – одна из немногих амурских газет, которая выдерживала высокий уровень публикуемых материалов практически во всех жанрах и разделах. Это относится и к печатавшимся в газете литературно-художественным произведениям. Редакторы явно не хотели, чтобы их издание воспринималось как чисто «амурское», сугубо провинциальное, тем более доморощенное – ни в проблемно-тематическом аспекте, ни в вопросе качества публикаций, ни по составу авторов. Ещё одна отличительная особенность «Амурского эха», в сравнении с большинством других газет Приамурья (особенно с «Амурским листком», «Благовещенском», «Амурским пионером» и «Благовещенским утром») – отсутствие мелочно-скандальной, оскорбительной по тону перебранки с другими периодическими изданиями Приамурья. Самое яркое художественное явление «Амурского эха» – произведения Ф. Чудакова: стихи, прозаические и (чаще) стихотворные фельетоны, рассказы, повести, очерки, заметки, корреспонденции, выходявшие за подписями и под псевдонимами *Амурец*, *Гусляр*, *Дядя Федя*, *Кузьма Резниченко*, *Фёдор Ч.* и др. В «Амурском эхе» художественный талант Чудакова раскрылся во всём блеске, это был уже мировоззренчески абсолютно зрелый, в жанровом и тематическом отношении необыкновенно разносторонний автор, мастерски владевший богатейшим арсеналом поэтических средств.

КУСКИ ЖИЗНИ

Гусляр (Амурское эхо. 1915. 20 февраля (5 марта). № 16).

В «Амурском эхе» немало фельетонов Ф. Чудакова, не теряющих своей актуальности и спустя столетие, выходящих за рамки частных случаев, которым были посвящены, затрагивающих острее проблемы хозяйственно-экономической, социально-политической, духовно-нравственной, культурной жизни страны. Произведений, созданных подлинным мастером художественного слова, тонким стилистом, сатириком отнюдь не провинциального, а национального масштаба. Таков, в частности, фельетон «Куски жизни» – отклик на захлестнувшие прессу жалобы по поводу «засилья» иноземцев и инородцев на Амуре. Добиваясь сатирического эффекта, фельетонист как бы разделяет точку зрения «жалобщиков», охотно «ретранслирует» их аргументацию и их фразеологию, притворно сочувствует «пострадавшим». Автор, как будто бы принявший позицию тех, кто «страдает» от засилья «чужаков», намеренно вгоняет себя в состояние националистического экстаза и тем самым доводит логику жалобщиков до абсурда. Оказывается, они страдают от засилья буквально всех и вся: китайцев-огородников,

японских лекарей, зубных врачей и т.д. Финал фельетона обнажает истинную причину раздуваемой истерии – желание добиться от правительства финансовых преференций (субсидий) или законодательных запретов для сбивающих цены конкурентов (инородцев и иностранцев). Подобные мотивы звучат и в ряде других фельетонов Ф. Чудакова.

260. *Предика* – наставление, поучение, проповедь.

261. *Сахалинские* – китайские врачи, жители города Сахалина. См. коммент. к фельетону «Привычка».

ПРИВЫЧКА

Амурец (Амурское эхо. 1915. 27 февраля (12 марта). № 22).

262. Цитата из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (2, XXXI).

263. Слегка изменённая цитата из рассказа И.Ф. Горбунова «На почтовой станции ночью», главный герой которого, ямщик, хвастаясь, что отлично знает все косогоры, ночью опрокидывает тарантас и на сердитое восклицание барина: «Что ж ты, чёрт тебя возьми!..» – отвечает: «Поди ж ты! Кажинный раз на этом месте...» (Горбунов И.Ф. Сочинения. Т. 1. СПб., 1904. С. 384).

264. *Сахалин* – прежнее, маньчжурское название китайского города Хэйхэ, расположенного на правом берегу Амура, напротив Благовещенска.

265. *Триест* – в прошлом обособленная свободная территория, вольный город, который по итогам Первой мировой войны отошёл к Италии.

СЕНСАЦИЯ

Амурец (Амурское эхо. 1915. 8 (21) марта. № 30).

ПЕРЕЛЁТ

Амурец (Амурское эхо. 1915. 8 (21) апреля). № 51).

Фельетон «Перелёт» – один из немногих сатирических текстов Чудакова, посвящённых сугубо внешнеполитической проблематике. Он является язвительной реакцией на информационную войну, которую ведут против России её европейские недруги и откровенные враги. Автор не становится в несвойственную ему позу «казённого патриота», он реагирует на «газетные утки» западных стран и информационных агентств как честный журналист, презирающий продажность своих европейских коллег.

266. *Вольфовский агент* – сотрудник телеграфного бюро Вольфа (Wolffs Telegraphisches Büro) – информационного агентства печати, основанного в 1849 г. в Берлине.

267. Очевидно, имеется в виду *Tusa Иштван (Tisza István)* (1861–1918) – венгерский политический деятель, премьер-министр Королевства Венгрия.

КТО ОН?

Амурец (Амурское эхо. 1915. 17 (30) октября. № 204).

Фельетон «Кто он?» – отклик на газетную дискуссию о программе только что назначенного министра внутренних дел Алексея Николаевича Хвостова (1872–1918) – видного государственного деятеля, губернатора ряда губерний, племянника Александра Алексеевича Хвостова, который, в свою очередь, будет назначен министром внутренних дел в 1916 г., через несколько месяцев после отставки А.Н. Хвостова. Автор считает эти споры либеральной общественности пустой тратой слов и времени, ибо, по его мнению, никакие новые назначения ничего не могут поменять в самих принципах устройства России как полицейского государства.

268. «*День*» (1912–1918) – ежедневная буржуазная леволиберальная, с июня 1917 г. меньшевистская газета.

269. «*Речь*» (1906–1917) – ежедневная газета либерального направления, центральный орган партии кадетов.

270. «*Биржевые ведомости*» (1880–1917) – умеренно-либеральная газета, помещавшая на своих страницах биржевую и коммерческую информацию, с 1905 г. – политическая, литературная и общественная газета того же либерального направления.

271. Возможно, имеется в виду *Глинка Григорий Вячеславович* (1862–1934) – российский государственный деятель, сенатор.

272. «*Новое время*» (1868–1917) – политическая и литературная газета, занимавшая крайне консервативную позицию.

273. «*Русское слово*» (1895–1917) – ежедневная газета буржуазно-либерального направления, выходившая в Москве.

274. Возможно, имеется в виду газета «*Знамя труда*» (1907–1914), центральный орган партии эсеров или эсеровский нелегальный журнал с тем же названием.

275. «*Русские ведомости*» (1863–1918) – одна из крупнейших российских газет, орган либеральной интеллигенции.

ТОСТ

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 264. С. 3).

СЕЛЕМДЖИНСКИЙ БАРИН

Амурец (Амурское эхо. 1916. 30 января (12 февраля). № 287).

276. Очевидно, речь в произведении идёт о фельетонах в жанре «писем» («С Селемджи», «С берегов Селемджи» и т.д.), которые печатались в газете «Амурское эхо» в 1916 г. за подписями *Ёриш*, *Твой Ёриш*. Их автором являлся Еращенко Тимофей Владимирович – беллетрист-сатирик и фельетонист, сотрудник ряда газет, выходявших в Благовещенске в первой четверти XX века. Фельетоны *Ёриша* отличались остротой поставленных социальных проблем, хлесткостью оценок местных властей.

277. *Селемджа* – река в Амурской области, левый, самый крупный (647 км) приток Зеи. Берёт начало на стыке хребтов Ям-Алинь и Эзоп; в верховьях – горная река (ниже посёлка Экимчан долина расширяется); в низовьях река течёт по северной окраине Зейско-Буреинской равнины.

278. *Клитчоглу Георгий Иванович* (1850–1921) – государственный служащий, статский советник, сотрудник ряда банков и компаний, с 1892 г. живший в Приамурье. В 1898–1905 гг. был гласным Благовещенской городской думы. После того, как оставил службу, занимался редакторской и издательской деятельностью, являлся владельцем «Типографии Г.И. Клитчоглу» (1900–1913). Помимо газет, в типографии печатались номера сатирического журнала «Колючки» (1909–1910), изредка – художественные книжки, например, поэтический сборник *Босьяка* (Ф. Чудакова) «Пережитое» (1909). В 1899–1910 гг. Клитчоглу был редактором-издателем «прогрессивной» газеты «Амурский край», неоднократно привлекался к судебной ответственности за публикацию в ней острых материалов. Позже, в 1918 г., в ироническом «Словаре знаменитых современников» Ф. Чудаков напишет о Клитчоглу: «Дедушка амурской печати. Раньше его рабочий день распределялся так: 8 часов спит, 8 часов в газете и 8 часов в тюрьме» (Дятел, беспартийный. 1918. № 4. 4 (17) февраля. С. 7). После того как в 1910 г. потерявший большую часть подписчиков «Амурский край» прекратил существование, Клитчоглу периодами жил в деревне Отрадной (в устье реки Селемджи), занимался организацией потребительского общества, публиковал в газете «Амурское эхо» заметки о местных порядках, что вызывало неудовольствие со стороны местного властителя Пентковского. Порядкам на Селемдже Ф. Чудаков в том же 1916 г. посвятил ещё один хлесткий фельетон – «Первые кандидаты».

ДЛЯ НАС – ИЗЛИШНЕ!

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 293. С. 3).

279. *Лурих Георг* (1876–1920) – двукратный чемпион мира по французской борьбе, цирковой артист.

280. *Палагин Илья Фёдорович* – благовещенский мещанин, гласный городской думы (1910–1916).

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА, НО С УПРЁКОМ

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 325. С. 3).

281. *Ождженский Франц Максимилианович* (умер в 1916 г.) – благовещенский купец 2-й гильдии, торговавший готовым платьем, вином, кондитерскими товарами; гласный городской думы (1910–1916).

ПЕРВЫЕ КАНДИДАТЫ

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 345. С. 3).

282. *Ульмин* – 1) небольшая река (67 км) в Амурской области (совр. Шимановский район), левый приток Амура, впадает в него в 2 км севернее с. Нововоскресеновка; 2) село в совр. Шимановском районе, в 1920 г. переименованное в Мухино (в честь казнённого белогвардейцами большевика Фёдора Мухина).

283. См. коммент. к фельетону «Селемджинский барин».

ДРАМА В ВАГОНЕ

Фёд. Ч. (Амурское эхо. 1916. 17 (30) апреля. № 346. С. 2).

284. *Боян* – древнерусский эпический поэт-певец, упоминаемый в зачине «Слова о полку Игореве».

285. *Прусаки-шпионы* – пример авторской иронии, основанной на созвучии двух слов: *прусаки* – рыжие тараканы и *пруссаки* – жители Пруссии, в широком смысле – германцы, немцы.

286. «Временно исправляющий» – то есть временно исполняющий обязанности.

287. В российском дореволюционном уголовном законодательстве существовало два кодекса: *Уложение о наказаниях* и *Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями*, в данном случае имеется в виду второй кодекс.

288. *Немезида* – в древнегреческой мифологии богиня возмездия, карающая за преступления.

КАК БЫТЬ?

Амурец (Амурское эхо. 1916. 17 (30) апреля. № 346. С. 3).

ПОМИНАЛЬНОЕ

Амурец (Амурское эхо. 1916. 19 апреля (2 мая). № 347. С. 3).

289. *Казённых нет квартир* – то есть нет тюрем.

290. Имеются в виду гласные городской думы Благовещенска, в адрес которых Ф. Чудаков выпустил немало сатирических стрел (см.: «Опыт Благовещенского Энциклопедического словаря», «Для нас – излишне!», «Рыцарь без страха, но с упрёком», «Полюбовный раздел» и др.).

ПОЛЮБОВНЫЙ РАЗДЕЛ

Амурец (Амурское эхо. 1916. 24 апреля (7 мая). С. 3).

291. Подразумеваемый автором фельетона другой (более известный) обладатель фамилии – *Сюткин Федот Николаевич* (1883–1918) – политический и общественный деятель, член большевистской партии с 1915 г., председатель I, IV, V крестьянских съездов Амурской области, гласный городской думы Благовещенска. После революции 1917 г. – секретарь Благовещенского большевистского комитета, секретарь исполкома Благовещенского Совета, зам. председателя областного Совета рабочих и солдатских депутатов, член облисполкома, комиссар продовольствия. В 1918-м избран от Амурской области во ВЦИК. Казнён белогвардейцами в Благовещенске в начале декабря 1918 года.

НЕ В ДОБРЫЙ ЧАС

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 451. С. 3).

292. *Дубелир Григорий Дмитриевич* (1874–1942) – известный российский учёный, специалист в области дорожного строительства. Выпускник Института путей сообщения (1898) в Петербурге, профессор (с 1916 г.). Первые его работы относятся к городским дорогам и планировке городов. Г. Дубелир – автор книг «Планировка городов» (1910) и «Городские улицы и мостовые» (1912), ставших основополагающими трудами в данной области исследований. Основные научные труды Г. Дубелира посвящены проектированию и эксплуатации автомобиль-

ных дорог. Под руководством Дубелира впервые систематизированы требования к проектированию дорог, составлены первые технические условия на сооружение автомобильных дорог и мостов.

293. Имеется в виду городская голова.

294. *Мультиановский Николай Михайлович* (1874–1917) – в 1914–1916 гг. главный врач городской Николаевской больницы, в 1911 г. защитивший докторскую диссертацию, блестящий хирург-практик, успешно проводивший множество операций.

295. *Загородная* – улица в г. Благовещенске.

296. *Северная* и *Соборная* – параллельно расположенные, соседние улицы г. Благовещенска, в советское время Соборная переименована в Октябрьскую.

297. Имеется в виду «Божественная комедия», в которой Данте нарисовал картину ада.

ЭКСПОРТ И ИМПОРТ

Амурец (Амурское эхо. 1916. 28 августа. Прибавление к № 453).

Одна из главных помех свободного экономического, политического и культурного развития России, по мнению Ф. Чудакова, – закостеневшая бюрократическая система. Чтобы выразить свою точку зрения на этот вопрос, сатирик использовал самые разные поводы, даже, казалось, напрямую не связанные с темой бюрократии, зацементировавшей страну, закупорившей все её кровеносные сосуды. Одним из таких поводов стала растиражированная газетами фраза В.Н. Коковцова, которую он произнёс на банкете в честь японской делегации: «Вы много можете нам дать, но ещё более можете взять у нас». В фельетоне «Экспорт и импорт» эта фраза наполняется ироническим смыслом: что де российской стороне нечего предложить своим более успешным экономическим партнёрам, кроме неисчислимого потока казённых бумаг, циркуляров и прочих плодов бурной бюрократической деятельности. О казённых бумагах, грозящих погresti под собою всю страну, Чудаков писал не раз (см., например, его «Легенду о берёзе»).

298. *Коковцов Владимир Николаевич* (1853–1943) – известный государственный деятель, председатель Совета Министров Российской империи (1911–1914) и министр финансов (1904–1914), а в год создания фельетона (1916) – влиятельный член Государственного Совета, сенатор.

299. *Десть* (от перс. *dāst* – рука, горсть) – русская единица счёта писчей бумаги, равная 24 листам. Единица использовалась до введения метрической системы. После этого некоторое время существовала промежуточная единица – метрическая десть, равная 50 листам.

300. *Ежовы рукавицы* – производное от фразеологизма «держать в ежовых рукавицах» – то есть быть строгим в обращении с кем-либо, не делать никаких поблажек.

301. *Макаровы телята* – производное от фразеологизма «куда Макары телят не гонял» – то есть очень далеко, в самые отдалённые, обычно неприятные, опасные места, в неизвестность – в том числе в тюрьму, ссылку, на каторгу.

302. *Гран* – русская аптекарская единица массы, применявшаяся до введения метрической системы мер и равная 62.209 мг.

303. *Акциз* (фр. *accise*, от лат. *accido* – обрезаю) – косвенный общегосударственный налог, устанавливаемый преимущественно на предметы массового потребления (табак, вино и др.) внутри страны, в отличие от таможенных платежей, несущих ту же функцию, но на товары, доставляемые из-за границы.

СЛОВО О ЗЕРНЕ

Гусляр (Амурское эхо. 1916. № 455. С. 3).

304. *Каффка Сергей Петрович* – служащий (зав. землеотводными и оброчными делами), а в 1915–1917 гг. начальник Амурского переселенческого управления, гласный городской думы (1910–1916), автор нескольких статей в местной печати по вопросам переселенческого дела: «Неотложная задача амурской области» (Амурское эхо. 1917. № 609. 17 (30) марта); «Такова разумная воля народа» (Амурское эхо. 1917. № 704. 18 (31) июля).

305. Очевидно, *Буянов Владимир Евтеевич* (род. 1868) – молоканин, купец 1-й гильдии, участник и распорядитель мукомольного товарищества «Братья Буяновы», владелец мельницы, трёх пароходов и пяти барж, председатель котировальной комиссии биржевого комитета, гласный городской думы (1910–1915).

306. См. коммент. к фельетону «Блины с гарниром».

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Амурец (Амурское эхо. 1916. 5 (18) октября. № 479).

307. *Земгор* – созданный в июле 1915 г. объединённый комитет Земского и Городского союзов, своеобразная посредническая структура по распределению государственных оборонных заказов. Земгор, главная задача которого – помощь правительству в организации снабжения русской армии, был тесно связан с лидерами оппозиционного царскому

правительству Прогрессивного блока в IV Государственной думе – будущими членами Временного правительства.

308. Имеется в виду так называемый *Прогрессивный блок* – объединение ряда депутатских фракций IV Государственной думы и Госсовета Российской империи в годы Первой мировой войны. В состав Блока, образованного в августе 1915 г., вошли представители 6 фракций Думы: кадеты (59 депутатов), прогрессисты (48), левые октябристы из фракции «Союз 17 октября», часть депутатов из фракций правых октябристов-земцев, группы Центра и правых националистов-прогрессистов во главе с В.В. Шульгиным: всего 236 депутатов из 442. Также в объединение вошли 3 фракции Госсовета (центр, академическая группа и внепартийные). Фактическим лидером буржуазно-либерального Блока, созданным для давления на царское правительство, был вождь кадетской партии П.Н. Милюков. Но в фельетоне Чудакова подразумевается не он, а *Александр Дмитриевич Протопопов* (1866–1918) – крупный общественный и государственный деятель, депутат Государственной думы III и IV созывов, октябрист, с 1914 г. – товарищ (заместитель) председателя Думы, член Прогрессивного блока. С 16 сентября 1916 г. – управляющий, в декабре 1916 – феврале 1917 гг. – министр внутренних дел и главноначальствующий корпуса жандармов. Именно этого политического деятеля имеет в виду Ф. Чудаков, высмеивая его непоследовательность и фактическую измену прокламируемым прежде (в качестве члена партии октябристов и одного из лидеров думского Прогрессивного блока) либерально-демократическим ценностям.

В ВАГОНЕ

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 489. С. 3).

Содержательно стихотворный фельетон «В вагоне» перекликается с первой частью прозаического очерка Ф. Чудакова «В “столицу” Приамурья!»

309. *Ходя, ходи* (разг., фам., устар.) – пренебрежительное наименование китайца.

310. *Зеест Борис Васильевич* (годы жизни точно не уст.) – инженер путей сообщения, выпускник Петербургского института путей сообщения (1900). С 1909 г. руководил укладкой пути и временным движением на головном участке Амурской ж.д. С 1910 г. зав. временной эксплуатацией головного участка Амурской ж.д., с 1913 г. руководитель временной эксплуатации западного участка ж.д. Начальник западной части Амурской ж.д. (от Куэнги до Благовещенска) и зав. работами по её достройке.

311. *Сарпинка* – тонкая хлопчатобумажная ткань в клетку или в полосу.

312. *Харбинка* – водка китайского производства (от названия города Харбина).

БЕЗ ПРОГРАММЫ

Амурец (Амурское эхо. 1916. 22 октября (4 ноября). № 494).

313. Как и в фельетоне «Новые веяния», здесь имеется в виду *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866–1918) – последний министр внутренних дел Российской империи, назначенный на этот пост осенью 1916 года.

ПЕСЕНКА

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 498. С. 3).

ПРОПОРЦИЯ

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 498. С. 3).

314. *Райчиха* – село в Бурейском районе Амурской области.

315. *Сретенка* – село в Серышевском районе Амурской области.

В БАЛЕТЕ

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 505. С. 3).

316. «*Лакме*» – опера Лео Делиба на либретто Эдмонда Године и Филиппа Жилия. Очевидно, в данном случае речь идёт о танцевальной, балетной версии этого произведения.

РАССКАЗ ДЕДА

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 506. С. 4).

После смерти Ф. Чудакова фельетон «Рассказ деда» перепечатан в журнале «Чайка» (1918. № 5. 2 (15) сентября).

«БЕССПОРНО, ФАКТ УЖАСНО ГРУСТНЫЙ...»

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 517. С. 3).

317. *Мамона* – в данном контексте – утроба, желудок; грубые чувственные наслаждения (разг., устар.).

318. *Мясопустный* – производное от слова *мясопуст* – день, в который, по православному церковному уставу, запрещено употребление мясной пищи.

ПИСЬМО БЕЗ АДРЕСА

Гусляр (Амурское эхо. 1916. № 522. С. 3).

319. *Станислав* – орден Святого Станислава, самый младший по старшинству в иерархии государственных наград Российской империи с 1831 до 1917 г.

320. *Чемодан* (в данном контексте) – артиллерийский снаряд крупного калибра.

321. Товарищество «Амурский флот» учреждено 15 декабря 1915 года. Учредители – амурские пароходчики И.В. Алексеев, С.М. Буянов, Л.М. Гройсман, А.И. Опарин, Н.И. Матвеев, В.Т. Коротаяев, П.И. Васильев и В.Н. Пермикин. Владея внушительным флотом (26 пароходов и 41 баржа), синдикат в навигацию 1916 г. фактически взял под полный контроль перевозки по Амуру, разорил или подмял мелких судовладельцев, навязал свои (грабительские, по мнению Ф. Чудакова) расценки.

322. *Кат* – палач, заплочных дел мастер, истязатель.

323. *Рекрут* – лицо, по воинской повинности призванное на военную службу.

324. *Под красную шапку* (устар., простор.) – отдавать (идти) в солдаты.

325. Ф. Чудаков имеет в виду Амурскую железную дорогу, которая строилась в 1907–1916 гг. Разного рода злоупотреблениям и головотяпству при строительстве и эксплуатации дороги сатирик посвятил множество произведений: «Спутник пассажира», «Момус на Амуре», «В “столицу” Приамурья!», «Песенка», «В вагоне» и др.

326. *Тевтонец* – в данном контексте немец, германец.

СТРАННЫЙ РАЗГОВОР

Гусляр (Амурское эхо. 1916. Прибавление к № 523. С. 1).

327. *Баско* (устар., диал.) – красиво, хорошо, славно.

328. *Хабаров Ерофей* (около 1606 – после 1671), русский землепроходец, мореход, промышленник и купец, один из первооткрывателей Восточной Сибири. В 1632–1638 гг. исследовал бассейн реки Лена, открыл соляные источники и пахотные земли. В 1649–1653 гг. Хабаров с небольшим отрядом казаков совершил ряд походов в Приамурье, в том числе захватил в 1650 г. даурский острог Албазин и продолжил сплав по Амуру, одерживая победы над местными племенами. В этом походе Хабаров составил «Чертёж реке Амур», который явился первой евро-

пейской схематической картой Приамурья. В августе 1651 г. отряд вышел к устью реки Зеи, затем к устью Буреи. После зимовки в Ачанском острожке, на который в марте напал большой маньчжурский отряд с 6 пушками, Хабаров двинулся вниз по Амуру, так как с его многочисленным отрядом дальше овладевать Приамурьем было невозможно.

329. Намёк на то, что газеты, освещавшие обычно бурное начало работы каждой вновь избранной Государственной думы, иногда выходили с белыми пятнами – из-за того, что цензура в последний момент снимала те или иные «антиправительственные» материалы.

330. Не случайно, что «тьень» гостя «пахнет адом». Для автора фельетона не было секретом, что, как и его предшественник по «освоению» Приамурья Василий Поярков (см. фельетон Чудакова «Краткая история Амурского края с древнейших времён до наших дней»), дитя своего сурового века, Ерофей Хабаров был крайне жесток не только по отношению к местным племенам и народностям, но и по отношению к собственным казакам, был безжалостен к тем, кто не подчинялся его своенравной воле.

331. См. коммент. к фельетону «Куски жизни грубой и бедной».

332. *Досужно* – производное от *досужный*, то есть не занятый делом, работой, праздный.

СИМВОЛ

Амурец (Амурское эхо. 1916. Прибавление к № 523. С. 2).

333. *Рейн Георгий Ермолаевич* (1854–1942) – врач, общественный деятель, действительный тайный советник. Член III и IV Государственной думы, входил во фракцию октябристов. С 1908 г. председатель Медицинского совета МВД – высшей медицинской инстанции в России. С марта 1915 г. член Государственного совета. С 1 сентября 1916 г. по 22 февраля 1917 г. главноуправляющий государственным здравоохранением (на правах министра). После Февральской революции 1917 г. арестован, содержался в Таврическом дворце, а затем переведён в Петропавловскую крепость, вскоре освобождён. Участник Белого движения. Затем в эмиграции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОРЗИНА

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 525. С. 3).

334. *Надсон Семён Яковлевич* (1862–1887) – русский поэт, в творчестве которого отразились скорбь не находящего себя в жизни интеллигента, сочувствие «страдающему брату».

335. *Наль* – имя древнеиндийского царя, героя всемирно известной санскритской поэмы «Наль и Дамаянти», включенной в третью книгу древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

ПОЛОЖЕНЫЦЕ!

Амурец (Амурское эхо. 1916. 14 (27) декабря. № 536. С. 3).

После смерти Ф. Чудакова фельетон «Положеньице!» перепечатан в журнале «Чайка» (1918. № 5. 2 (15) сентября).

336. Имеются в виду огромные штрафы, которыми власть душила независимые газеты.

«ТЩЕТНО ГОЛОВУ ЛОМАЮ...»

Амурец (Амурское эхо. 1916. 16 (29) декабря. № 538. С. 3).

337. *Раёв Николай Павлович* (1856–1919) – последний обер-прокурор Святейшего Синода в Российской империи (с 30 августа 1916 г. – до падения монархии в марте 1917 г.).

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Соловей-Разбойник (Амурское эхо. 1916. № 545. С. 5–6).

Фельетон «Собачья жизнь», опубликованный под крайне редко использовавшимся Ф. Чудаковым псевдонимом *Соловей-Разбойник*, обращён к личности одного из самых ярких и в то же время скандальных литераторов Приамурья 1910-х годов. Читатели «Амурского эха» легко «расшифровывали» прозрачную аллегорию сатирика, без труда догадывались, кто скрывается за образом «старого», «седого» пса «Матюкана», наводящего трепет на городских чиновников. И не только на них: Прототип «Матюкана» Матюшенский на страницах своих газет часто вступал в ожесточённую перепалку со многими амурскими редакторами и журналистами: редактором «Амурского листка» А.А. Константиновым, редактором «Эха» и «Амурского эха» Н.Ф. Губановым и т.д. Его остро отточенное перо доставляло немало неприятностей, может быть поэтому Ф. Чудаков на этот раз скрылся за псевдонимом, который вряд ли кто с уверенностью мог отнести к нему. Во всех иных случаях пикировки с журналистами и редакторами амурских периодических изданий (А.А. Константиновым, Ф.Ф. Кортаевым, К.К. Куртеевым и др.) Чудаков смело подписывался псевдонимами, которые были широко известны:

Амурец, Гусляр, Босьяк, Язва. То есть желания получить аналогичный «ответ» от *Седого* у него явно не было.

338. *Американская* – улица в дореволюционном Благовещенске, в советское время была переименована в переулок Интернациональный, ныне – переулок Святителя Иннокентия (Вениаминова).

339. *Большая* – улица в дореволюционном Благовещенске, ныне улица Ленина.

340. Указанное выше местоположение магазина (угол Американской и Большой) позволяет сделать вывод, что речь идёт об универсальном магазине «Кунст и Альберс», построенном в Благовещенске в 1894 году.

341. *Барнаулка* (устар., разг.) – шуба из выделанной овчины, выкрашенной снаружи в чёрный цвет.

343. *Пимы* – 1) валенки; 2) высокие меховые сапоги мехом наружу. В Восточной Сибири пимами чаще всего называли валенки.

344. *Седой* – самый известный псевдоним журналиста и литератора А.И. Матюшенского, выведенного в данном фельетоне в образе пса. *Матюшенский Александр Иванович* (1862–1931) – скандально известный журналист, редактор-издатель, прозаик, живший в Благовещенске с 1910 по 1923 год. Фактический редактор-издатель газет «Амурский пионер» (1911–1912) и «Благовещенское утро» (1912–1917). Печатался под псевдонимами *Седой, Изгой, Фантом* и др. Один из основных авторов коллективного романа «Амурские волки» (1912). Подробнее о жизни и творчестве А. Матюшенского см.: *Лосев А.В.* Александр Иванович Матюшенский (Полемиические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы) // Амур: Литературно-художественный альманах. № 6. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 39–60; *Урманов А.В.* «На Амуре всё возможно...»: Роман «Амурские волки» как литературный феномен // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 11. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 87–97; *Урманов А.В.* «Есть люди и нет их...»: Роман «Амурские волки» как литературный феномен // Филологическая регионалистика: Научный и информационно-аналитический журнал. Тамбов. 2012. № 2 (8). С. 14–28; *Урманов А.В.* Матюшенский Александр Иванович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Сост., ред., вступ. ст. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 254–259; А. Матюшенский и «Дело девяти смертников». Публикация, вст. ст. и коммент. А. Урманова // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 13. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 75–82.

345. *Матюкан* – ещё один прозрачный намёк, что речь идёт о Матюшенском.

346. См. коммент. к фельетону «Слово о зерне».

347. *Прищепенко Иосиф Дмитриевич* – городской голова Благовещенска в 1905–1910 и 1916–1917 гг., врач по профессии. Фельетон

Ф. Чудакова, несмотря на свой аллегорический характер, весьма точно отражает взаимоотношения прототипа пса Матюкана – журналиста и редактора газеты «Благовещенское утро» Александра Матюшенского (Седого) – с местными властями, в том числе и с городским головой. О громком конфликте журналиста в 1911–1912 гг. с вице-губернатором Амурской области Александром Чаплинским см. примечания к фельетону «Накись дня (Но позвольте: если этак рассуждать...)». Несмотря на то, что конфликт этот имел для Матюшенского печальные последствия (закрытие газеты «Амурский пионер» и тюремный срок для редактора), и в дальнейшем он бесстрашно обличал злоупотребления благовещенских чиновников, за что многократно привлекался к ответственности, не единожды оказывался «на горке» – в благовещенской тюрьме. Такое же завершение будет иметь и конфликт Матюшенского с И.Д. Прищепенко. Газета «Амурское эхо» в номере за 14 (27) января 1917 г. сообщила в «Местной хронике» о приговоре суда по делу Матюшенского, которого городской голова Иосиф Дмитриевич Прищепенко обвинил в клевете в печати. Обвинение признано, как говорится в хронике, абсолютно доказанным, Матюшенский приговорён по статье 1535 Уложения о наказаниях к шести месяцам тюремного заключения (высшая для данного преступления мера наказания).

348. *Зубакин Илья Сергеевич* (род. в 1881) – благовещенский чиновник и общественный деятель. Гласный городской думы (1914–1918, 1918–1922).

349. Очевидно, имеется в виду *Никольский Александр Герасимович* (1859–1921) председатель Благовещенского окружного суда, гласный городской думы (1916).

350. *Графская, 35* – адрес, по которому в 1916 г. располагалась редакция газеты А.И. Матюшенского «Благовещенское утро».

ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Амурец (Амурское эхо. 1916. № 549. С. 3).

351. *Катон Марк Порций (Старший)* (234–149 до н.э.) – древнеримский полководец, политик и писатель, борец против пороков и роскоши, в последние годы жизни завершавший почти все свои речи призывом «Карфаген должен быть разрушен!».

352. *Перси* (книжн., церк. и поэт.) – грудь.

353. *Оны дни* – в данном контексте имеются в виду дни революции 1905 года.

ЭЛЕГИЯ

Амурец (Амурское эхо. 1917. 3 (16) января. № 550).

Опубликованная в самом начале 1917 г., незадолго до Февральской революции, «Элегия» – произведение не вполне обычное, противоречивое, в том числе, в жанровом отношении – то ли стихотворение, то ли фельетон. В «Элегии», наполненной предощущением скорого социального катаклизма, автор старается отогнать от себя ужасные предчувствия, пытается приглушить свои опасения привычными упованиями демократического лагеря, что взрыв, опасное сотрясение государства предпочтительнее вечного прозябания. По контексту понятно: автор, эсер по партийной принадлежности, явно предпочитает взрыв медленному гниению. «Элегия» – одно из самых жутковатых произведений Чудакова – гремучая смесь леденящего душу мистического ужаса и пьянящего восторга от ожидаемого головокружительного падения. Поэт, видимо, ещё не догадывается, что совсем скоро настроение его кардинально переменится, что отчаяние от последствий грандиозного социального «взрыва» будет настолько непереносимым, что Чудаков предпочтёт страшный исход для себя, жены и их единственной дочери...

«ЖЕРТВА РЕЖИМА»

Амурец (Амурское эхо. 1917. 12 (25) марта. № 605. С. 3).

354. *Сильфида* (перен., от греч. *silphe* – мотылёк) – об изящной, с тонкой фигурой, женщине.

ПЕРВЫЙ!

Амурец (Амурское эхо. 1917. 14 (27) марта. № 606. С. 3).

355. *Гондатти Николай Львович* (1860–1946) – первый гражданский генерал-губернатор Приамурской области (в 1911–1917). В марте 1917 г. после отречения императора Николая II Гондатти был арестован и под конвоем отправлен в Петроград, в Чрезвычайную комиссию по расследованию злоупотреблений, совершённых царскими министрами и крупными сановниками.

356. Гондатти имел придворный чин – Шталмейстер Двора Его Императорского Величества. *Шталмейстер* (нем. *Stallmeister* – буквально *начальник конюшни*) – придворный чин в Российской империи, главный придворный конюшенный в чине 3-го класса.

357. *Тать* – вор, преступник.

358. *Хутухта* (монг. *хутагт* – святой) – один из двух, наряду с *тэгэном*, важнейших титулов, которые жалуются в Монголии буддийским *хубилганам* – «перерожденцам». Титул этот даётся преимущественно за усердную деятельность на пользу буддийской веры. С середины XVII в. в Монголии *хутухта* стал высшим титулом среди лиц духовного звания.

ТОЖЕ «ТОВАРИЩИ»

Амурец (Амурское эхо. 1917. № 607. С. 3).

359. *С.д.* – социал-демократическая группа; *с.р.* – группа социалистов-революционеров (эсеров).

360. Имеется в виду Февральская революция.

361. От *москатель* (устар.) – краски, клей, непищевое масло, химические вещества.

362. *При нагаечном режиме* – то есть при царской власти, которая, с точки зрения социалистов, держалась на казачьих нагайках – плётках.

363. *Шантан* – кафе или ресторан с эстрадой для выступления артистов, исполняющих песенки или танцы лёгкого, развлекательного, часто фривольного характера.

364. *Иерей* – в православной церкви священник; *камилавка* – высокий головной убор православных священников, жалуемый за отличие.

365. *Влево* (в политическом смысле) – в сторону радикализма, левых, социалистических, революционных взглядов и партий.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ САНОВНИК

Амурец (Амурское эхо. 1917. № 609. С. 3).

366. *Бобринский Алексей Александрович* (1852–1927) – граф, российский политический и государственный деятель, археолог. В 1906–1912 гг. председатель Совета объединённого дворянства, депутат III Государственной думы, с 1912 г. член Государственного совета, один из лидеров группы правых, в 1916 г. товарищ (заместитель) министра внутренних дел, затем министр земледелия. С 1919 г. в эмиграции.

367. *Буцыгарня* – в прямом смысле медвытрезвитель, в данном контексте – тюрьма.

ОБОРОТНИ

Амурец (Амурское эхо. 1917. № 610. С. 3).

368. *Стойба* – посёлок в Селемджинском районе Амурской области, на правом берегу реки Селемджи у впадения в неё реки Нижняя Стойба.

369. См. коммент. к фельетону «Куски жизни грубой и бедной».

370. *Максималисты* – представители наиболее радикального течения русских социалистических партий, в основном эсеры.

В МИНУТУ РАЗДУМЬЯ

Амурец (Амурское эхо. 1917. 19 марта (1 апреля). № 611. С. 3).

371. То есть в 1905-м, в год первой русской революции.

«ЧЕМ АГЕНТЫ СТАРОЙ ВЛАСТИ...»

Амурец (Амурское эхо. 1917. 24 марта (6 апреля). № 615. С. 3).

372. См. коммент. к фельетону «Первый!»

373. *Августейший* – величальный титул царственных особ и членов их семей.

374. Имеется в виду Николай II – последний российский император.

В ДЕНЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ

Амурец (Амурское эхо. 1917. Прибавление к № 616).

375. *Благовещение* – в православии один из двенадцатых праздников, связан с преданием об архангеле Гаврииле, возвестившем о будущем рождении Девой Марией Иисуса Христа. Отмечается 25 марта (7 апреля). На Руси существовала традиция отпускать в этот день птиц из клеток на волю.

376. Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Птичка» (1823).

377. *Марсельеза* – французская революционная песня, ставшая национальным гимном Франции. В России до 1917 г. – песня борцов с самодержавием («Отречёмся от старого мира...»).

378. *Кутья* – ритуальное кушанье, представляющее собой сладкую кашу из риса, пшеницы или другой крупы с мёдом или с изюмом, которую по обычаю едят на похоронах или на поминках.

379. *Кафизма* (греч. kathisma) – название каждого из двадцати отделов, на которые разделена Псалтырь в обиходе православного богослужения.

380. *Насыпать соли на хвост* (грубо-простор.) – сделать неприятность, досадить кому-либо.

«КУХАРКИНЫ ДЕТИ»

Гусяр (Амурское эхо. 1918. № 978. С. 3).

381. *Ознобишин Владимир Нилович* (1855 – после 1917) – один из лидеров правых в Саратове, губернский предводитель дворянства, камергер, член Государственного совета

382. *Олсуфьев Дмитрий Адамович* (1862–1937) – граф, русский общественный и государственный деятель, с 1907 г. – выборный член Государственного совета от земского собрания Саратовской губернии, один из основателей Прогрессивного блока в IV Государственной думе. После революции эмигрировал из России.

383. *Лангобарды* (нем. Langobarden – длиннобородые) – воинственное германское племя, поселившееся вначале на нижней Эльбе, а затем (в 568 г.) вторгшееся в Северную Италию и захватившее территорию Ломбардии и Тусцию (ныне Тоскана). Лангобардами было разрушено немало городов, истреблено и изгнано большое число знатных римских землевладельцев, их имущество конфисковано.

384. *Кошт* (устар.) – содержание, иждивение.

7. «НАРОДНОЕ ДЕЛО»

«*Народное дело*» – общественно-политическая и литературная газета, выходившая в Благовещенске с апреля 1917 по март 1918 года; печатный орган партии социалистов-революционеров, народных социалистов и трудовиков. Произведения Ф. Чудакова в «Народном деле» печатались нечасто и всегда под псевдонимом *Амурец*.

ДЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Амурец (Народное дело. 1917. 30 июля. № 86. С. 3).

ХОЗЯИН ТУТ

Амурец (Народное дело. 1917. 28 ноября. № 184. С. 3).

385. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание, призванное определить форму государственного устройства России после падения монархии, состоялись 12 ноября 1917 года. Начало работы Учредительного собрания было перенесено с 28 ноября на 5 января 1918 г., однако большевики (решением ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов) этот учредительный орган «распустили». Причина разгона – победа на выборах эсеров, получивших на 16 % больше (40 % по официальным данным), чем большевики.

386. Под громилами здесь автор подразумевает большевиков.

387. *Прусак* – рыжий таракан.

НА УЛИЦЕ

Амурец (Народное дело. 1917. 29 ноября. № 185. С. 3).

388. *Моонзунд* – пролив в Балтийском море между эстонским материковым берегом и Моонзундским архипелагом. В результате крупной операции сухопутных сил и флота в сентябре-октябре 1917 г. Германия захватила пролив и архипелаг, прежде принадлежавший России.

389. *Троцкий Лев Давыдович* (наст. имя *Бронштейн Лейба Давидович*) (1879–1940) – один из организаторов и вождей Октябрьской революции, в ноябре 1917 г., в момент создания фельетона Ф. Чудакова, – нарком по иностранным делам.

390. Имеется в виду *Вильгельм II* (1859–1940) – король прусский и император германский (1888–1918).

391. *Алькасар* – название испанских городских крепостей, в частности, так называется дворец и крепость испанских королей в исторической части города Сеговия (провинция Кастилия и Леон, Испания).

392. *Каледин Алексей Максимович* (1861–1918) – русский военачальник, генерал от кавалерии, в июне 1917 г. избранный Донским Войсковым атаманом, один из лидеров Белого движения.

393. *Рада* – название центральных органов контрреволюционных буржуазно-националистических организаций на Украине и в Белоруссии в 1917–1919 гг.

8. «ДЯТЕЛ, БЕСПАРТИЙНЫЙ»

«Дятел, беспартийный» – «еженедельное литературно-сатирическое издание» (журнал), выходившее в Благовещенске в начале 1918 года. Редактором и автором подавляющего большинства опубликованных в нём произведений был Ф.И. Чудаков. Как обычно, материалы свои он подписывал разными псевдонимами: *Амурец*, *Босяк*, *Воробышек*, *Гражданин Уклейкин*, *Гусяр*, *К. Резниченко*, *Кузьма Резниченко*, *Ф.Ч.*, *Эс-эр*, *Язва* и др. Всего вышло 7 номеров: первый – 14 (27) января, последний (посмертный) – 14 (27) марта) 1918 года.

Программу журнала Ф. Чудаков изложил в открывающей первый номер (вслед за стихотворением «Верую!») статье «Дятел, беспартийный», выдержанной в ироническо-аллегорической манере и написанной от лица того, чьё имя вынесено в заглавия – статьи и журнала. Судя по этой статье, в начале 1918 г. Чудаков испытывал глубокое разочарование. Главное, что его не устраивало – разобщённость представителей социалистического лагеря, отсутствие у них воли и умения сообща добиваться проведения в стране подлинно демократических преобра-

зований. Кроме того, его отталкивал присущий почти всем партиям идейный догматизм, зашоренность, отсутствие широты взгляда на современные российские проблемы, неспособность адекватно воспринимать происходящее и реагировать на него. Именно это обстоятельство, порождающее тревогу за будущее страны, вынудило эсера Ф. Чудакова подняться над партийными флагами и попытаться в своём журнале выразить общенациональные, общекультурные задачи, «беспартийную» точку зрения, примирить тех, кто может, объединившись, спасти Россию от большевистской диктатуры. Если прежде свою сатиру Чудаков ассоциировал с бездушными «колющими» предметами – *шпильками*, *колючками*, то теперь он презентует её как живое существо – старый опытный *Дятел*. С *колючками* и *шпильками* *Дятла* сближает наличие острого клюва, а отличает то, что *Дятел* действует им избирательно, не столько *укалывая*, сколько освобождая природный мир от «вредных насекомых». И эта задача, по мысли редактора, способна объединить противников большевизма – «чижииков», «зябликов» и прочих «пернатых»: «Товарищи и граждане! <...> Вы стали взрослыми, вы стали эсерами, меньшевиками, большевиками, кадетами, анархистами и – мало ли ещё чем! <...> И только я, дятел беспартийный, <...> остался тем же, беспартийным старым дятлом. И решил я на старости лет заняться литературой. Не по своей воле, друзья мои! Прилетали ко мне чижи и зяблики: “Дядя Дятел, беспартийный! Давай издавать журнал. Ты будешь писать прозу, а мы насчёт стиха. Не хотим, говорят, в газетах писать. Там всё строго партийные люди; чирикнешь, ан, глядь, не по программе и – марш в корзину. Давай свой беспартийный орган заведём”. <...> Да, виноват. Насчёт девиза. Теперь ведь без девиза даже собак на улицу не пускают. Ну, девиз-то у нас есть. Даже два. Первый – птичий: “Да здравствует солнце, да скроется тьма!” / Второй – тоже вроде этого: / “Долой глупость и невежество!” / Вот и всё. Потому что, если бы не глупость, да не невежество – так мы – вона где бы уже были! / Ну, да авось как-нибудь дойдём!..» Первый девиз, «птичий» («Да здравствует солнце, да скроется тьма!») – точная цитата из «Вакхической песни» (1825) А.С. Пушкина. Судя по этому девизу, Чудаков после революции разочаровался в господствующих политических лозунгах и потянулся к тем культурным ценностям, которые исповедовала и утверждала русская классика XIX века.

Журнал Ф. Чудакова «Дятел, беспартийный» – одно из самых ярких явлений литературной жизни Приамурья начала XX века.

АВДОТЬЯ АНДРЕВНА

Чижиик (Дятел, беспартийный. 1918. № 1. 14 (27) января. С. 9–10).

394. *Эсдечка* – социал-демократка.

395. *Эрцгерцогиня* – жена или дочь эрцгерцога. *Эрцгерцог* – (нем. Erzherzog, от приставки erz – первый, высший и Herzog – герцог) – титул членов бывшей австрийской императорской фамилии.

ПОЧЕМУ МУКА СТОИТ ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ

Амурец (Дятел, беспартийный. 1918. № 1. 14 (27) января. С. 11).

БЛАГОДЕТЕЛИ

Амурец (Дятел, беспартийный. 1918 № 2. С. 11).

396. *Камуфлет* (фр. samouflet) – 1) минный подземный заряд, разрушительное действие которого не обнаруживается на поверхности земли; 2) в переносном значении – неприятная неожиданность, подвох.

397. *Желудком* автор, очевидно, именует Китай (в буквальном значении – «срединное государство»), по сути, утративший суверенитет, подчинившийся диктату европейских держав-союзниц.

398. *Дарданеллы* – пролив между Европой и Азией, соединяющий Эгейское море с Мраморным. Территориально Дарданеллы принадлежат Турции, но в разные времена на них распространялось международное право, гарантирующее свободное судоходство.

ПАРТИЙНЫЕ О БЕСПАРТИЙНОМ

(Дятел, беспартийный. 1918 № 2).

Этот остроумный материал без подписи, помещённый на последней, не пронумерованной (фактически – 18-й) странице 2-го выпуска «Дятла, беспартийного», представляет собой серьёзно-иронический комментарий Ф. Чудакова к газетным откликам на выход первого номера журнала.

399. *Властьсоветство* – фактическая диктатура большевиков под вывеской лозунга «Вся власть Советам!»

400. «*Голос труда*» – социал-демократическая газета, выходившая в Благовещенске ежедневно с 15 (28) апреля 1917 по апрель 1918 года. Являлась печатным органом благовещенского, а затем и Амурского областного комитета объединённой организации РСДРП (меньшевиков).

401. *Исполнительный Комитет* – имеется в виду Исполком Благовещенского Совета рабочих и солдатских депутатов.

402. *Амурский союз республиканцев* – региональная партия, созданная в Благовещенске в марте 1917 года. Её идейным вдохновителем и организатором был Александр Михайлович Бродовиков (1874–1921) – из-

вестный амурский золотопромышленник и журналист, в 1916–1918 гг. – редактор-издатель газеты «Амурское эхо». Программа Союза представляла собой нечто среднее между программами кадетов и эсеров.

403. «Новый Сатирикон» – еженедельный литературно-художественный журнал сатиры и юмора, издававшийся в 1913–1918 гг. в Петрограде. Редактором журнала был А. Аверченко, сотрудниками – Н. Тэффи, Саша Чёрный, В. Князев, А. Грин, С. Маршак, М. Добужинский и др. Большинство сотрудников «Нового Сатирикона» перешли в него из журнала «Сатирикон» (выходил в 1908–1914 гг.) после ухода из «Сатирикона» А. Аверченко.

ЗНАЕМ, В ЧЁМ ДЕЛО

Амурец (Дятел, беспартийный. № 3. 1918. 28 января (10 февраля). С. 7).

404. *Совет Народных Комиссаров (Совнарком, СНК)* – в 1917–1946 гг. название высших исполнительных и распорядительных органов государственной власти СССР, союзных и автономных республик; в данном контексте – большевистское правительство.

405. Имеется в виду благовещенская тюрьма, которая располагалась на возвышенности, «на горке».

406. *Декрет* – постановление центральной власти (в данном случае – Совнаркома), имеющее силу закона.

407. *Палестины* (устар., от названия территории на Ближнем Востоке у берегов Средиземного моря) – местность, край, земля, глухие, отдалённые места.

408. Пример авторской иронии: на деле свободой период большевистского правления Ф. Чудаков не считал.

409. *Орест и Пилад* – персонажи греческой мифологии: двоюродные братья, которые были связаны столь тесной и бескорыстной дружбой, что были готовы пожертвовать жизнью ради друг друга. Сила этой дружбы уже в античные времена стала понятием нарицательным и потому неоднократно упоминалась в сочинениях Эсхила, Софокла, Еврипида, Цицерона и др.

410. Эта строчка позволяет сделать вывод, что, помимо 1909 года, Ф. Чудаков находился в благовещенской тюрьме и в 1913-м.

ПЕСНЬ О КУЛЬДУРСКОМ КЛЮЧЕ

Фельетон в четырёх частях «Песнь о Кульдурском ключе» – одно из ключевых произведений Ф. Чудакова (в данном случае он выступает под псевдонимом *Гусляр*), напечатанных в журнале «Дятел, беспар-

тийный». Первые две части автор расположил в одном номере (1918. № 3. 28 января (10 февраля). С. 4–6), третья (1918. № 4. 4 (17) февраля. С. 2–3) и четвёртая части (№ 6. 1918. 3 марта (18 февраля). С. 6–7) не сдваиваются, идут порознь.

Одна из сквозных тем сатирического журнала Ф. Чудакова «Дятел, беспартийный» – политико-идеологические метаморфозы, которые с особой наглядностью и силой проявили себя в революционное время. «Беспартийную» (и «антипартийную») ориентацию сатирика усилило то обстоятельство, что вокруг него сплошь и рядом люди разной партийной принадлежности легко меняли «ярлычки и этикетки» на собственном лбу, переходя из стана проигравших в стан побеждающих. Всё это заставляло задуматься о причинах идеологических мутаций, происходящих в недрах российского общества. Чудаков приходит к выводу, что это явление было не порождено революцией, а лишь ускорено. Корни его он легко обнаруживает в прошлом – как далёком, так и недавнем. Самое яркое произведение на эту тему, опубликованное в «Дятле, беспартийном», – цикл стихотворных фельетонов в четырёх частях с общим названием «Песнь о Кульдурском ключе».

Сарказм *Гусляра* распространяется не только на бывшего генерал-губернатора Приамурья Н.Л. Гондати и не только на российских либералов дореволюционного времени, легко и почти мгновенно меняющих политико-идеологические ценности и ориентиры: подобные метаморфозы случаются и при большевистской власти. Более того, сатирик подводит читателя к мысли, что это явление никогда не иссякает, ибо политические партии в России строятся не на сознательной приверженности разумной идеологии, не на выстраданных убеждениях, а на мёртвой догматике и конъюнктуре, что привлекает в их ряды беспринципных карьеристов, приспособленцев, легко меняющих политический окрас и декларируемые принципы.

411. *Кульдурские ключи* – геотермальные источники, находящиеся в отрогах Малого Хингана, в долине реки Кульдур (совр. Облученский район Еврейской автономной области). Они относятся к группе очень горячих источников с температурой воды 72 градуса по Цельсию. Долгое время о целебном источнике знало только местное население. В 1897 г. в журнале «Природа и охота» появились первые печатные сведения о Кульдуре. Популярность источников неизмеримо возросла в период строительства Амурской железной дороги: больные шли к ним через тайгу, строили прямо на площадке деревянные срубы для жилья и грунтовые ванны. С 1910 г. началось систематическое исследование источников. В 1923 г. Кульдур официально зачислен в число курортов федерального значения. Кульдурской водой лечат болезни опорно-двигательного аппарата, центральной нервной системы, кожи и под-

кожной клетчатки и т.д. Но в изображении Ф. Чудакова, Кульдурский ключ – не столько реальный источник целебной воды, сколько миф, воплощающий извечную мечту людей о чудесном исцелении, о мгновенном преображении.

412. *Геродот* (около 484 – 425 до н.э.) – «отец истории», древнегреческий историк, автор первого полномасштабного исторического трактата – «Истории», – описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов.

413. *Плутарх* (около 40 – 120 н.э.) – греческий писатель, историк и философ. Главное сочинение Плутарха – «Сравнительные жизнеописания» – биографии выдающихся греков и римлян, начиная от мифических времён.

414. *Дюйм* – старая русская мера длины, равная 2,54 см; следовательно, полдюйма – 1,27 см. Здесь употреблено в переносном значении – жизнь едва теплится.

415. См. коммент. к фельетону «Момус на Амуре» (часть 3).

416. *Афродита* (греч. Aphrodite, от aphros – морская пена, и dyomai – выхожу) – в греческой мифологии богиня любви и красоты, возникшая из морской пены. Ей соответствует римская Венера.

417. Имеется в виду *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832–1920) – русский историк, автор широко распространённых учебников по всеобщей и русской истории для средней школы, имевших консервативный, промонархический характер.

418. *Про и контра* (лат. pro et contra) – за и против.

419. *Шрапнель* (англ. shrapnel, по имени изобретателя) – разрывной артиллерийский снаряд, начинённый картечными пулями или другими средствами (стержнями, стрелами), предназначенными для поражения живой силы противника.

420. *Тевтон* (*тевтонец*) – рыцарь тевтонского ордена, здесь в значении германец, немец.

421. *Аргунов* (наст. фам. *Воронович*) *Андрей Александрович* (1866–1939) – один из виднейших членов и организаторов партии эсеров. За противостояние большевикам арестовывался в конце 1917 и в начале 1918 года. В фельетоне Ф. Чудакова, очевидно, имеется в виду арест Аргунова, произведённый 2 января 1918 года.

422. См. коммент. к фельетону «Первый!».

423. *Фут* – старая русская мера, равняется 12 дюймам или 30,48 см. Девять фут – 274,32 см.

424. *Либерал* (лат. liberalis – касающийся свободы, свободный) – последовательный сторонник либерализма, свободомыслящий человек, политический вольнодумец, выступающий за большую свободу для народа, за развитие самоуправления.

425. *Земство* – в дореволюционное время органы местного самоуправления, созданные в ряде губерний Европейской России по земской реформе 1864 года. Об отсутствии земства в Приамурье см. фельетон «Тост».

426. Имеются в виду разорительные штрафные санкции.

427. Имеется в виду февральско-мартовская революция 1917 года.

428. *Зевес* (*Зевс*) – в греческой мифологии верховное божество, глава олимпийских богов, громовержец (в древнеримской мифологии ему соответствует Юпитер).

429. *Ретроград* (лат. *retrogradus* – идущий назад) – противник прогресса, человек с отсталыми взглядами.

430. *Романовский* – здесь в значении царский (от фамилии последнего российского императора Николая II – Романов); *квартильный* (надзиратель) – см. коммент. к «Колыбельной песенке».

431. *Церера* – древнеримская богиня, вторая дочь Сатурна и Реи (в греческой мифологии ей соответствует Деметра), покровительница урожая и плодородия.

432. *Променад*, *променада* (устар., шутол.) – прогулка, гулянье.

433. *Ан мас* – в большом количестве, во множестве, массово.

434. *Висбаден* – город в Германии, административный центр земли Гессен, знаменитый на всю Европу бальнеоклиматический курорт.

435. См. коммент. к фельетону «Полубовный раздел».

436. *В прошлом марте* – то есть во время Февральской революции, после отречением императора Николая II от престола, которое произошло 2 (15) марта 1917 года.

437. *Распутинский небосклон* – в переносном смысле – небосклон политический; автор фельетона транслирует распространённую в русском обществе предреволюционного и революционного времени версию о том, что многие кадровые назначения в царском правительстве – результат влияния на Николая II и императрицу Александру Фёдоровну близкого им «старца» Григория Распутина (1869–1916).

438. *Ощую* (церк.-слав.) – по левую сторону; здесь в значении – в сторону революции.

439. *Содом* – здесь в значении беспорядок, суматоха, шум, ругань, разврат; по названию фигурирующего в ветхозаветном предании города, погрязшего в распутстве, и за это (в паре с городом Гоморра) разрушенного и испепелённого Богом.

440. Имеется в виду такое ненавистное автору явление, как антисемитизм.

441. *Демагог* – человек, стремящийся создать себе популярность путём заведомо ложных обещаний, лести, обмана.

ПЕСНИ ДЯТЛА, БЕСПАРТИЙНОГО

Дятел, беспартийный (Дятел, беспартийный. 1918. № 1. С. 8; № 2. С. 2; № 3. С. 2; № 4. С. 6; № 5. С. 2).

«Беспартийность» журнала Ф. Чудакова, акцентированная в его названии, в заголовках стихов и фельетонов, в подписях к текстам, носит несколько иные смыслы, чем было принято вкладывать в то время: «Дятел, беспартийный» прочитывается не только как «Дятел, не связанный с партиями, не отражающий точку зрения той или иной партии», но и как «Дятел, антипартийный», «Дятел, считающий партии злом». Мысль о том, что принадлежность к партии закабалит человека, заставляет служить ей за страх, а не за совесть, подавляет индивидуальность, превращая сознание в набор мёртвых догм, – одна из сквозных и наиболее важных в журнале. Эсер по партийной принадлежности и убеждениям Чудаков после октябрьских событий 1917 г. словно прозревает, видя вокруг себя не людей, а партийные «этикетки», напичканных догматикой функционеров, у которых не осталось ничего человеческого. Одно из произведений, в котором ощущается ностальгия по человечности, – первая часть сквозного цикла с общим названием «Песни Дятла, беспартийного».

Тема захлестнувших страну после октября 1917 г. политических мутаций и трансформаций находит развитие в ряде материалов, посвящённых большевикам. В них сатирик акцентирует внимание на полном расхождении прежних программных установок партии и нынешнего её поведения. Один из таких материалов – помещённый в 5-м номере «Дятла, беспартийного» фельетон *Гуслыра* под заглавием «Куски жизни» (это название Чудаков ранее использовал в газете «Амурское эхо» и, в несколько изменённом виде, в журнале «Колючки»), в котором затрагивается тема удушения большевиками демократических свобод, поборниками которых они выступали до захвата власти: «В их программе значит: "...полная свобода совести, печати, собраний, союзов, стачек; неприкосновенность личности; всеобщее избирательное право по принципу прямой, равной и тайной подачи голосов; свобода..." / Довольно. Это так в программе написано. Это они сами в весёлую минуту сочинили. Ну, и хохотали же, говорят, когда сочиняли. По полу от смеху катались...» И далее автор приводит впечатляющие примеры действий большевиков (в том числе в Благовещенске), после захвата ими власти с лёгкостью отказавшихся от прежних обещаний и поступающих прямо противоположно долгое время исповедуемым программным принципам. И при этом не испытывающих даже смущения.

Но эта распространённая «болезнь», поразившая большинство политических партий и значительную часть т.н. «образованного общества», – далеко не единственная. Среди наиболее опасных социальных

недугов революционной эпохи Чудаков особо выделяет склонность и политиков, и обычных российских обывателей топить все проблемы в бурных потоках слов, подменять реальную деятельность говорильней. Этой теме посвящена пятая часть «Песен Дятла, беспартийного». Тематически с этим фельетоном связана «Хроника прогресса», опубликованная в том же 5-м номере журнала: «За январь 1918 года в городе Благовещенске зарегистрировано: / Краж – 44. / Поранений – 11. / Ограблений – 18. / Убийств и самосудов – 17. / В области: / Земств разогнано – 8. / Школ закрыто – 2. / Школ открыто – 0. / Лекций прочитано – 0. / Молотилок сделано – 0. / Резолюций вынесено – 1458».

«Песни Дятла, беспартийного» представляют собой отклик на события общероссийской политической жизни, «региональная», чисто амурская проблематика здесь не актуализируется. Так, например, четвёртая «Песня...» является реакцией на переговоры, которые ведёт большевистская делегация на предмет заключения пораженческого для России Брестского мирного договора (подписан позже, 3 марта 1918 г.). Произведение строится (характерный приём Чудакова-сатирика) на контрасте. В первой его части *Дятел* как бы поддаётся восторженно-пафосному настрою, царящему в большевистской печати, и выражает бурную радость. Но и здесь уже ощутим авторский сарказм. Во второй же части он становится смысловой и стилевой доминантой, опрокидывая, развенчивая фальшивый пафос большевиков и радость тех, кто по глупости или наивности тоже поддался ему.

442. *Эсеры* – социалисты-революционеры, *эсдеки* – социал-демократы, *энесы* – народные социалисты (члены Трудовой народно-социалистической партии), *каде* – кадеты.

443. *Акатуй* – буквально печально знаменитая Акатуйская каторжная тюрьма в Забайкальском крае, в широком смысле – каторга.

ОБЪЯСНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

[Без подписи] (*Дятел, беспартийный*. 1918. № 4. С. 10–11).

444. *Корректурa* – в данном контексте оттиск типографского набора, который делается для выявления и исправления возможных грамматических и технических ошибок и недостатков в текстовом и графическом материалах, подготовленных для размножения типографским способом.

445. *Наборщик* – рабочий типографии, занятый набором текста из металлических литер – специальных брусочков с обратным выпуклым изображением буквы или иного знака для печати.

446. *Метранпаж* – старший наборщик, верстающий набор в страницы или руководящий такой вёрсткой.

447. *Бэллум омниум контра омнес* (лат. *Bellum omnium contra omnes*) – война всех против всех; понятие социальной философии Томаса Гоббса (впервые использовано им в трактате «Левиафан»), описывающее состояние общества до заключения «общественного договора» и образования государства. Существует точка зрения, что источником данного понятия для Гоббса был опыт Гражданской войны в Англии.

448. Намёк на то, что Варшава, с 1815 по 1915 г. являвшаяся столицей царства Польского, входившего в состав Российской империи, в 1918 г. стала столицей независимой Республики Польша.

449. Очевидно, имеются в виду происходившие в Иркутске в течение нескольких суток декабря 1917 г. ожесточённые бои между красногвардейцами и юнкерами, в которых погибло свыше 300 человек.

ТОВАРИЩИ ФЁДОРЫ-СТРАТИЛАТЫ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ!

Обиженный Фёдор (Дятел, беспартийный. № 4. 1918. 4 (17) февраля. С. 13).

450. *Фёдор (Феодор) Стратилат* – христианский святой, почитаемый в лике великомученика, покровитель христианского воинства. Православная церковь чтит память Феодора Стратилата 8 февраля (по старому стилю). В дореволюционной России принято было давать имя Фёдора (Феодора) тем, кто родился в этот день или ближайšie к нему. То есть Фёдор Чудаков обращается в своём фельетоне ко всем своим амурским тёзкам – к тем, чьим небесным покровителем считался Феодор Стратилат.

451. *Именины* – день памяти святого, имя которого до революции 1917 г. давалось православному христианину при крещении. По православному канону, в отличие от дня рождения – дня, когда человек рождается физически, день именин – день духовного рождения, когда человек принимает таинство крещения и нарекается именем (отсюда и происходит слово «именины») определённого святого, который становится его небесным покровителем. В дореволюционной России у многих именины и день рождения либо совпадали, либо их разделял небольшой отрезок времени. Это объясняется тем, что по традиции при крещении ребёнка обычно выбирали имя того святого, чей день памяти отстоит на несколько дней до или после дня рождения младенца.

452. 24 января 1918 г. декретом Совнаркома был упразднён юлианский и введён григорианский календарь, в соответствии с которым вводилась поправка в 13 суток. Декретом устанавливалось, что после 31 января 1918 г. в России сразу наступит день 14 февраля – по новому

стилю. В практике датировки событий все события и документы, относящиеся к периоду до 1 февраля 1918 г., датируются по юлианскому календарю («старый» стиль), с 1 февраля 1918 г. – по григорианскому («новый» стиль). Основной дате может сопутствовать дата другого стиля, помещённая рядом в круглых скобках.

453. Очевидно, намёк, что большевистский вождь, глава советского правительства Ленин ведёт себя как единодержавный монарх – то есть как низвергнутый император Николай II, небесным покровителем которого был святой Николай Мирликийский (Николай Угодник).

454. Человек, родившийся 29 февраля, в день своего небесного покровителя – святого Касьяна (Кассиана), жившего в IV веке и канонизированного за многочисленные благочестивые деяния, мог праздновать именины лишь раз в четыре года – то есть в високосные годы.

455. В действительности в 1918 г. автору фельетона, родившемуся в 1887 (или, по другим данным, в 1888) году, исполнилось не тридцать семь, а тридцать лет.

456. *Мухин Фёдор Никанорович* (1878–1919) – активный участник революционных событий в Приамурье, большевик. В 1917 г. – один из руководителей партийной организации Амурской области, член Благовещенского Совета рабочих и солдатских депутатов, зам. председателя военной организации. В феврале 1918 г. на IV крестьянском съезде избирается в областной Совет и становится его председателем, возглавляет совнарком Амурской трудовой социалистической республики.

457. *Углублять – углубляй* – имеются в виду часто звучавшие в начале 1918 г. призывы большевистских вождей «углублять» (то есть усиливать, развивать) революционные преобразования.

458. См. коммент. к фельетону «Хозяин тут».

459. Речь идёт о подготовке большевиками сепаратного мирного договора (Брест-Литовского) с Германией. О Вильгельме см. коммент. к фельетону «На улице».

460. Под руководством Мухина в Амурской области проводилась радикальная социализация: были упразднены земство и городское самоуправление, приняты решения о полной национализации частной собственности: фабрик, заводов, приисков, банков и т.п. Этот радикализм и станет причиной вооружённого выступления против власти Советов (так называемый Гамовский мятеж 6–13 марта 1918 г., во время жестокого подавления которого большевиками Ф.И. Чудаков и примет решение покончить жизнь самоубийством).

БРЕСТ-ЛИТОВСКОЕ ДЕЙСТВО

Дятел, беспартийный (Дятел, беспартийный. 1918. № 5. С. 3).

461. *Паче чаяния* (устар., книжн.) – вопреки ожиданию.

462. *Гофман Макс* (1869–1927) – генерал-майор, с сентября 1916 г. командующий германскими войсками на Восточном фронте, с декабря 1917 г. по февраль 1918 г. фактический глава германской делегации на переговорах с Советской Россией в Бресте.

463. *Финита ля комедия* (разг., ирон., от итал. finite la commedia – комедия окончена) – о завершении какого-либо дела, как правило – неблагоприятном.

РАБОТЯГИ

Амурец (Дятел, беспартийный. 1918. № 5. С. 6).

464. Фельетон написан в форме монолога от лица одного из представителей советской (большевистской) власти Благовещенска.

465. *Сколлонтаить* – неологизм образован сатириком от фамилии видной деятельницы большевистской партии и советского государства *Александры Михайловны Коллонтай* (1872–1952), активно выступавшей за равноправие женщин, в том числе в интимной сфере.

466. См. коммент. к фельетону «Привычка».

467. *Пленар* – пленарное заседание (очевидно, Благовещенского Совета рабочих и солдатских депутатов).

ЕСТЬ СЕРЕДИНА!

Чижик (Дятел, беспартийный. 1918. № 5. С. 4).

468. *Губельман Моисей Израилевич* (1883/1884–1968) – советский партийный и профсоюзный деятель, брат Емельяна Михайловича Ярославского (Миняя Израилевича Губельмана) – идеолога и руководителя антирелигиозной политики в СССР, председателя Союза воинствующих безбожников. После Февральской революции Губельман оказался во Владивостоке, входил в состав Дальбюро ЦК РКП (б), являлся членом Военного совета Дальневосточной республики (ДВР), членом правительства ДВР.

469. *Быть в нетях* (устар., разг.) – отсутствовать, находиться неизвестно где.

ЦВЕТЫ И ПЯТКИ

Чижик (Дятел, беспартийный. 1918. № 6. С. 7).

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Урманов. Амурский Саша Чёрный 3

РАЗДЕЛ I. САТИРА

1. «ШПИЛЬКИ»	21
Сказание об Исаакии-витязе	21
Спящий красавец, <i>Оперетка в 1 действии</i>	23
Сколько их!..	25
Из тюремных мотивов	25
Эстеты	27
Колыбельная песенка	28
Гоголевский юбилей	30
Подвиг	31
Закрытие порто-франко	32
Светлана	34
2. «КОЛЮЧКИ»	38
Деятель	38
«Принципы фирмы»	39
Колдунья. <i>Фантастическая пьеса в шести картинах, из коих четыре только подразумеваются</i>	40
На тему дня	46
Пример	47
Патриот. <i>Желчные песни</i>	48
Юноше	49
Дуэль. <i>Фантазия</i>	50
Папа и мама	51
Типы избирателей	52
Пародия	54
Куски жизни грубой и бедной	54
На чужой мотив	57
Опыт благовещенского энциклопедического словаря	58
3. «АМУРСКИЙ КРАЙ»	60
Торжество победителей. <i>Фантазия</i>	60
Что думает антрепренёр, когда ему не спится	61
Жеребцы. <i>Куплеты</i>	62
Разве не пакость?	63
Тоже награда	64
Письмо в редакцию	65
Министерский недосмотр	66
Баста ходить без цензуры!	68
Тишь да гладь	69

Осмеяна-царевна. <i>Лиро-эпическая драма с фантастическими превращениями</i>	71
Царь природы. <i>Трагикомедия современности</i>	75
Универсальные знания	79
Феноменальный организм	81
Куплетные вирши, на предмет прославления российского кулака составленные	82
Размышления патриота	84
Весёлый народец! <i>Штрихи и контуры</i>	85
Печальная песня	87
Оказия! <i>Штрихи и контуры</i>	88
В кривом зеркале	91
Весенний фельетон	96
4. «ЭХО»	99
Лирика	99
Настроение. <i>Накипь</i>	101
Кошмар фельетониста	102
Через 50 лет. <i>Девочка с газетой</i>	102
Лирические басни	104
Левое засилье	105
На досуге	106
2 X 2 = 4	108
Маёвка	108
Проводы Весны	110
Общее собрание. <i>Шарж</i>	110
Побочный труд	111
Утром в лодке	112
Читатель. <i>Самому себе</i>	112
Вопль фельетониста	113
Заседание в «курье». <i>Проект стихотворения</i>	114
Безработный	115
Из дорожного альбома	116
Из «амурских басен»	116
Нужды края	117
Закладка	118
Накипь дня (Расхрабрившись, точно кочет...)	118
Накипь дня (Мелкий дождик сеет-сеет...)	119
Очень просто!	120
В собачьей яме. <i>У Курилова</i>	121
Накипь дня (Сколь взыскан небесами...)	122
Первый мороз	124
Две трети	124
17 Октября	125

Накипь дня (Стал отменно небогатым...)	126
Слово о полку антрепренёрове. <i>С древнетунгусского</i>	127
По болезни, с мундиром и пр. <i>Одесский кек-уок</i>	129
Накипь дня (Но позвольте: если этак рассуждать...)	130
Слезницы	131
Колёсная	132
5. «ЗЕЯ»	134
Негласная ревизия	134
Краткая история Амурского края с древнейших времён до наших дней	137
Тренировка	139
Спутник пассажира	141
Аттестация	142
Карьера	143
Момус на Амуре	144
Реприманд неожиданный. <i>К происшествию в петербургском ресторане «Медведь»</i>	149
Блины с гарниром	150
6. «АМУРСКОЕ ЭХО»	153
Куски жизни	153
Привычка. <i>Философические куплеты</i>	155
Сенсация	156
Перелёт	157
Кто он?	158
Тост	159
Селемджинский барин	159
Для нас – излишне!	160
Рыцарь без страха, но с упрёком	161
Первые кандидаты	161
Драма в вагоне. <i>Рассказ</i>	163
Как быть?	167
Поминальное	167
Полюбовный раздел. <i>Шутка</i>	168
Не в добрый час	169
Экспорт и импорт	171
Слово о зерне	172
Новые веяния	174
В вагоне	174
Без программы	176
Песенка	176
Пропорция	177
В балете	177

Рассказ деда	178
«Бесспорно, факт ужасно грустный...»	179
Письмо без адреса	180
Странный разговор	183
Символ	185
Редакционная корзина. <i>Меланхолический отрывок</i>	185
Положеньице!	186
«Тщетно голову ломаю...»	187
Собачья жизнь	188
Читатель и писатель. <i>Маленькая трагедия</i>	191
Элегия	192
«Жертва режима». <i>Накись революции</i>	193
Первый!	194
Тоже «товарищи»	194
Символический сановник	196
Оборотни	197
В минуту раздумья	197
«Чем агенты старой власти...»	198
В день Благовещенья	199
«Кухаркины дети»	200
7. «НАРОДНОЕ ДЕЛО»	202
Детская песня	202
Хозяин тут	203
На улице	204
8. «ДЯТЕЛ, БЕСПАРТИЙНЫЙ»	205
Авдотья Андревна	205
Почему мука стоит девять рублей	207
Благодетели	209
Партийные о беспартийном	210
Знаем, в чём дело. <i>Монолог редактора</i>	212
Песнь о Кульдурском ключе	213
Песни Дятла, беспартийного	221
Объяснение иностранных слов и выражений	226
Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!	228
Брест-литовское действо	229
Работяги	230
Есть середина!	232
Цветы и пятки	232
РАЗДЕЛ II. ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ	
Устье Гилюя. <i>Из дорожного альбома</i>	235
Сотворение Приамурья. <i>Легенда</i>	237

Легенда о берёзе	239
Мукомол. Сказка	242
Тарбаган. <i>Монгольская сказка</i>	245
Притча о венике	248
Евшан-трава	251
Старая хлеб-соль забывается. <i>Народная сказка</i>	255

РАЗДЕЛ III. ЛИРИКА

1. «ПЕРЕЖИТОЕ»	261
Майское...	261
«Ты ходила к нему на свиданье!..»	262
«Ты в трауре... Лицо твоё бледно...»	262
Смерть Икара	263
Тюремные мотивы	263
Тайга	264
Стоны	265
Весеннее	266
«Не надо веселья... чужда мне отрада...»	267
Из пережитого	267
Побег	268
«Крепок мой посох дубовый...»	270
2. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	271
«Долго, потом обливаясь...»	271
Степная сказка	271
«Вместе с этой тучей снежной...»	273
«Нам дано роковое наследство...»	274
«В густых кустах бурьяна и крапивы...»	274
«В этот мир борьбы и гнева...»	275
«Зима царит... Блестит бесстрастно иней...»	275
«На скалах у моря орлята сидели...»	276
«Сверху, нависнув угрюмой громадой...»	276
Дорогому юбиляру, Александру Николаевичу Каренину, слава и многие лета!	277
Ночью	278
Из дневника	280
Светляк	280
На могиле А.В. Кирхнера	281
«Из всех имён на свете...»	282
Сентябрь	282
Риголетто	283
Зея	283
В зимовье	284

Последний пароход. <i>Элегия</i>	284
Верую!	285
В библиотеке	286
Из книги пророка Иеремии	287
Печальный роман	288

РАЗДЕЛ IV. ПРОЗА

1. ОЧЕРКИ	293
ТАЁЖНЫЕ ОЧЕРКИ	293
1. Беспокойная ночь	293
2. Переселенческая дорога	299
3. Золотой Ключ	303
В «СТОЛИЦУ» ПРИАМУРЬЯ!	306
2. РЫБАЦКИЕ И ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ	320
У перевоза. <i>С натуры</i>	320
Дождик. <i>Из охотничьих рассказов</i>	325
На хариусов. <i>Рыбацкие рассказы</i>	331
3. РАССКАЗЫ О ДЕТСТВЕ	347
ФИЛИК НА ДАЧЕ. <i>Весенние отрывки</i>	347
Гольшмятина	347
Схватка с коровой	348
Полкан в опасности	350
Сломанный месяц	351
Трудная буква	351
ИЗ ДЕТСТВА ИВАНА ГРЯЗНОВА	352
Трудный день	352
«Таинственный остров»	358
Удалой набег	361
4. ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ	364
ДИАНА КЕДРОВСКАЯ	364
I. Вовремя!	364
II. «Чудной паря»	367
III. Беда	370
IV. На вершок от головы	373
V. Гость	376
VI. Перша	379
VII. Когти особого рода	382
VIII. «Лесовуха»	385
IX. Её история	388
X. Звериная жизнь	391

XI. В хребтах	394
XII. Лицом к лицу	397
XIII. Васькина шапка	400
XIV. На звериной тропе	403
XV. Так было нужно!	407
XVI. Заключение	410
ДОЧЬ ШАМАНА	412
Часть первая	412
I. «Тень»	412
II. «Ефим Карпыч»	414
III. Дрова грузят	417
IV. Один	420
V. Прощай, остров!	423
VI. Выгодная покупка	427
VII. В плену	430
VIII. Пан	433
Часть вторая	437
I. [Без заглавия]	437
II. Мафа	440
III. Нянта	444
IV. Драма	447
V. По следам	450
VI. Схватка	452
VII. Тайна Мафы	455
5. АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЗА	459
Редакционное собрание. <i>Из тюремных очерков</i>	459
Шамиль. <i>Рассказ</i>	462
Навстречу тучам. <i>Очерки подневольного путешествия к чёрту на кулички</i>	467
«Арестант». <i>Из воспоминаний</i>	470
РАЗДЕЛ V. ДРАМАТУРГИЯ	
Изгнанники. <i>Картины из жизни в ссылке</i>	479
Действие первое	480
Действие второе	493
Действие третье	506
Действие четвёртое	520

РАЗДЕЛ VI. ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ Ф.И. ЧУДАКОВА.
ВОСПОМИНАНИЯ

1. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОСЛЕДНЕГО – «ПОСМЕРТНОГО» – НОМЕРА ЖУРНАЛА «ДЯТЕЛ, БЕСПАРТИЙНЫЙ»	535
Последнее письмо Ф.И. и В.И. Чудаковых	536
Отрывок из письма Ф.И. Чудакова к брату	536
Завещание Ф.И. Чудакова	536
Фёдор Иванович Чудаков. Биографические штрихи	537
2. ОТКЛИКИ, ВОСПОМИНАНИЯ	541
<i>Николай Петров.</i> На смерть Ф.И. Чудакова	541
<i>М. Катаев.</i> Как умерли Чудаковы	541
<i>Ан. Скорбящий.</i> Памяти Фёдора Ч.	545
<i>П.М.</i> Великая жертва	546
<i>И.М. Сивков.</i> Ф.И. Чудаков в тюрьме	546
<i>Николай Шилов.</i> День за днём	549
<i>Николай Шилов.</i> Памяти друга	549
<i>М. Басов.</i> Ф.И. Чудаков	552

КОММЕНТАРИИ

Комментарии к разделу I. Сатира	561
Комментарии к разделу II. Легенды и сказки	654
Комментарии к разделу III. Лирика	667
Комментарии к разделу IV. Проза	676
Комментарии к разделу V. Драматургия	690
Комментарии к разделу VI. Отклики на смерть Ф.И. Чудакова. Воспоминания	699

Литературно-художественное издание

Фёдор Чудаков

«ЧАША СТРАДАНИЯ ДОПИТА ДО ДНА!..»

Из творческого наследия выдающегося сатирика
начала XX века

Издатель: *Александр Колесов*
Редактор-составитель: *Александр Урманов*
Макет: *Людмила Харитонова*

Подписано в печать 22.09.2016
Формат 60х90/16. Усл.-печ.л. 44,75. Уч.-изд. л. 25.
Печать офсетная. Бумага офсетная
Тираж 2000 экз. Заказ №

Тихоокеанское издательство «Рубеж»
rubezh@vladivostok.com

Отпечатано в соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Уральский рабочий»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>, e-mail: book@uralprint.ru